

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

23

Москва 2013

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Редакционная коллегия:

Алексей Барабашев, Юрий Батулин, Ольга Волкогонова, Игорь Клямкин, Иван Курилла, Борис Ланин, Андрей Макарычев, Эмиль Паин

Редактор: Екатерина Алексеева

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: Москва, Бутырская улица, деловой центр «Белая площадь» и Никольская церковь. Фото Константина Кожошкина. РОСФОТО

Адрес редакции:

119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

Содержание

К читателю

5

Тупики постсоветского развития: поиск выходов

Андрей Рябов

Постсоветские государства: дефицит развития на фоне политико-экономического многообразия

7

Алексей Алексеев

Российский реальный сектор – трамплин(чик) для инновационной экономики?

18

Андрей Медушевский

Проблемы модернизации конституционного строя: нужно ли пересматривать Основной Закон России?

28

Виктор Шейнис

Деволуция избирательной системы в России

40

Алексей Барабашев, Александр Оболонский

Как расчистить авгиевы конюшни нашей бюрократии: два взгляда

53

Проблемы межкультурных отношений и интеграции мигрантов

Сергей Федюнин

Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики

66

Владимир Кржевов

Перспективы культурной интеграции России: религиозные общности вместо гражданской нации?

77

Ольга Вендина

Две Москвы: мировоззрение москвичей и дифференциация городского пространства

87

Марья Розанова

Интеграционная политика в современном мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)

101

Россия и Америка: к пониманию друг друга

- Александр Окунь*
«Я предпочел бы быть гражданином деспотической России...»: Ричард Гринер – первый американский консул во Владивостоке 110
- Елена Фомина*
Карельская лихорадка 118

Научная жизнь

- Календарь событий осени – зимы 2012/2013 года 126

Книги

- Евгений Цымбал*
Возвращение забытого гения (о книге избранных работ Александра Евлахова) 129
- Россия как объект социального воображения и мифотворчества американцев
Стенограмма презентации книги Виктории Журавлевой 133
- Вышли из печати 139

- Summaries* 140

- Приглашаем авторов к сотрудничеству* 144

К читателю

Обычно при формировании номера мы сталкиваемся с непростой задачей – как внутренне объединить его разноплановые статьи. На этот раз никакой сложности не возникло. Ведь внимание большинства авторов настоящего выпуска «Вестника» – исследователей в разных областях общественных наук, занимающихся разными проблемными зонами, оказалось прикованным к одной теме. Все они так или иначе рассматривают тупики постсоветского развития как в России, так и в других новых независимых государствах на территории бывшего СССР. Думается, что такое редкое единомыслие не случайность. Сегодня именно этот образ – образ тупика – созвучен настроению многих российских интеллигентов.

Журнал открывает статья Андрея Рябова, посвященная анализу природы социальных порядков в постсоветских государствах и потенциала общественных изменений в них. Автор связывает тупиковый характер развития, политический, а в последнее время и экономический застой в большей части стран, возникших на обломках СССР, с отсутствием в них элит, политических акторов, заинтересованных в каких-либо переменах. Возможность прорыва из этого тупика видится автору в формировании новых элит как субъектов развития. Начать этот процесс может прежде всего Россия. Российская модель, по мысли Рябова, является ориентиром для властных элит почти всех постсоветских государств. Здесь же в большей мере, чем во многих других странах постсоветского мира, осознается, по крайней мере среди экспертов, потребность в кардинальных изменениях в самых разных областях общественной жизни.

Анализу основных вызовов, подталкивающих Россию к модернизационным переменам, посвящена большая часть статей первой рубрики «Вестника». Алексей Алексеев рассматривает фундаментальные проблемы в производственной сфере России, для решения которых необходимо менять базовые принципы экономической политики, что, в свою очередь, требует создания конкурентоспособного инвестиционного климата и эффективного государства. Андрей Медушевский предлагает ответы на вопросы о том, каков должен быть масштаб конституционных изменений, их направленность и технологии осуществления. Виктор Шейнис, определяя изменения, произошедшие в российской избирательной системе в «нулевые» годы, как деволюцию, видит в качестве направлений позитивной деятельности в сложившихся условиях экспертную, законотворческую работу по предложению обществу конкретного плана политической реформы и реформы избирательного законодательства, а также непосредственное участие в избирательных кампаниях. Алексей Барабашев и Александр Оболонский рассматривают один из аспектов необходимой трансформации сложившейся в России государственной системы – кадровую реформу государственного аппарата. В качестве основного вектора перемен предлагается движение в сторону разработки механизмов участия гражданского общества в подборе и оценке кадров государственной службы, управленческих технологий нового вида.

В сфере межкультурных отношений, которой посвящены статьи второй рубрики, свои тупики: старые подходы не эффективны, новые не выработаны. В современном мире одной из важнейших задач является выработка нового

восприятия и новых подходов к культурному разнообразию и социальной интеграции. Однако, как показывает Сергей Федюнин, даже в развитых демократиях предлагаемые наукой пути выхода из тупиковых ситуаций нередко остаются не услышанными или искаженными в области политики и административного управления. В России же эти проблемы значительно острее, и касаются они интеграции не только мигрантов, но и в значительной степени местного населения. Большинство авторов этой рубрики в той или иной форме отмечает высокий уровень атомизации и разобщенности российского общества. Ольга Вендина обращает внимание на проблему фрагментированности московской городской среды, связанной с различиями в мировоззрении жителей столицы. Мария Розанова рассматривает проблемы интеграции мигрантов в современных мегаполисах, оценивая сильные и слабые стороны соответствующей политики Санкт-Петербурга. Отмеченную разобщенность власти пытаются преодолеть с помощью политической стратегии ретрадиционализации, важнейшая роль в которой отводится православию и другим так называемым традиционным религиям. Владимир Кржевов отмечает тупиковый характер такой политики. По его мнению, активно предпринимаемые сегодня попытки консолидировать российское общество за счет усиления роли клерикализма чреваты социальными взрывами и усилением дезинтеграционных процессов.

И наконец, в нашей постоянной рубрике «Россия и Америка: к пониманию друг друга» опубликованы статьи Елены Фоминой и Александра Окуня, повествующие о малоизвестных страницах российско-американской истории. Органичным продолжением темы слу-

жит и стенограмма презентации новой книги признанного историка-американиста Викторией Журавлевой, посвященной восприятию России в США в конце XIX – начале XX века. Мы по-прежнему уверены, что только лучшее «узнавание» друг друга поможет найти выход из того тупика, в котором сегодня оказались отношения между двумя великими странами.

Философский словарь определяет тупик как «непроходимый путь, дорогу в никуда, имеющие для начинающего движение вполне приемлемый вид на начальном участке». И действительно, никто ведь добровольно в тупики не входит, всем поначалу кажется, что они движутся в правильном направлении. Вот и ретрадиционализация первоначально многим казалась вполне приемлемым путем развития стран с многовековой авторитарной традицией и почти полным отсутствием традиций демократических и гражданских. Но двадцать два года исторического пути постсоветских стран, да хотя бы и последние тринадцать лет, – это достаточный испытательный срок, для того чтобы убедиться в иллюзорности надежд решить новые проблемы архаичными политическими средствами. К сожалению, такое понимание пока характерно в основном для экспертов, да и то не всех. А ведь кардинальные перемены, которые могли бы способствовать модернизации России и других постсоветских стран, возможны лишь при осознании тупиковости нынешнего движения широкими слоями общества. Но, как говорится, «капля камень точит». Надеемся, что этот номер журнала будет содействовать общественному просвещению, а следовательно, и поиску выходов из исторических тупиков.

Редколлегия

Постсоветские государства: дефицит развития на фоне политико- экономического многообразия

Политические изменения в двух постсоветских государствах – Грузии и Украине, вызванные результатами состоявшихся в них в октябре 2012 года парламентских выборов, вновь заставили говорить о возникновении политической динамики в этом регионе мира. Очевидно, что одним из поводов для подобных предположений является то, что в первой половине нулевых годов именно эти страны были в авангарде политических перемен, осуществлявшихся тогда в форме «цветных революций». Поэтому вполне естественно появляется стремление сравнить нынешние процессы с событиями того времени и рассмотреть вопрос о природе современной динамики, ее содержании и направленности. Встает вопрос: не является ли она «пустой», не способной вызвать структурные и институциональные перемены в постсоветских государствах? Для ответа на него целесообразно поставить проблему более широкого характера: о природе социальных порядков в постсоветских государствах и о потенциале общественных изменений в них. Именно эта проблема представляется ключевой для понимания процессов, протекающих в этой части мира. Но перед тем, как высказать принципиальные соображения по данной проблематике, целесообразно остановиться на общих характеристиках постсоветского пространства как политико-географического региона мира.

В настоящее время в литературе предлагаются разнообразные способы группировки и классификации постсо-

*Андрей Вилениович Рябов,
кандидат исторических наук,
эксперт Горбачев-Фонда, главный
редактор журнала «Мировая
экономика и международные
отношения»*

ветских государств. По моему мнению, единой схемы группировки быть не может, потому что слишком разнообразны условия, различны цели, с которыми подходят к этим государствам исследователи, проводя подобные классификации. Например, по территориальному критерию сегодня выделяют три больших субрегиона – это новая Восточная Европа, в которую включают европейскую часть России, Украину, Белоруссию, Молдову, страны Южного Кавказа, отдельный субрегион – Казахстан и государства Средней Азии. Я полагаю, что использование этого старого термина – «Средняя Азия» – более корректно, чем пришедшего в начале 90-х годов из американской литературы термина «Центральная Азия», который охватывает гораздо больший по площади регион, включающий в себя Монголию, Афганистан, западные регионы Китая. Если речь идет о постсоветском пространстве, то имеется в виду прежде всего эволюция бывших советских республик Средней Азии, возникших на их основе новых независимых государств. Поэтому в этом материале используется термин «Средняя Азия».

Наверное, можно сделать несколько классификаций постсоветских государств по типу политических режимов. Но даже здесь едва ли возможна одна общая классификация, поскольку слишком различаются взгляды исследователей, их подходы к оценке этих политических режимов.

Столь же сложна, наверное, будет классификация по экономическим моделям. В ее основу могут быть положены разнообразные критерии – от институциональных критериев (экономика «новых» и «старых» институтов) до различных показателей социального развития¹. Однако для моего дальнейшего анализа важно прежде всего указать, что на постсоветском пространстве есть

как страны с преобладающим влиянием частной экономики, так и страны, где государство играет по-прежнему роль ключевого экономического игрока. В этом контексте особо следует отметить пример Белоруссии. До последнего времени, как представляется, на постсоветском пространстве это была страна с единственным типом неосоциалистической экономики. Сейчас ее неосоциалистическая экономика стремительно трансформируется в направлении государственного капитализма.

Появились даже классификации, расценивающие постсоветские страны по степени приближенности их к различным моделям развития².

По-разному можно оценивать политические системы постсоветских государств. И здесь, видимо, классификация необязательно будет совпадать с той, которую можно получить, группируя эти государства по признаку сходства политических режимов. Но, на мой взгляд, это не столь уж и важно. Это важно лишь в том смысле, что показывает, насколько значительным является политическое и экономическое многообразие постсоветского пространства, которое, судя по всему, в ближайшей перспективе будет только усиливаться.

В последнее десятилетие все чаще рост этого многообразия – не только количественный, но и качественный – убеждает многих исследователей, аналитиков в том, что постсоветское пространство как некий политико-географический регион мира либо уже перестало существовать, либо движется в этом направлении, то есть находится в процессе фрагментации и распада. В качестве дополнительных аргументов приводятся ссылки не только на это растущее многообразие, но и на такой важный аспект, как разновекторные внешнеполитические ориентации постсоветских государств. Одни из них, по

¹ См.: *Tridico P.* Institutions, Human Development and Economic Growth in Transition Economies (Studies in Economic Transformations). London, 2011.

² *Куценко О.Д.* Фазы и пути системных трансформаций: подобию и различия в бывших странах государственного социализма // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание. Харьков, 2004. С. 15.

крайней мере на уровне официальных внешнеполитических доктрин, по-прежнему считают своей главной целью европейскую интеграцию, хотя ни для кого не секрет, что эта цель на сегодняшний день находится за горизонтом планирования нынешнего поколения политиков. Кто-то пытается создавать субрегиональные организации. Такие попытки неоднократно предпринимались в Средней Азии. Существовала организация, главной целью которой было ослабление российского влияния в регионе (ГУУАМ), в настоящее время предпринимаются попытки активизировать процесс создания ассоциации государств тюркских народов и т. п. И на основании приведенных аргументов о различиях в экономическом развитии, внешнеполитических ориентациях, разнице политических режимов обычно делается вывод, что ничего общего между этими государствами на сегодняшний день уже нет. Таким образом, постсоветское пространство трактуется как некая уходящая, если уже не ушедшая политическая реальность.

Автор этой статьи придерживается другой точки зрения. Она заключается в том, что постсоветское пространство, несмотря на все многообразие расположенных на его территории государств, как политико-географическая общность все же существует. И главным доказательством его существования является однотипность или по крайней мере сравнимость внутриполитических порядков, несмотря на качественное разнообразие политических режимов. Иными словами, между государствами Средней Азии и продвинутыми странами новой Восточной Европы гораздо больше общего, чем это принято считать, если посмотреть на них сквозь призму политической экономики, а не сопоставлять их по уровню внедрения институтов и норм процедурной демократии.

Более того, однотипные политические порядки порождают воспроизводство сходных по характеру властных и политических элит в этих странах, ме-

тодов политического доминирования, которые они используют. Говоря о политических элитах, применительно к постсоветским странам, на мой взгляд, нужно сделать важную оговорку. В отличие от развитых демократий, где политические элиты являются независимыми и самостоятельными корпорациями наряду с другими функциональными элитами, в постсоветских государствах они поглощены бюрократическими элитами, являются производными от них. Той четкой дифференциации, какая существует в развитых демократиях между политическими, административными, медийными, военными и бизнес-элитами, на постсоветском пространстве нет. А если она и присутствует, то выражена очень слабо. Напротив, дифференциация между различными функциональными элитами в последние годы становится все меньше, процесс идет в обратном направлении.

И в этих условиях возникает межстрановая солидарность властных элит, их заинтересованность во взаимной поддержке, равно как и поддержке контролируемых ими политических порядков, несмотря на, возможно, очень сложные двусторонние отношения между теми или иными постсоветскими странами и между всеми этими странами и Россией. Ярким примером этого являются российско-украинские отношения. Ныне в правящих кругах России наконец стали понимать, что на Украине нет и не может быть влиятельных пророссийских политических сил. Тем не менее в Москве существует хорошо осознаваемая заинтересованность в сохранении на Украине нынешнего типа политической системы и политического порядка, обеспечивающего доминирование определенных групп элиты. Почему? Потому что это позволяет поддерживать систему взаимоотношений с Украиной на том уровне, на котором хотелось бы ее видеть правящим кругам в Москве, и политически удерживать эту страну в рамках постсоветского пространства. Приход же к власти в соседнем государстве других элит, которые захотят

изменить свою страну, приблизить ее к Европе, может нанести ущерб интересам российских правящих кругов.

В этом смысле российский политический порядок до сих пор служит ориентиром для властных элит практически всех постсоветских государств. До последнего времени существовала только одна столица на постсоветском пространстве, которая, по крайней мере, не хотела быть похожей на Москву, даже внешне, – это Тбилиси. Пока эта тенденция там еще сохраняется, но как развитие событий в Грузии пойдет дальше – это большой самостоятельный вопрос, который нужно рассматривать специально.

Элиты всех остальных стран стремятся использовать российский опыт. Опять-таки наиболее ярким, на мой взгляд, примером являются попытки россиизации (именно россиизации, не русификации) украинской политики, которые проводились с приходом к власти президента Виктора Януковича. Вопреки распространенным идеологическим штампам и клише, они осуществлялись не под давлением из Москвы, а по настойчивому желанию самой ныне правящей украинской элиты, для которой российский политический порядок если не является образцом для подражания, то по крайней мере рассматривается в качестве чрезвычайно эффективного инструмента для решения задач по удержанию власти.

Да, конечно, Украина – не Россия, как писал бывший президент украинского государства Леонид Кучма. Но и возможности у Виктора Януковича, Партии регионов, элит, связанных с этими институтами, – далеко не российские. Тем не менее важно отметить динамику украинской политики вплоть до последних парламентских выборов. В этой динамике четко просматривалось влияние российского опыта. Было очевидно, как властные элиты в Киеве пытались копировать те или иные образцы российских политических подходов, касающихся регулирования различных сфер социальной жизни: организации и

проведения выборов, взаимоотношений правительства и СМИ, создания эксклюзивных условий деятельности для правящей партии и т. п.

В этом контексте воспринимаются как некорректные всевозможные пессимистические оценки и прогнозы о том, что Россия уходит с постсоветского пространства, что ее оттуда вытесняют и т. д. Россия остается стержнем этого пространства, прежде всего потому, что она для правящих элит большинства государств по-прежнему является эталоном для подражания ее политическому порядку. Россия экспортирует определенный тип политического порядка в соседние государства. Причем это происходит не вопреки, а как раз в полном соответствии с интересами правящих элит в странах постсоветского пространства. И было бы несправедливо утверждать, что Москва проявляет заинтересованность и настойчивость в организации этого экспорта.

Самостоятельным представляется вопрос о принадлежности Балтийских стран к постсоветскому пространству. На первый взгляд, ответ на него кажется простым, поскольку давным-давно, сразу после распада Советского Союза эти страны дистанцировались от постсоветского пространства, не вошли в СНГ, а взяли курс на евро-атлантическую интеграцию. В конечном итоге они стали членами НАТО и Евросоюза, и в настоящее время эти государства относятся к иному политико-географическому региону мира – Большой Европе.

Иными словами, с точки зрения политико-правовой принадлежности стран Балтии, идентичности их народов такого вопроса не существует, и потому было бы некорректно рассматривать их как часть постсоветского пространства. Но если посмотреть с другой стороны, а именно с позиций наличия в политике и экономике этих государств элементов постсоветских порядков, особенно в таких странах, как Латвия и Литва, здесь их дистанция от постсоветских государств будет уже не столь очевидной. По этому критерию Латвия и Лит-

ва находятся в некоей переходной зоне между постсоветскими государствами и Эстонией. Эстония – это единственный, на мой взгляд, успешный проект создания постсоветского национального государства, которое завершило посткоммунистический транзит и, несмотря на проблему русскоязычного меньшинства, никакого отношения к постсоветскому пространству не имеет. Но это своеобразный *unique case*.

Что же касается Латвии и Литвы, то, наверное, правомерно сравнивать некоторые процессы и тенденции в этих государствах с теми, что существуют в странах постсоветского пространства, в том числе имеющих очевидные проблемы с демократизацией. Здесь имеется в виду сходство по таким критериям, как наличие системной коррупции, сращивание высшей государственной бюрократии и большого бизнеса, слабое влияние общества на принятие политических решений. Немалую роль в политике этих стран играет и такой фактор, как тесные связи их экономик с Россией, особенно в столь важных отраслях, как энергетика и финансы.

Итак, считать Латвию и Литву с точки зрения природы установившегося в них социального порядка полностью освободившимися от элементов «постсоветскости», на мой взгляд, было бы все же преждевременно.

Если говорить о современном состоянии новых независимых стран, то за двадцать лет существования все они прошли огромный путь, и сегодня можно с уверенностью констатировать, что где-то к началу нулевых годов нынешнего столетия на территории бывших советских республик повсеместно сформировались новые национальные государства. Они различны по уровню внутривнутриполитической стабильности, степени консолидированности государственности. Некоторые из них до сих пор сохраняют чувствительную проблему отколовшихся территорий. Другие балансируют на

уровне того, что называется *failed state*, по крайней мере, весьма близки к этому состоянию. В этой связи в литературе даже появились классификации посткоммунистических государств по уровню «государственной состоятельности»³. При этом постсоветские страны по этой классификации относятся к категориям «средней» и «худой» государственной состоятельности. Тем не менее даже столь критические оценки не являются аргументом для утверждений о том, что процесс строительства новых национальных государств еще далек от завершения. Национальные государства уже состоялись, сложились их элиты. Об институтах будет сказано ниже. Новые независимые государства могут быть более или менее устойчивыми. Но главное, необходимо подчеркнуть еще раз, что процесс их формирования в целом уже завершен.

Для того чтобы понять особенности нынешнего этапа развития постсоветских государств, увидеть то, что не проявляется в публичной политике, не включено в политические и предвыборные программы основных политических сил, нужно попытаться описать тип социального порядка, который в них сложился с более широких позиций.

Думается, что этот порядок не следует рассматривать ни в категориях транзита, трансформации и т. д., ни даже в категории гибридности, поскольку они, на мой взгляд, лишь фиксируют определенное общественное состояние, не объясняя его природы и механизмов функционирования. Иными словами, они констатируют наличие разнородных элементов в политике и экономике постсоветских государств, но никак не раскрывают причин и динамики этого явления.

Трудность в изучении интересующего нас объекта заключается в том, что в результате адаптации старых советских порядков к новым институтам, которые были наложены извне (наложены – не

³ См.: Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., Миролюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2. С. 19–20.

в смысле навязаны, а импортированы, взяты в качестве образцов), произошли такие сложные изменения, «мутации», в результате которых сформировались, утвердились неформальные и теневые практики и отношения. Со временем они приобрели устойчивый характер, поскольку в них были вовлечены многочисленные, хотя и разнородные социальные группы, которые ныне заинтересованы в поддержании и сохранении этих практик и отношений.

Именно поэтому институциональный анализ – будь то политический или экономический – подчас очень мало может дать для понимания того, как функционируют постсоветские общества.

Результатом синтеза советских разрушающихся структур и отношений с «имплантированными» на новую почву институтами стала вовсе не некая гибридность, а формирование некоей устойчивой общественно-экономической системы, которую условно (никаких устоявшихся терминов и определений в литературе нет) можно было бы назвать постсоветским капитализмом. Против такого понимания наверняка найдутся серьезные и, вполне вероятно, обоснованные возражения, что это и вовсе не капитализм. Но вопрос в настоящее время не в терминах. Мы настолько мало знаем о феномене постсоветских обществ, что устраивать терминологические дискуссии сегодня, наверное, было бы преждевременным.

Что же является основополагающими и системными признаками этого социального феномена? Прежде всего, то, что, казалось бы, лежит на поверхности, но с точки зрения политэкономии чрезвычайно важно, – это сращивание власти и собственности и концентрация их в руках очень узкой группы одних и тех же элит. Фактически это приводит к возникновению единого института «властесобственности»⁴. Подобное положение ослабляет дифференциацию элит, потому что все функциональные элиты, включая политические и дело-

вые, находятся в зависимости от держателя власти и собственности – государственной бюрократии. Но самое главное, в контексте проблем политического развития и демократии, это приводит к концентрации ресурсов на одном полюсе и чрезвычайно затрудняет процесс входа новых акторов на политические рынки. Даже в тех странах, где существует относительно высокий уровень конкуренции, выход на политический рынок для новых игроков сильно затруднен. Конечно, с этим утверждением можно поспорить, обращаясь к результатам недавних парламентских выборов на Украине. Партия «Свобода», ранее заметная лишь в западных областях страны, неожиданно для многих осуществила мощный прорыв на уровень национальной политики. Казалось бы, этот пример опровергает выше приведенное утверждение. Но своим успехом она во многом обязана внутренним конфликтам внутри правящих элит. Ее самостоятельность не стоит переоценивать. Да и шансов на то, что эту партию, по крайней мере в ее нынешнем виде, допустят к механизмам принятия решений, практически нет.

Концентрация ресурсов в руках узких привилегированных групп серьезно влияет на структуру политического процесса постсоветских государств. В развитых демократиях, например в Соединенных Штатах, президентская избирательная кампания начинается всегда с маленьких штатов. Потому что для ее ведения там поначалу достаточно минимальных ресурсов, что и позволяет начинать избирательную кампанию силами лишь узкого круга единомышленников. А деньги приходят уже после того, как осуществляется первая подобная «обкатка» тех или иных кандидатов и выдвигаемых ими идей, если они доказывают свою востребованность в обществе. В постсоветских системах все происходит наоборот. Даже если у каких-то политиков и групп есть некая новая политическая идея, которая в

⁴ Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006. С. 253.

принципе способна заинтересовать население, то для ее продвижения сначала нужно получить ресурсы, точнее, согласие элит, которые их контролируют, на то, что идею можно продвигать в массы. Такое согласие в принципе может быть получено, но, как правило, оно обставляется соответствующими условиями, зачастую обесценивающими смысл первоначальной идеи. В итоге на политический рынок она попадает уже в совершенно ином виде.

Другим следствием концентрации власти и собственности в одних и тех же руках является то, что количество политических и социальных акторов на практике сводится к минимуму. По точному замечанию одного российского экономиста, сделанному в частной беседе (поэтому здесь не называется его имя), в такой системе акторами являются только те, кто так или иначе включен в коррупционные связи и отношения, неважно, в каком качестве. А отношения эти носят многообразный характер. Поэтому для остальной части населения, возможно, даже обладающей какими-то идеями, проектами и даже статусами, возможности реального участия в политике практически закрыты, за исключением участия в голосованиях, которые, как известно, далеко не всегда и не везде позволяют большинству добиться представления своих взглядов и интересов в органах государственной власти.

Особенность постсоветского капитализма, которая описана выше, предопределяет ориентацию соответствующих политических систем на сохранение статус-кво. В них нет акторов, заинтересованных в каких-либо реформах и системных изменениях. Те же преобразования, которые власти все же решаются провести, как правило, носят имитационный или паллиативный характер. И неважно, какова направленность предлагаемых изменений. Заинтересованность в сохранении статус-кво, а также мощнейшее сдерживающее влияние коррупции настолько сильны, что в такой среде никакие реформы по-настоя-

щему не реализуемы, ни либерального, ни этатистского характера. Система сохранения статус-кво нацелена на поддержание балансов между эгоистическими групповыми и корпоративными устремлениями элит, с одной стороны, и патерналистскими настроениями масс – с другой, в условиях определенного объема ресурсов. Чем больше ресурсов, тем больше власти могут позволить себе патерналистской политики, чем меньше ресурсов, тем ее меньше.

Важная характеристика постсоветских обществ состоит в том, что это страны рентного капитализма. Термин «рентный» вовсе не значит, что только страны, обладающие нефтегазовыми ресурсами, то есть имеющие возможность извлекать природную ренту, такие как Россия, Азербайджан и Казахстан, являются представителями этой модели. Рентный капитализм основан на извлечении помимо природной еще и других видов ренты – бюджетной и административной. Природная рента есть только там, где имеются соответствующие ресурсы. Административная и бюджетная ренты существуют во всех постсоветских государствах, даже в наиболее продвинутых с точки зрения процедурной, электоральной демократии.

Рентный капитализм порождает определенный тип политического процесса. В демократических обществах политический процесс носит открытый и линейный характер. Будущее является неопределенным, а в публичной политике соревнуются разные альтернативные проекты этого будущего, представленные различными силами. Какая из них выиграет – это открытый вопрос. В постсоветских же обществах господствует циклический политический процесс, как в эпоху Средневековья. Этот тип процесса хорошо описан в работах по средневековой политике и истории. События здесь повторяются, завтра похоже на сегодня, сегодня на вчера. Меняются только разные группы у власти. Они обладают различными идеологическими маркерами, но у них

одни и те же цели, которые заключаются в получении доступа к власти и, соответственно, к источникам ренты с целью перераспределения их в свою пользу. Это своеобразный бег по кругу в условиях отсутствия механизмов и векторов развития.

Следующий важный признак постсоветского социального порядка, как представляется, – это слабость институтов. Практически во всех странах существуют персоналистские политические режимы, даже там, где до последнего времени многими экспертами, особенно на Западе, они расценивались как демократические (Грузия).

Персоналистский политический режим формирует под себя определенную многопартийную систему, где обычно в качестве правящих партий выступают клиенты тех или иных лидеров. В теме слабости институтов важна не констатация этого, которая сама по себе, конечно же, не является новостью для тех, кто анализирует процессы, протекающие на постсоветском пространстве. Можно привести много примеров того, сколько раз менялись институты власти на Украине, сколько – в России, сколько – в других государствах. Но дело не в этом. Более важным представляется вопрос о причинах подобных изменений, главная из которых состоит в том, что новые элиты не заинтересованы в стабильных институтах. В связи с тем, что рентный капитализм порождает циклический характер политического процесса, сутью которого является вовсе не реализация стратегий развития, а бесконечное перераспределение ресурсов, то слабость институтов для элит служит именно той политической средой, которая позволяет соперничающим группам максимально полно реализовывать свои устремления. При сильных институтах, с которыми связаны соответствующие правовые нормы и необходимость их соблюдения, реализовать подобные устремления было бы гораздо сложнее.

В этом контексте представляется, что время от времени возникающие в России призывы к принятию новой Конституции лишены серьезных оснований. Конечно, у ныне действующей Конституции немало недостатков. Но для принятия нового Основного Закона страны нужен запрос на стабильные и сильные институты со стороны как элит, так и общества. Но он отсутствует, поскольку конституция означает прежде всего введение новых норм, процедур и правил игры. Но этого никто не хочет.

Нужно отметить еще одну важную особенность постсоветских политических систем – это клиентелистский, внеинституциональный, патримониальный характер властных отношений, который, строго говоря, и порождает это достаточно популярное, и не только в журналистике, но и в более серьезной литературе, сравнение постсоветских реалий с нефеодалными порядками. Клиентелизм во властных отношениях, безусловно, затрудняет формирование эффективных институтов, поскольку властные отношения основываются исключительно на личных, клановых, межгрупповых связях. В такой среде очень трудно формируются какие-либо устойчивые политические и социальные акторы, поскольку группы интересов являются устойчивыми, прочными, сильными лишь до того момента, пока их ключевые фигуры имеют доступ к тем или иным видам государственных ресурсов – политическим, административным, финансовым. Как только доступ утрачивается, эти группы быстро фрагментируются и распадаются⁵. В результате в такой среде чрезвычайно затруднен процесс консолидации устойчивых, долгосрочных, идеологически ориентированных субъектов политического действия.

Надо упомянуть еще и о такой особенности постсоветских обществ, как системная коррупция. Опять-таки в самой констатации этого явления ничего

⁵ Нисневич Ю. Политика открытыми глазами: взгляд на перспективы социально-экономического и политического развития страны в XXI веке. М., 2005. С. 26.

нового нет. Даже масштабы коррупции мало что могут дополнить к пониманию природы постсоветских систем. Суть же проблемы состоит в том, что коррупция является своеобразной формой адаптации постсоветских элит к формирующимся новым социальным и политическим реалиям, интеграции в эти реалии. Благодаря коррупции бюрократические элиты сохраняют ключевые позиции в политике и экономике и одновременно подстраивают под свои интересы политический и экономический порядок. В процессе формирования такого порядка все новые и новые группы вовлекаются в коррупционные связи. В результате практически все общество оказывается вовлеченным в неформальные и теневые практики.

Ключевым элементом постсоветского порядка является постсоветская бюрократия. И не только потому, что она во всех странах реально контролирует основные ресурсы, причем неважно, имеют ли эти государства преимущественно частную экономику или, напротив, государственную. Разница в данном случае касается только способов и методов контроля. Из советской эпохи бюрократия перенесла в новое общество управленческие навыки, вертикальные и иерархические структуры организации, неприятие публичной конкуренции. Со всем этим «багажом» она довольно успешно интегрировалась в новый порядок, приспособила его к своим нуждам. Опираясь на отработанные управленческие практики, бюрократия обеспечивает за собой роль доминирующей политической группы в обществе.

В этой связи следует отметить, что единственной страной в этом регионе мира, где была попытка осуществить выход из постсоветского состояния, до недавнего времени являлась Грузия, но вовсе не потому, как принято считать, что там правительство в наиболее жестком варианте осуществило либеральные реформы в экономике⁶. Дело в том, что

в этой стране была предпринята реальная попытка сломать доминирование постсоветской бюрократии, заменить ее некими новыми лидирующими группами. Этого не получилось или получилось в весьма ограниченных масштабах. Но по крайней мере попытка выхода за пределы постсоветской модели была предпринята. Никакие «оранжевые», «коньячные», «тюльпановые» и прочие «цветные» революции в других постсоветских государствах к решению такой задачи даже не приблизились, несмотря на то, что на их знаменах были написаны красивые слова о европейском выборе и демократии. Но совершенно очевидно, что с такими политическими элитами это не более чем дань определенной политической риторике. На практике же «приверженность» новых правящих элит европейскому выбору сводилась к простой формуле получения европейских и американских денег, которые они намерены потратить по собственному разумению, в обмен на обещания развивать демократию в своих странах и дистанцироваться от России. Но поскольку даже после введения конкурентных выборов, обеспечения свободы СМИ реальная власть и ресурсы остаются в руках узких привилегированных групп, а также сохраняются неформальные практики, с помощью которых осуществляется управление обществом, фактически речь может идти лишь об установлении режимов «фасадной демократии».

Следующий важный вопрос, который следует затронуть в заключительной части статьи, касается новой повестки дня для постсоветских стран. Она, по-видимому, может основываться на понимании того, что сама по себе демократизация, введение электоральной демократии не решают главной проблемы, возникающей на новом этапе, – проблемы развития. В подтверждение этого можно привести массу примеров. Так, в 90-е годы в академических и экспертных кругах господствовали линей-

⁶ Эта точка зрения наиболее последовательно отражена в книге: *Буракова Л.* Почему у Грузии получилось? М., 2011.

ные схемы, объясняющие суть происходивших изменений. Считалось, что сами по себе рыночные и демократические реформы обеспечат модернизацию общества. Потребовалось более десяти лет, чтобы понять, что это хотя и связанные друг с другом, но все же разные проблемы. Вряд ли найдется хоть один эксперт, который будет опровергать утверждение о том, что самым демократическим государством на постсоветском пространстве, опять-таки не считая страны Балтии, является Республика Молдова. По всем критериям это настоящая электоральная демократия, где есть свободные конкурентные выборы с непредсказуемым результатом, независимые от государства СМИ, за двадцать лет независимости произошло четыре смены власти демократическим путем, без всяких «цветных» революций. Несмотря на все эти успехи, страна по всем параметрам развития является самой отсталой в Европе, стоящей ниже Албании и Македонии. И нет никаких признаков того, что она в обозримой перспективе может выйти из этого состояния.

Стоит вспомнить и широко распространенную в 90-х годах схему, согласно которой чем больше в стране демократии, тем меньше в ней коррупции. В свое время в результате «оранжевой революции» Украина осуществила реальный прорыв к демократии. Коррупции, однако, меньше в этой стране не стало. Грузия же, вопреки идеологизированному восприятию этой страны в годы президентства Саакашвили как демократического государства, никогда не была демократической страной. Это было государство с гибким авторитарным режимом (впрочем, об определении грузинского авторитаризма можно спорить). Но, не будучи демократией, Грузия, безусловно, добилась самых заметных на постсоветском пространстве успехов по борьбе с коррупцией, особенно на низовом уровне.

Сложность отмеченных взаимосвязей, тем не менее, не дает никаких поводов для утверждений о неэффе-

тивности в принципе демократии на постсоветском пространстве, а тем более о том, что авторитарная модернизация является альтернативой демократическим преобразованиям.

Напротив, двадцатилетняя история новых независимых государств показала, что в этом регионе нет примеров успешной авторитарной модернизации. Если в них и проводится авторитарная политика, то она либо носит контрмодернизаторский характер, либо ориентирована на сохранение статус-кво. Это примерно то, что происходит в современной России. Наверное, в какой-то мере примером отчасти успешной авторитарной модернизации может служить Казахстан, но и это утверждение является как минимум небесспорным. Не нужно забывать, что социально-экономическое развитие этой страны носит анклавный характер и обусловлено главным образом развитием экспорта углеводородных ресурсов. При этом разрывы в уровне развития между политико-финансовыми центрами Казахстана, нефтедобывающими районами, с одной стороны, и остальными территориями республики – с другой, за годы экономического роста не только не уменьшились, но и возросли. Поэтому многие аналитики полагают, что модернизационные процессы в Казахстане носят неустойчивый характер и слишком зависят от мировой конъюнктуры на энергоносители. Никакого же случая авторитарной модернизации, сопоставимого по масштабам и результатам с китайским, южнокорейским, тайваньским или еще каким-то иным известным образцом, на постсоветском пространстве не существует. Такого примера и не может быть при нынешнем типе социального и политического порядка, утвердившегося в постсоветских странах, поскольку при этом порядке, в отличие от Китая и восточноазиатских «тигров», так и не были созданы институты и инструменты внутреннего развития.

Проблема, таким образом, состоит не в выборе между демократией и авторитаризмом, а в том, как найти такие ме-

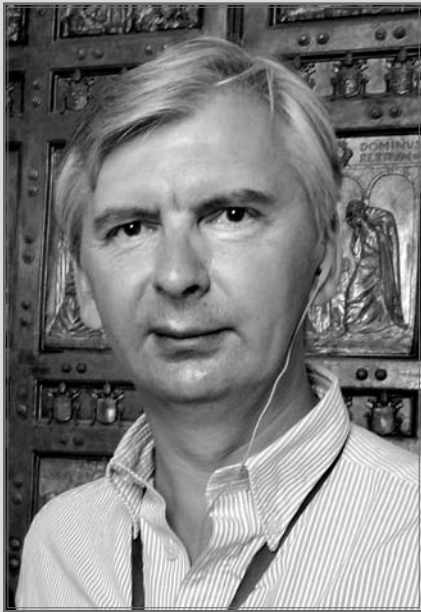
ханизмы, чтобы демократизация стала инструментом реального развития; что необходимо сделать для того, чтобы постсоветские страны смогли осуществить прорыв к иной парадигме развития вместо нахождения в нынешнем стагнационном состоянии.

Главное препятствие на пути перехода к стратегии развития состоит в том, что акторы, которые контролируют ресурсы и участвуют в разного рода теневых и неформальных практиках, не заинтересованы ни в каких изменениях. А субъекты, которые реально были бы заинтересованы в системных преобразованиях, не имеют доступа к власти и ресурсам. Когда они пытаются получить этот доступ, обычно это быстро заканчивается неудачей, ибо система работает очень эффективно на отчуждение таких групп от ресурсов.

Поэтому главная проблема постсоветских государств заключается в формировании субъектов развития. Без этого все планы и проекты модернизации не смогут выйти за рамки деклараций о намерениях. В этой связи обращение к итогам парламентских выборов 2012 года в Грузии и на Украине дает серьезный повод для размышлений. Несмотря на острую конкурентную борьбу, развернувшуюся на этих выборах, их результаты не привели к появлению на политической сцене этих стран субъектов развития, притом, что тема поисков новой парадигмы развития, по крайней мере имплицитно, присутствовала в предвыборной повестке дня. Для Грузии же эта тема обрела в последние годы особую актуальность, поскольку,

несмотря на успешность социально-экономических реформ, проведенных при президенте Саакашвили, она осталась страной с третьеразрядной сервисной экономикой и без серьезных шансов на обозримую перспективу выйти на качественно иной уровень развития.

Другая проблема состоит в поиске адекватных политических практик, которые не сводили бы содержание реформаторской политики лишь к достижению сбалансированного государственного бюджета и осуществлению приватизации, не были бы нацелены только на нормализацию экономической и социальной жизни, а создавали бы новые внутренние механизмы развития. Какими должны быть практики преобразований для выхода из постсоветского состояния? Едва ли они могут лишь слепо копировать идеи и практики 90-х годов (сбалансированный бюджет, «дорогие деньги» и др.). Массированные программы внешней помощи хотя, безусловно, и важны, но сами по себе тоже ничего не решают. В настоящее время можно предположить, что вокруг этих проблем в ближайшие несколько лет и будут происходить острые политические, академические и экспертные дискуссии. И, судя по всему, от того, как эти проблемы станут решаться, какие могут быть предложены стратегии, какие акторы их будут продвигать и какие они начнут использовать механизмы реализации социальных изменений, в решающей степени и будут зависеть перспективы постсоветских государств.

*Алексеев Алексей Вениаминович,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики и организации
промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
former Kennan Institute Regional
Exchange Scholar*

Российский реальный сектор – трамплин(чик) для инновационной экономики?

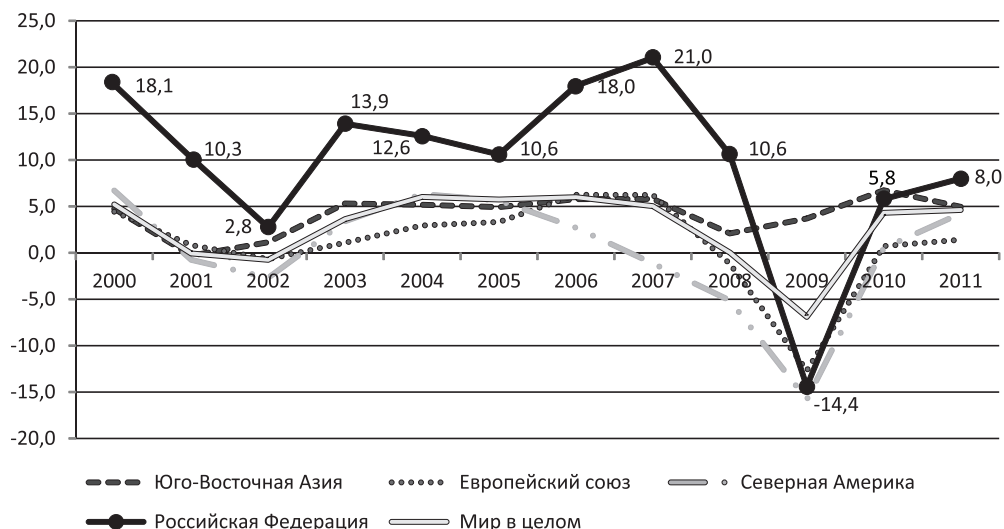
Быстро глобализирующийся мир четко, если не сказать, жестко, актуализировал три класса проблем, стоящих перед любым социумом: модернизация имеющейся технологической системы; повышение качества человеческого капитала до уровня, соответствующего потребностям становящихся все более сложными технологий; формирование системы институтов, задающих положительную связь в развитии технологического и социального факторов. Не ставя задачи решить все проблемы сразу, сосредоточимся на первом элементе рассмотренной триады, являющемся в определенном смысле основой развития любого общества. Действительно, если у общества серьезная проблема с рабочими местами, ни выдающаяся квалификация, ни продвинутые институты не обеспечат не только его развития, но и сколько-нибудь устойчивого его существования.

Что представляет собой российская технологическая система? Соответствует ли уровень ее развития нашим представлениям о месте, которое мы занимаем (хотим занять) в современном мире? Где мы находимся в системе координат этого мира?

Чтобы ответить на эти вопросы, сравним производственные сферы в РФ и США.

Инвестиции в основной капитал

Итоги первого десятилетия XXI века на первый взгляд для России представляются весьма оптимистичными – среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал в РФ были заметно выше как среднемирового уровня, так и

Рассчитано по: [http://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.KD.ZG]

Рисунок 1. Инвестиции в основной капитал, %

темпов роста инвестиций в развитых и развивающихся странах (рис. 1).

Соответствуют ли темпы роста инвестиций в основной капитал потребностям современной российской экономики? Невысокая конкурентоспособность отечественного производителя, слабо-развитая и при этом изношенная производственная и социальная инфраструктура дают однозначный ответ – нет, не соответствуют. Так, данные табл. 1 говорят о:

- катастрофически малом объеме инвестиций в российскую экономику в начале рассматриваемого периода (15,8% на душу населения от уровня США). В начале 2000-х годов Россия является явным аутсайдером по объемам инвестиций;
- устойчивом и довольно быстром сокращении как абсолютного, так и относительного отставания от американского уровня на протяжении всего рассмотренного периода. Россия находится в группе стран – лидеров по темпам прироста инвестиций;
- относительно (американского уровня) низких подушевых объемах инвестиций в российскую экономи-

ку на конец рассмотренного периода (50%). Россия продолжает оставаться в группе стран – аутсайдеров по абсолютным объемам инвестиций на душу населения.

Очевидно, страна, претендующая на статус развитой, не может обеспечить себе этот статус при инвестициях в свою экономикукратно меньше, чем другие развитые страны. Таким образом, для достижения цели, поставленной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации: «В 2015–2020 годах Россия должна войти в пятерку стран – лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности)»¹, требуется дальнейшее увеличение темпов инвестиций.

Динамика основных фондов

Основные фонды по остаточной балансовой стоимости по полному кругу предприятий в 2010 году составили без малого 50 трлн руб. Много это или мало? Сравним с американским уровнем.

Бюро экономического анализа США представляет информацию об основных

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. М., 2008. С. 10.

Таблица 1. Инвестиции в основной капитал на душу населения, долл. США, 2005 г., ППС

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2011/ 2000
Российская Федерация	1259	1402	1453	1662	1871	2071	2453	2978	3270	2792	3039	3337	265%
Болгария	1120	1363	1480	1686	1927	2533	2873	3229	3953	3274	2694	2494	223%
Словакия	3157	3580	3587	3491	3655	4293	4687	5106	5146	4124	4382	4994	158%
Украина	702	752	784	969	1176	1231	1503	1874	1862	926	964	1063	151%
Польша	2617	2363	2216	2216	2358	2512	2889	3398	3724	3674	3624	3949	151%
Норвегия	7575	7453	7326	7341	8113	9147	9961	10990	10863	9924	9011	9567	126%
Швеция	5175	5185	5099	5164	5436	5853	6356	6871	6911	5793	6155	6505	126%
Бельгия	6136	6177	5873	5853	6285	6653	6778	7150	7231	6576	6431	6640	108%
Франция	5362	5440	5296	5376	5516	5717	5902	6237	6222	5535	5573	5737	107%
Швейцария	8038	7688	7552	7336	7596	7857	8212	8586	8542	7769	8154	8388	104%
Германия	5984	5775	5413	5345	5334	5378	5827	6111	6201	5498	5832	6190	103%
Великобритания	4836	4944	5109	5148	5379	5472	5785	6216	5888	5049	5187	5000	103%
Австрия	7515	7408	7078	7382	7379	7370	7372	7605	7624	7008	7045	7527	100%
Дания	6139	6033	6015	5990	6209	6479	7382	7381	7033	5884	5716	5858	95%
Италия	5624	5775	5953	5832	5890	5922	6086	6152	5877	5156	5241	5123	91%
Испания	6723	6966	7103	7399	7649	8057	8499	8719	8176	6657	6225	5889	88%
США	7984	7830	7548	7728	8141	8494	8626	8427	7919	6652	6578	6752	85%
Греция	4255	4448	4852	5409	5409	5048	5777	7065	6030	5182	4393	3537	83%
Португалия	5616	5614	5397	4980	4950	4905	4825	4940	4918	4490	4348	3877	69%
РФ к США, %	15,8	17,9	19,3	21,5	23,0	24,4	28,4	35,3	41,3	42,0	46,2	49,4	

Расчитано по: [<http://www1.unesco.org/stat/platform/display/Statgloss/Gross+Fixed+Capital+Formation>].

производственных фондах США (Fixed Assets) в двух видах – по первоначальной (Historical-Cost) и восстановительной (Current-Cost) стоимости. Данные существенно различны (оценка основных производственных фондов по восстановительной стоимости примерно в 1,75 раза выше, чем по первоначальной). Даже сравнительно невысокая долларова инфляция на среднесрочном горизонте (периоде функционирования основного капитала до его износа) и структурные сдвиги в экономике оказывают заметное влияние на оценку фондов.

Возникает проблема – как сравнивать российские и американские фонды: по первоначальной или восстановительной стоимости? Понятно, что восстановительная стоимость существенно информативнее. Но Росстат фиксирует первоначальную, точнее, смешанную стоимость². Поэтому относительно корректно сравнивать российские и американские фонды можно только по первоначальной стоимости.

Однако первоначальная стоимость фондов довольно далека от современных реалий. Российские фонды формировались в условиях высокой инфляции и быстрого изменения структуры цен. Поэтому апеллирование к первоначальной стоимости фондов – заведомое и существенное занижение российской базы сравнения. Одно из немногих оправданий (довольно слабое) выбранного метода – сравнение проводится по остаточной стоимости. Это значит, что давно стоящие на балансах российских предприятий основные фонды уже в немалой степени амортизированы. Поэтому оценка их существенно заниженной (против восстановительной стоимости) балансовой стоимости все же менее значима, чем оценка малоамортизированной и менее заниженной стоимости сравнительно новых фондов.

Справедливости ради стоит отметить, что и американские оценки остаточной первоначальной стоимости фондов с позиций российских реалий также занижены. В США действуют многочисленные программы ускоренной амортизации, возможностями которых активно пользуется американский бизнес (в первую очередь наукоемкий, а также малый и средний бизнес). Оборудование амортизируется в считанные годы, часто в течение одного года. При этом полностью самортизированное оборудование продолжает функционировать в рамках производственного процесса. Для России это явление также характерно, но природа его иная. Если в США бухгалтерски самортизированное работающее оборудование является физически новым и вполне современным, то в РФ, напротив, это морально устаревшее и физически изношенное оборудование, остающееся в производственном процессе только потому, что его нечем заменить.

Таким образом, понимая, что полученные результаты заведомо исказят (в сторону занижения) российские показатели, все же воспользуемся описанным методом только потому, что сколь-нибудь надежной статистики по остаточной восстановительной стоимости основных российских производственных фондов просто не существует.

Сравним основные фонды в РФ и США. При ближайшем рассмотрении выясняется, что сравнивать, строго говоря, нечего. Остаточная стоимость российских фондов, выраженная в рублях в начале рассматриваемого периода (2004 год), была даже меньше аналогичной американской величины, выраженной в долларах. В дальнейшем рублевая оценка российских фондов все же превышает долларовую оценку американских фондов, но при сопоставлении этих рядов уйти от невольной возникающей образа слона и Моськи невозможно.

² «Полная учетная и остаточная балансовая стоимость основных фондов учитываются, как правило, в смешанных ценах, так как часть инвентарных объектов отражается в балансах организаций по восстановительной стоимости на момент последней проведенной переоценки, а другая часть, не проходившая переоценку, – в ценах приобретения» (Методологические положения по статистике. Вып. 5. М.: Росстат, 2006).

Таблица 2. Основные фонды по первоначальной остаточной стоимости

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	РФ							
Всего ОФ по полному кругу, млрд руб.	19694	22721	25520	32513	40723	45030	49268	–
Всего ОФ, млрд долл.	683,6	791,7	938,9	1271,5	1641,4	1421,4	1610,1	–
Всего ОФ по полному кругу, млрд долл. ППС	1656,3	1784,0	1796,0	2068,9	2245,6	2460,7	2440,6	–
	США							
Всего ОФ, млрд долл.	20970	22231	23779	25377	26675	27514	28209	29081
	РФ/США, %							
Всего ОФ по кусу ЦБ	3,3	3,6	3,9	5,0	6,2	5,2	5,7	–
Всего ОФ, ППС	7,9	8,0	7,6	8,2	8,4	8,9	8,7	–

Расчитано по: [<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>], [www.bea.gov] Table 3.3ES. Historical-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry, Table 7.1B. Current-Cost Net Stock of Government Fixed Assets³.

Действительно, остаточная стоимость российских фондов в последние годы едва дотягивает до 6% от американского уровня. При расчетах по ППС это отношение чуть выше, но оно, само по себе небольшое, по описанным выше причинам явно завышено (табл. 2).

Еще раз отметим, столь вызывающие результаты – следствие используемой методики расчета (он проводится по остаточной, а не по полной балансовой стоимости основных фондов). Понятно, что в российской экономике фонды есть, просто степень их износа несопоставима с американскими. По аналогии с живым организмом российская экономика напоминает старого, дряхлого, изначально не очень гармонично развитого человека⁴, у которого все жизненно важные системы еще

как-то работают (хотя качеством их работы он давно уже не удовлетворен). Американская же экономика, в указанных терминах, – это в целом здоровый человек в расцвете сил с хорошими (относительно российских) перспективами.

Прямое сопоставление разновеликих объектов (население США более чем в два раза превосходит российское) не очень показательное. Обратимся к относительным показателям. С учетом разницы в населении удельные российские показатели будут, очевидно, выше, но и без расчетов ясно – как ни пересчитывай на численность населения представленное отношение остаточной стоимости российских основных фондов к американским по первоначальной стоимости (6%),

³ Current-Cost Net Stock of Government Fixed Assets пересчитана в Historical-Cost Net Stock of Government Fixed Assets по коэффициентам, рассчитанным как отношение Historical-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry к Current-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry соответствующих лет.

⁴ Огромная разница в стоимости российских и американских фондов в немалой степени определяется стоимостью американской инфраструктуры, уровень развития которой несопоставим с российской.

Таблица 3. Фондовооруженность рабочего места в РФ и США (по остаточной первоначальной стоимости ОФ)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	РФ							
Всего, тыс. руб./чел.	296,6	340,2	379,9	478,0	594,7	668,7	729,1	–
Всего, тыс. долл./чел.	10,3	11,9	14,0	18,7	24,0	21,1	23,8	–
Всего, тыс. долл./чел., ППС	24,9	26,7	26,7	30,4	32,8	36,5	36,1	–
	США							
Всего, тыс. долл./чел.	157,7	164,4	172,8	182,8	194,1	210,2	217,0	221,6
	РФ/США, %							
По кусу ЦБ	6,5	7,2	8,1	10,2	12,4	10,0	11,0	–
По ППС	15,8	16,2	15,5	16,6	16,9	17,4	16,6	–

Рассчитано по: [<http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>], [www.bea.gov] Table 3.3ES. Historical-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry, Table 7.1B. Current-Cost Net Stock of Government Fixed Assets, Table 6.8D. Persons Engaged in Production by Industry.

предмета для национальной гордости обнаружить не удастся. Тем не менее рассмотрим фондовооруженность рабочего места в РФ и США.

Фондовооруженность рабочего места

Фондовооруженность – критически важный показатель для оценки потенциала национальной производственной системы. Низкая фондовооруженность свидетельствует либо о слабости производственного сектора экономики, его неспособности реализовывать сложные технические решения, либо о его неэффективной организации (количество работников, обслуживающих соответствующую технологию, больше, чем это технологически необходимо).

Фондовооруженность – ключ к решению проблемы роста производительности труда. Низкая фондовооруженность – невысокая производительность труда. Можно спорить, в какой степени производительность труда определяется уровнем его организации: излишнее (по условиям конкретной технологии) количество труда задает и низкую фондовооруженность. Улучшите организацию труда (мера, не требующая серьезных инвестиций) – повысите его производи-

тельность. Отчасти это действительно так, но преувеличивать потенциал этого фактора не стоит. Никто ведь всерьез не предлагает уменьшить вдвое количество работников на конвейере (или вдвое увеличить его скорость), чтобы вдвое повысить производительность труда. Определенные резервы здесь, конечно, есть, но сама организация труда производна от уровня используемой технологии, а не наоборот.

Не будем прятаться за классический показатель фондовооруженности. Воспользуемся модифицированным показателем (остаточная стоимость основных фондов / численность занятых). Данный подход выявляет то, что традиционный показатель фондовооруженности оставляет в тени: он демонстрирует остаточный ресурс фондов, а не просто их общую величину. Рассчитанная таким образом фондовооруженность существенно ниже, чем при расчете по полной балансовой стоимости, но она отражает реальную, а не в известном смысле мнимую (с учетом накопленного износа) фондовооруженность.

Фондовооруженность (в оговоренном смысле) довольно быстро растет – более чем в два раза за шесть лет в долларовом выражении (по курсу ЦБ РФ). Причем рост произошел не из-за

Таблица 4. Производительность труда в РФ и США

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
	РФ									
Добавленная стоимость на одного занятого в текущих ценах, тыс. долл.	5,2	6,5	8,9	11,3	14,7	19,1	24,3	18,2	21,8	27,4
Добавленная стоимость на одного занятого в основных ценах, тыс. долл. по ППС	19,3	21,1	23,3	25,4	28,2	31,1	33,2	31,5	33,1	35,2
	США									
Добавленная стоимость на одного занятого в текущих ценах, тыс. долл.	80,6	84,6	89,1	93,3	97,2	101,0	104,0	106,5	111,8	115,0
	РФ/США, %									
Добавленная стоимость на одного занятого в текущих ценах	6,4	7,7	10,0	12,1	15,2	18,9	23,4	17,1	19,5	23,8
Добавленная стоимость на одного занятого в текущих ценах, ППС, %	23,9	25,0	26,1	27,2	29,0	30,8	32,0	29,6	29,6	30,6

Рассчитано по: [www.gks] ЦБСД, Табл. Среднегодовая численность занятого населения, ВВП по видам экономической деятельности; [www.bea.gov] Table 6.8D. Persons Engaged in Production by Industry, GDPbyInd_VA_NAICS_1998-2011.

сокращения численности работников (численность занятых в экономике за рассмотренный период практически не изменилась), а за счет увеличения остаточной стоимости фондов. Динамика по ППС менее впечатляющая, но также явно положительная.

К сожалению, эти достижения сильно блекнут, если перейти с уровня сравнения «себя с собой» на уровень сравнения «себя с другим». Фондовооруженность российского рабочего места (по остаточной первоначальной стоимости) продолжает оставаться неприемлемо низкой по меркам развитых стран – чуть больше 10% при расчете по курсу ЦБ. При расчете по ППС результат немногим лучше, но исполь-

зовать ППС при расчете фондов – значит явно приукрашивать российские реалии (табл. 3). Более того, сокращение отставания от США наблюдалось лишь в первой половине 2000-х годов. В последние годы никаких особых достижений здесь нет.

Многочисленное российское отставание по фондовооруженности от развитых стран в известной степени диагноз – страна с таким уровнем развития производственного аппарата не может быть членом клуба мировых технологических лидеров.

Производительность труда

Сравним теперь производительность труда в РФ и США. Ведь именно уро-

вень производительности труда в конечном счете определяет и жизненный уровень населения страны, и место государства в мировой таблице о рангах. Сопоставим показатели добавленной стоимости на одного занятого работника в обеих странах.

Рассчитаем величину добавленной стоимости на одного занятого в РФ в долларах США по курсу ЦБ и по ППС. В отличие от инвестиционных расчетов, при расчете производительности труда следует ориентироваться на оценку добавленной стоимости по ППС.

Темпы роста производительности труда в РФ за рассмотренные девять лет были заметно выше, чем в США. Тем не менее производительность труда в РФ в настоящее время более чем втрое ниже, чем в США, хотя разрыв постепенно сокращается. Отметим, что абсолютный разрыв уровней производительности труда настолько высок, что даже относительное опережение на фоне абсолютных показателей смотрится разочаровывающе. Действительно, в 2011 году российский работник производил добавленной стоимости почти на 16 тыс. долл. больше, чем в 2002 году. А американский – почти на 35 тыс. долл. Относительный разрыв сократился, а абсолютный возрос, причем существенно (табл. 4).

Ситуация, возможно, еще хуже. Позитивные результаты по росту добавленной стоимости на одного работника наблюдались в период быстрого роста цен на топливно-энергетические ресурсы. С учетом существенных объемов их добычи в РФ естественно предположить, что часть (возможно, немалая) рассмотренного роста – не более чем резко увеличившаяся в цене природная рента. Если это так, то рост производительности труда в РФ определяется не только, а возможно, и не столько развитием производительных сил страны, сколько благоприятной мировой конъюнктурой цен на топливно-энергетические ресурсы. Тогда результаты развития российской экономики предстают совсем в ином свете.

Оценка необходимых инвестиций в основной капитал

Какой объем инвестиций требуется вложить в российскую экономику, чтобы отечественная технологическая система начала соответствовать уровню, достигнутому развитыми странами? Точно ответить на данный вопрос невозможно, но порядок цифр рассчитать все же попробуем.

Будем исходить из давно принятого научным сообществом факта, что производительность труда в общем случае – это функция от его фондовооруженности. Хотите иметь такую же производительность труда и, следовательно, уровень жизни, как в развитых странах, придется создать и адекватную этому желанию производственную систему.

По данным табл. 3, фондовооруженность рабочего места в РФ (по первоначальной остаточной стоимости ОФ) по экономике в целом в 2010 году составляла 23,8 тыс. долл., в США – 217 тыс. долл. Чтобы довести фондовооруженность российского рабочего места до американского (еще раз подчеркнем, речь идет об остаточной стоимости ОФ), требуются дополнительные инвестиции в размере 193,2 тыс. долл. ($217,0 - 23,8 = 193,2$). В экономике РФ в 2010 году было занято 67,6 млн человек. Производство представленных двух цифр дает «астрономический» результат: чтобы фондовооруженность российского рабочего места вышла на американский уровень, в экономику РФ требуется инвестировать 13 трлн долл. Вспомним, что в 2011 году инвестиции в российский основной капитал (без жилья) составили 314 млрд долл. (404 млрд долл. по ППС).

Если оценивать российские фонды по ППС, потребность в инвестициях примерно вдвое меньше – 7,2 трлн долл. для 2010 года. Тем не менее нам эта величина представляется заниженной, так как оценка фондовооруженности рабочего места в народном хозяйстве РФ по ППС завышает (относительно

Таблица 5. Минимально необходимые инвестиции для доведения фондовооруженности народного хозяйства РФ до американского уровня (по первоначальной остаточной стоимости), млрд долл.

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
По ППС	2666	3089	4271	5571	7468	5715	7234
По курсу ЦБ РФ	9789	10188	10667	11160	11648	12733	13055

Рассчитано по табл. 3; [www.gks], ЦБСД, Табл. Среднегодовая численность занятого населения, ВВП по видам экономической деятельности; [www.bea.gov] Table 6.8D. Persons Engaged in Production by Industry, GDPbyInd_VA_NAICS_1998-2011.

расчета по курсу ЦБ) данный показатель. Потребность же в инвестициях, необходимых для доведения фондовооруженности российского рабочего места до американского уровня, при расчетах по ППС, напротив, занижается. Но некорректность использования в данном случае ППС рассматривалась выше, да и с точки зрения современной российской инвестиционной программы как первая, так и вторая оценка лежат далеко за гранью реальности. Нет необходимости говорить, что с каждым годом эти цифры только растут. Причем оценка инвестиций по ППС растет гораздо быстрее, чем аналогичная величина, рассчитанная по рыночному курсу рубля к доллару (табл. 5), что отражает быстрое сближение показателей ППС и рыночного курса национальной валюты и обоснованность ориентации на рыночный курс рубля к доллару при оценке потребностей в инвестициях в российскую экономику на перспективу.

Возможно, более развитая экономика требует относительно меньшего количества рабочих мест. Так, в США доля занятых в экономике примерно на 5% меньше, чем в РФ, т. е. рабочих мест там создано относительно (численности населения) меньше, чем в РФ. Впрочем, сколько-нибудь существенного снижения потребности в инвестициях в российскую экономику рассмотренный эффект, даже если он и справедлив для России, не дает.

Представленные результаты демонстрируют наличие фундаментальных проблем в производственной сфере России. Улучшившаяся в первой половине 2000-х годов по сравнению с последним

десятилетием XX века инвестиционная динамика ни в коей мере не соответствует реальным потребностям экономики РФ. Основная часть имеющегося инвестиционного ресурса направляется на поддержку деградировавшего производственного аппарата промышленности и недостаточна для сколько-нибудь значимого его качественного преобразования. Производительность труда растет недопустимо медленно и не обеспечивает выход России в категорию развитых стран не только в среднесрочной, но и в долгосрочной перспективе. Резко снизившиеся в кризис и так и не восстановившиеся объемы инвестиций предопределяют уже не медленное сокращение, а нарастание отставания от развитых стран по ряду фундаментальных показателей.

По самым скромным и явно заниженным расчетам, в российскую экономику требуется инвестировать не менее 7 трлн долл. (а в действительности – не менее 13 трлн долл.), чтобы основные параметры производственной системы страны только приблизились к уровню, уже достигнутому развитыми экономиками. Сумма совершенно неподъемная в современных социально-экономических реалиях. Альтернатива же мобилизации инвестиционного ресурса в отмеченных масштабах – дальнейшая деградация и маргинализация российской экономики с соответствующими подобным явлениям социальными взрывами.

Для перелома деградационных тенденций в экономике необходимо менять не просто экономическую политику, а ее базовые принципы. Целью новой экономической политики должно стать

не охранительно-консервирующее поддержание тех элементов экономической системы, которые еще сохранились, а развитие и создание с нуля тех, которые отвечают современным вызовам глобальной экономики. Все, что для этого требуется, – создание конкурентоспособного по мировым меркам инвестиционного климата и эффективного государства.

Эти задачи не только не ставятся, но и плохо осознаются. В части инвестиционной политики считается, что темпы прироста инвестиций высоки и следует беспокоиться уже не столько об их увеличении, сколько об их эффективности («как бы не инвестировать лишнего»). Поэтому задача улучшения инвестиционного климата рассматривается как абстрактно правильная, но не особенно актуальная.

Эффективность государства также оценивается с позиций вчерашнего дня, когда стояла задача сохранить

государство как целое и не допустить социального коллапса. Эти задачи решены, и необходимо идти дальше. Под эффективным государством сегодня понимается такое государство, которое способно создавать и поддерживать нормы экономического поведения, привлекающие инвестора, с одной стороны, и эффективно создавать за счет имеющихся в его распоряжении ресурсов экономическую инфраструктуру в интересах всего общества – с другой.

Пока ни ход инвестиционного процесса в РФ, ни стратегия государственного регулирования экономической деятельности не дают оснований ожидать превращения России в действительно развитую страну. Максимум, на который можно рассчитывать в рамках проводимой экономической политики, консервация *de facto* сложившегося статуса России как второстепенной державы.

*Андрей Николаевич Медушевский,
доктор философских наук, ординарный
профессор факультета прикладной
политологии Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

Проблемы модернизации конституционного строя: нужно ли пересматривать Основной Закон России?

Дискуссия о стратегиях модернизации российского политического строя делает конституционную реформу центральным вопросом политической повестки дня. Насколько действующая Конституция отвечает потребностям современного этапа развития общества, не утратили ли ее принципы и нормы своего значения, каков должен быть масштаб планируемых конституционных изменений, их направленность и технологии осуществления? Поиск ответов на эти вопросы раскалывает общественную и интеллектуальную элиту страны и требует серьезного обсуждения. Некоторые его итоги представлены в данной статье*.

Право и справедливость в постсоветской России: методы и направления исследования

Ценности и принципы Конституции РФ 1993 года имеют фундаментальное политическое значение. Конституция России стала подведением итогов крушения коммунистического эксперимента в глобальном масштабе и возвращала страну в мировое сообщество. Она стоит в ряду других символических актов такого рода, таких как Основной Закон ФРГ 1949 года, Конституция Индии

---

* Статья представляет собой расширенный вариант доклада автора на IX Старовойтовских чтениях – «Гражданская консолидация в современной России: проблемы, потенциал и перспективы» (М., 22 ноября 2012 года). Стенограмма чтений опубликована на сайте РОО «Кеннан» www.kennan.ru.

1950 года, Конституция ЮАР 1996 года, конституции стран Южной Европы 70-х годов XX века и Восточной Европы 90-х годов XX века. Восстанавливая историческую преемственность по отношению к русской дореволюционной либеральной правовой традиции, разорванной в советский период, Конституция 1993 года закладывала определенную систему ценностей на будущее, реализация которых должна была стать предметом практического осуществления в законодательстве и судебной практике. Решение проблемы эволюции постсоветского конституционализма предполагает выяснение социальных и институциональных причин этой динамики. Центральная проблема постсоветского конституционализма – соотношение первоначально закрепленных конституционных принципов и их последующей реализации в законодательстве, судебной и вообще правоприменительной практике¹.

Соотношение понятий права и справедливости – центральный элемент политических дебатов в условиях радикальных социальных изменений. Право определяется в современной науке как специфическая форма социальной организации, выступающая как ценность, норма и факт. Комплексное рассмотрение права как многомерного феномена возможно лишь с учетом всех этих трех конкурирующих параметров. Другой стороной проблемы является определение понятия «справедливость». В современной литературе представлено три основных позиции – идея распределительной справедливости (формального равенства возможностей при формулировании правового порядка), идея легалитской справедливости (приоритет норм действующего позитивного права перед абстрактными нравственными

нормами) и идея комбинирования позитивного права и традиций правосознания данного общества как основы справедливости. Последняя концепция выводит проблему на более широкий уровень взаимодействия права, этических представлений общества и исторической традиции их взаимодействия и применения на практике². Принцип соразмерности интерпретируется в том понимании, которое дается Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ, ст. 14, п. 26, 27) и предполагает оценку правовых норм и их применения в судебной практике с позиций соотношения целей и применяемых средств их достижения. Принцип соразмерности, исходя из логики ЕКПЧ, выступает как основа «объективного и разумного» обоснования правовых решений, включающих, с одной стороны, опору на конституционные нормы, а с другой – отказ от такой их интерпретации, которая ведет к диспропорции, дискриминации и, следовательно, нарушает принцип справедливости³.

При таком подходе в центре внимания оказываются следующие проблемы:

- конфликт права и справедливости в юридическом конструировании постсоветской реальности (современные дебаты о соотношении международного и национального права; вопросы разрыва и преемственности правовой традиции, соотношение выдвигаемых юридических и политических аргументов в принятии ключевых законов и судебных решений, определяющих вектор конституционного развития);
- традиция против нормы (вопросы конфликтности принципов равенства и социального государства с принципом рыночной экономики в контексте

¹ Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. СПб., 2009.

² Медушевский А.Н. Социология права. М., 2006.

³ Конституция Европейского союза с комментарием. М., 2005; Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М., 2008; Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. М., 2002; Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. М., 2007.

процесса приватизации, становления новых отношений собственности и традиционных стереотипов сознания);

- солидарность и господство: национальная идентичность и государственное устройство (влияние текущих споров о нации и национальной идентичности на решение проблем суверенитета, гражданства, федерализма и би-камерализма);

- право и сила: легитимность и законность действующих норм (дебаты об адекватности конституционной конструкции прав человека, формы правления, типа политического режима принципам справедливости и соразмерности, анализ представленных направлений и технологий трансформации соответствующих конституционных ценностей и норм);

- эффективность права с позиций соотношения целей, средств и результатов (циклическая динамика правового сознания, вопросы интерпретации конституционных норм и восприятия этих решений обществом, проблема легитимности подобных решений и необходимость ее обоснования)⁴.

Соответственно, предметом анализа должны стать области правового регулирования, в которых нарушается «справедливое равновесие» положений международного и национального права, индивидуальных прав и коллективных интересов; возникают различные формы неравенства и дискриминации по линии соотношения прав и свобод, неоднозначной интерпретации их смысла и дифференцированного применения соответствующих норм в законодательной деятельности и судебной практике; проблемы политизации правосудия или его избирательного характера. Речь идет, следовательно, о современном постсоветском «споре о праве» с пози-

ций объективных и субъективных конституционных прав, с одной стороны, и их трактовок в правосознании современного российского общества – с другой⁵.

Как изучать проблемы содержательной эволюции ценностей и принципов Конституции? Ответ на эти вопросы дают результаты исследовательского проекта Института права и публичной политики (ИППП) – «Двадцать лет демократического пути: укрепление конституционного порядка в современной России», отраженные в коллективной монографии «*Основы конституционного строя: 20 лет развития*»⁶, а также материалы проведенного ИППП мониторинга реализации важнейших конституционных принципов за этот период. В основу проекта, итоги которого представлены ниже, положен анализ следующих важнейших конституционных принципов: справедливость и равенство; плюрализм; правовое государство; демократия; светское государство; социальное государство и рыночная экономика; федерализм; местное самоуправление; разделение властей; судебная власть. Методом анализа является когнитивная теория права, раскрывающая соотношение первоначальных установок, мотивов принятия решений, системной и семантической логики формулирования понятий и норм, вообще логики юридического конструирования политико-правовой реальности. На основе методов сравнительного правоведения, социологии права и политического анализа в книге представлен систематический анализ ценностей, принципов и норм правового регулирования, показана степень их реализованности, раскрыты основные тенденции постсоветского политико-правового развития со времени принятия Конституции РФ 1993 года. Авто-

⁴ См. материалы дискуссии: «Возможно ли в России правовое государство?» // Вестник Института Кеннана в России. М., 2011. Вып. 19. С. 57–84.

⁵ Медушевский А.Н. Право и справедливость в политических дебатах постсоветского периода // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2 (87). С. 14–33.

⁶ Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. Под ред. А.Н. Медушевского. М.: ИППП, 2013.

ры – эксперты проекта при подготовке соответствующих глав руководствовались единой исследовательской схемой. Каждому из них было предложено дать теоретическое определение соответствующего принципа и его места в российской правовой системе; раскрыть структуру принципа, соотношение (и противоречия) с другими конституционными принципами в общей системе; выявить сбои, по которым прослеживается недостаточная реализация соответствующего принципа; ответить на вопрос о причинах появления данных сбоев, имея в виду совокупность исторических, социальных, политических и юридических обстоятельств их возникновения и развития; сформулировать рекомендации по изменению данной ситуации – предложить конкретные корректировки в Конституцию, законодательство и правоприменительную практику.

Для определения консолидированной позиции, обсуждения полученных выводов и результатов в 2011–2012 годах было проведено пять семинаров, посвященных реализации отдельных принципов, в которых участвовали не только эксперты проекта, но и специалисты из других ведущих научных центров и университетов, а также различных административных структур. Результаты этих обсуждений, порой достаточно острых, фиксировались в опубликованных выпусках мониторинга, что позволяет проследить логику дискуссий и характер аргументации⁷. Основное достоинство представленного труда (по сравнению с другими многочисленными публикациями по данной тематике) мы видим в том, что авторы не только описывают существующую ситуацию, но и фиксируют параметры конституционных противоречий и сбоев, предлагая рекомендации по исправлению ситуации. На большом материале законодательства, судебной практики, политических и административных решений последних десятилетий суммированы

итоги и перспективы конституционных преобразований, обсуждаются цели, технологии и инструменты их осуществления в будущем. Проблема заключается в том, чтобы понять, каким образом возник тот разрыв между символическим значением Конституции и ее инструментальным значением, который мы наблюдаем сегодня. Почему конституционные принципы по многим направлениям не работают? Может ли Конституция в дальнейшем обеспечить демократическую трансформацию, и в какой мере ее принципы могут получить практическую реализацию в обществе и демократическом движении?

Насколько серьезны противоречия конституционного регулирувания

Они носят системный характер. Общая логика институционального дизайна включает лакуны и противоречия, связанные как с формулировкой соответствующих принципов, так и с трансформацией их содержания с течением времени. Теоретический анализ конституционных принципов позволяет констатировать сохранение диспропорций по следующим параметрам:

- *во-первых*, существование напряженности между ценностями и выражающими их принципами, с одной стороны, и их интерпретацией с точки зрения целей конституционного развития – с другой;
- *во-вторых*, сохранение неопределенности в интерпретации ряда фундаментальных принципов (демократии, разделения властей), связанной как с особенностями их юридической формулировки, так и с логикой политического процесса;
- *в-третьих*, изменение содержания ряда закрепленных принципов путем наполнения соответствующих норм иным смыслом (принципы федерализма и местного самоуправления);

⁷ Мониторинг конституционных процессов в России: аналитический бюллетень. М.: ИППП, 2011–2012. № 1–4.

- *в-четвертых*, пересечения между принципами, которые находят выражение в меняющейся трактовке соотношения и объема регулируемых норм (принципы рыночной экономики и социального государства);

- *в-пятых*, возможности противоположных интерпретаций смысла одних и тех же правовых принципов и норм в различных толкованиях (светское государство);

- *в-шестых*, различный характер позитивации принципов в действующем праве: одни принципы закреплены в Конституции (как разделение властей или социальное государство), другие – нет (как рыночная экономика) и выводятся из совокупности ее норм и принципов;

- *в-седьмых*, дисфункции применения ряда принципов с точки зрения критериев пропорциональности и соразмерности значимым целям Конституции⁸.

Циклическая динамика конституционного развития делает возможными ситуации, когда определенные, ранее отвергнутые разработчиками стратегии конституционных преобразований вновь обретают социальную поддержку и становятся источником конституционных поправок. Анализ формирования и развития конституционных принципов 1993 года раскрывает мотивы конструирования правовых норм, генезис альтернативных стратегий преобразований и причины их циклического воспроизводства. Основным противоречием российской Конституции стал конфликт между широкой трактовкой прав и свобод человека и чрезвычайно авторитарной конструкцией политической системы, способствовавшей концентрации властных полномочий в одном центре – институте президента. Данный генезис конституционных при-

нципов открывает путь к завершающей фазе постсоветского конституционного цикла – реставрационным тенденциям, апеллирующим к доконституционному (советскому) прошлому со всей его системой идей и представлений⁹. Эта закономерность, как показано в современной литературе, не является исключительно российской спецификой и связана со слабостью институтов гражданского общества и правового государства в обществах переходного типа. Но в России она выражена особенно четко и уже неоднократно приводила в истории к смене подъемов конституционного развития периодами номинального и мнимого конституционализма¹⁰.

В какой мере конституционные принципы получили реализацию за истекший период времени? Сама постановка проблемы выявляет полярные позиции в обществе. Принцип правового государства предполагает активное функционирование целого комплекса входящих в него конституционных субпринципов: верховенство права, приоритет защиты прав и свобод человека и гражданина, уважение личности, право на судебную защиту, судебная система как гарант справедливости и правосудия, юридическая возможность обжалования в суд решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц и др. Но говорить об их последовательной реализации преждевременно. Конституционный принцип светскости государства не остановил растущей клерикализации общества, которая получает официальную поддержку властных структур: увеличение присутствия церкви в публичном пространстве и

⁸ Основы конституционного строя России... С. 291–299.

⁹ Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.

¹⁰ См. подборки статей: 15 лет российской Конституции // Отечественная история. 2008. № 6; История российского конституционализма // Российская история. 2010. № 1.

игнорирование необходимости ограничений при взаимодействии церкви с государством приводит к усилению тенденции по сближению государства с крупнейшими религиозными организациями, прежде всего с Русской православной церковью, и клерикализации светского по Конституции Российского государства. Последнее до сих пор так и не имеет целостной научно обоснованной концептуальной модели своей политики в сфере свободы слова.

В области рыночной экономики за 20 лет действия новой российской Конституции не удалось привести реальное состояние экономической системы к провозглашенному в Конституции идеалу: существующие формальные и фактические ограничения свободы экономической деятельности до настоящего времени позволяют относить экономическую систему Российской Федерации к категории «преимущественно несвободных». В поисках баланса конкурирующих между собой конституционных ценностей социального государства и рыночной экономики констатируется влияние популистских идей: в последнее время и в законодательстве, и в практике Конституционного суда намечилось опасное для принципа рыночной экономики направление по выстраиванию приоритетов в пользу более популярного принципа социального государства, тем более настораживающее, что финансирование законодательных инициатив перекладывается на плечи частных субъектов.

Принцип федерализма в разное время включал неодинаковые интерпретации – от «решения национального вопроса» до децентрализации власти в условиях сложноорганизованного общества. «Маятниковая» модель постсоветского федерализма эволюционировала от децентрализации к централизации, что не ставит под сомнение сам принцип федерализма, но заставляет задуматься о критериях его устойчивого развития, таких как бюджетные отношения центра и регионов, более четкое распределение компетенций, укрепление

демократических основ формирования институтов власти и их ответственности, расширение участия субъектов Федерации в формировании общегосударственных институтов, разработка стратегии реформирования федеративных отношений. Констатируя признаки деградации федерализма в России, аналитики ищут его спасения в рамках концепции субсидиарности. Последняя предусматривает широкое развитие местного самоуправления. Принцип местного самоуправления не только получал различные теоретические трактовки в законодательстве (в плане большего или меньшего соотношения с административными структурами), но и подвергался модификациям в периоды преобладания централизаторских и децентрализаторских тенденций.

В структуре политической власти разрыв между конституционной нормой и реальностью еще более выражен. Главной особенностью существующей в России модели разделения властей стал ее значительный дисбаланс в сторону президентской власти. Констатируется нарастающая тенденция одновременно к эрозии конституционных норм и снижению эффективности институтов. Нестабильность норм и институтов говорит о непрочности конституционного порядка в России.

В современных общественных дебатах о стратегии конституционных реформ представлено три подхода – консервативный, леворадикальный и либеральный. Программа конституционной ревизии, выдвинутая *консервативными политическими романтиками*, включает именно те аргументы, которые обсуждались в начале 90-х годов, но были тогда отвергнуты разработчиками Конституции: необходимость государственной идеологии, приоритет социальных обязательств перед нормами свободной экономики, критический пересмотр всей системы прав личности (ограничение свободы совести, возвращение цензуры, восстановление смертной казни); отказ от принципа светского государства; ограничение фе-

дерализма и переход к фактическому (если не юридическому) унитаризму в форме мононационального государства с единой властной вертикалью; преодоление принципа разделения властей в рамках возрождения государственности имперского (иногда квазисоветского) типа, в целом – отказ от принятых в 1990-е годы либеральных ценностей и институтов, которые якобы отторгаются российской почвой¹¹.

Сторонники леворадикального подхода выступают с критикой Конституции со сходных позиций, видя в ее принципах результат некритического заимствования западных моделей, приведший к разрушению советской модели и отказу от ее экономических и социальных достижений. Для данного направления характерен отказ от признания ответственности российского конституционализма и тезис о радикальном (иногда революционном) изменении существующей политической системы.

Либеральный подход, который разделяют участники представляемого проекта, исходит из позитивной оценки конституционной революции 1993 года и сформулированных ею принципов. Либеральные аналитики Конституции видят причину сбоев ее норм не столько в них самих, сколько в низком правосознании населения и власти, «нереализованном потенциале» конституционных норм, но также далеки от оптимизма в отношении перспектив правового государства. Некоторые из них полагают, что российский конституционализм может быть определен как имитационный и, учитывая психологию населения, будет оставаться в этом качестве в течение довольно долгого времени¹². Предметом дискуссии остается вопрос о соотношении собственно юридических и политических технологий в трансформации российского конституционного порядка¹³.

Что нужно сделать для модернизации конституционного строя

Предложения по конституционной модернизации, представленные в рамках проекта ИППП, охватывают общие концептуальные основы политического режима, институциональный дизайн и разделение властей, механизмы конституционного контроля, управления и легитимности власти. Первая группа рекомендаций включает следующие предложения: сделать концепцию правового государства полноценной основой стратегии конституционной модернизации; преодолеть неопределенность и консервативно-реставрационные тенденции в трактовке основных прав; обеспечить полноценную экономическую конкуренцию и защиту прав собственника как основы рыночной экономики; включить систему обратных связей общества и государства и повысить значение институтов непосредственной демократии.

С позиций идеала правового государства констатируется целесообразность обсуждения следующих направлений модернизации российской правовой системы: критика мифов современной консервативной политической романтики на основе профессионального знания и выявление потенциала конституционных норм для развития полноценной демократической модернизации; расширение гарантий общественного плюрализма (многопартийности, роли НПО и СМИ); решение проблем федерализма (более четкое разграничение предметов ведения Федерации и субъектов, расширение и конкретизация компетенции законодательной и исполнительной власти последних, бюджетный федерализм) и бикамерализма в соответствии

¹¹ См.: Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. Под ред. Э. Паина. М., 2010; Power and Legitimacy – Challenges from Russia. Ed. by P. Bodin, S. Hedlund and E. Namli. L., 2012.

¹² Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя (состояние и перспективы российского конституционализма на общемировом фоне). Международное исследование. М., 2008.

¹³ Конституционное развитие. Задачи институционального проектирования. М., 2007.

с мировым опытом; переход к функционирующей смешанной президентско-парламентской системе; повышение для этого контрольных функций парламента и достижение четкости в распределении полномочий между президентом и правительством (ответственное правительство); укрепление независимости судебной власти; решение проблем правового обеспечения местного управления и самоуправления в его отношении к органам государственной власти; создание административной юстиции; наконец, преодоление традиционных стереотипов общественного сознания, связанных с отрицанием права как инструмента социального регулирования, неразвитостью механизмов спроса на право и доступа к правосудию¹⁴.

При обосновании принципов правового государства и светского государства, федерализма, разделения властей, местного самоуправления констатируется необходимость добиться максимальной концептуальной ясности и взаимосвязи доктрины, законодательного регулирования и судебного толкования соответствующих понятий. Подчеркивается, во-первых, важность переориентации общих норм, процессуальных норм и правоприменительной практики исходя из приоритета личности перед государством. Процессуальное правовое регулирование предполагается оптимизировать в соответствии с презумпцией, что органы и должностные лица публичной власти не должны выступать, образно говоря, в одной весовой категории: субъекты публичной власти, которые по своей природе все сложно организованы, не должны приравниваться в судебной защите к гражданам (у них меньше возможностей, и они, как правило, юридически слабее). Во-вторых, предлагается обратить внимание на правовое регулирование складывающихся неформальных отношений, установление статусов субъектов и объектов политической конкуренции, нормирование связей конкурентов в системе власти и поддержа-

ние баланса в их правах, обязанностях, гарантиях и ответственности. В-третьих, подчеркивается значение выработки эффективных технологий и инструментов конституционно-правовых преобразований с позиций таких параметров, как поддержание стабильности политико-правовой системы, преодоление отчуждения между обществом и политической властью, выстраивание новых приоритетов административной деятельности исходя из прав личности.

Другая группа рекомендаций связана с задачами реформирования политической системы. Она предполагает: сделать парламент более представительным, а правительство – более ответственным, перейти к реальной многопартийности и гарантиям прав политической оппозиции; добиться полноценной реализации принципа разделения властей и ограничить прерогативы президентской власти; сделать федерализм более действенным; пересмотреть соотношение тенденций централизации и децентрализации, преодолев избыточную унификацию и бюрократизацию государственного управления; провести принцип субсидиарности в решении вопросов регионального и местного значения, обеспечив разграничение функций институтов управления и самоуправления; активизировать институты местного самоуправления и обеспечить его правовое регулирование. Сбои существующей политико-правовой системы констатируются по таким параметрам, как неэффективность и недостаточная легитимность функционирования основных институтов демократии – референдумов, выборов в Государственную думу и региональные парламенты, муниципальных выборов. Подчеркивается, что продолжающееся регулирование выборов, референдумов и других традиционных форм непосредственной и представительной демократии не приносит значимых улучшений. В области центрального и местного управления констатируется необходимость повы-

¹⁴ Основы конституционного строя России... С. 299–310.

снять уровень публичности власти и добиться сбалансированного сочетания институтов представительной и прямой демократии, чтобы решения, касающиеся жизненных интересов населения, принимались им самим или на основе обязательных публичных слушаний. Повышение качества российской демократии зависит и от либерализации уголовного и административного законов, устанавливающих ответственность организаторов и участников публичных мероприятий. Одной из первоочередных мер выступает формирование институтов и механизмов, позволяющих ограничить монополию определенных политических партий в государстве. В этой связи положительную роль сыграют инициативы, стимулирующие налаживание прочных связей партии с населением и развитие внутрипартийной демократии.

В области федеративных отношений рекомендуется обосновывать идею не «вертикали власти», а сильной государственной власти с выделением двух самостоятельных уровней ее осуществления. С учетом принципа федерализма сочетание универсализации и дифференциации предстает как центральная тема и в правовом регулировании местного управления и самоуправления. Действующее федеральное законодательство влечет неумеренно жесткую унификацию в муниципальной сфере, не обеспечивает возможность учета и реализации различающихся по разным территориям местных интересов, исторических и иных местных традиций, необоснованно сдерживает муниципальное развитие. Из этого следует необходимость усиления возможностей политической самоорганизации субъектов и их влияния на решение общегосударственных задач. Требуется пересмотр в этой части муниципального законодательства, с тем чтобы уйти от неоправданной фетишизации правового единообразия. Констатируется необходимость теоретически обоснованной концепции развития федеративных отношений, включающей решение

вопроса о статусе субъектов, допустимых различиях между ними в условиях единства правового статуса граждан РФ, подходах к разграничению компетенции и финансовых средств между центром и регионами. Выдвигаются предложения о дифференцированном подходе к выстраиванию взаимоотношений центра с отдельными субъектами. Федерализм при этом предлагается рассматривать не как самоцель и тем более не как способ обеспечить электоральную лояльность (что сейчас имеет место на практике), а как путь к инновационному развитию всех территорий страны. Основа федерализма – финансовая составляющая взаимоотношений центра и субъектов – должна разрабатываться с учетом объективных особенностей географического и экономического положения отдельных территорий, с тем чтобы не только обеспечить прозрачные механизмы «выравнивания», но и задействовать потенциал развития субъектов Федерации. Поскольку идеологически федерализм плохо сочетается с монополизацией власти, он требует политического многообразия и активной позиции политической элиты субъектов, которая могла бы служить противовесом в процессе принятия решений, касающихся управления государством. Значительную роль здесь могут играть процессы партийного строительства и в целом совершенствование институтов народовластия, в том числе на уровне субъектов.

Дисбаланс в сложившейся системе разделения властей ставит вопрос о необходимости конституционной реформы в этой области. Поэтому главной рекомендацией выступает общее пожелание о создании в России такой системы власти, при которой принцип разделения властей с четко выверенной системой взаимных сдержек и противовесов будет последовательно проведен на конституционном, законодательном и институциональном уровнях. Для этого, во-первых, предполагается внести конституционные поправки, модифицирующие существующую конс-

струкцию разделения властей: пересмотр полномочий президента в сторону их усечения; усиление роли и независимости суда, его переориентация на конституционно закрепленный приоритет прав и свобод человека; усиление роли правительства в связке «президент – правительство» или встраивание президента в исполнительную власть как главы этой ветви с упразднением поста премьера. Во-вторых, признается необходимым исключение практики создания «параллельных» правительству квазиправительственных и иных теневых структур исполнительной власти, неподконтрольных парламенту и обществу; создание условий и гарантий для возвращения парламенту реальных (не имитационных) функций инициирования и обсуждения законопроектов; совершенствование механизма подотчетности президента и правительства перед парламентом. В-третьих, признается необходимым обеспечение гарантий для свободного функционирования гражданского общества, правозащитных организаций и СМИ; конституционное закрепление основных принципов избирательной системы и усиление гарантий для создания и деятельности партий. Чтобы вернуться к балансу властей в рамках действующей Конституции, нужна прежде всего политическая воля, ревизия всего законодательства, связанного с распределением полномочий между ветвями власти, ликвидация избыточных полномочий президента, которые были ему дарованы сверх непосредственно зафиксированных в Конституции, и корректировка позиций Конституционного суда по этим вопросам¹⁵.

Третья группа рекомендаций направлена на повышение эффективности судебной системы. По этому направлению предложено: реформировать судебную систему и повысить ее роль в реализации принципа правового государства; представить доктрину обоснования и

легитимации судебных решений по острым экономическим и политическим вопросам; разработать технологии конституционных реформ для достижения поставленных целей; определить этапы, сроки и инструменты проведения преобразований, критерии их эффективности; сформировать институты независимой научной экспертизы и вести мониторинг реализации конституционных принципов. Поскольку ключевым элементом, позволяющим охарактеризовать состояние реализации принципа правового государства в стране, служит эффективность судебной системы, первоочередные меры по исправлению ситуации находятся прежде всего в плоскости судебной реформы, которая должна быть направлена на обеспечение реального доступа граждан к правосудию. Предлагаются рекомендации, которые могут частично усилить роль суда в существующей системе разделения властей. Имеется в виду комплекс мер, направленных на повышение независимости судей, устранение чрезмерной иерархичности внутри суда, подчиненности между судьями, что снижает их самостоятельность и гарантированный единый статус. Важной составляющей реформы может стать создание системы административных судов, максимально автономной от действующей судебной вертикали.

В рамках толкования конституционных принципов и последующей судебной практики необходимо разъяснение Конституционным судом РФ таких вопросов, как понимание принципов справедливости, равенства и соразмерности, соотношение между ними, соотношение формально-юридической и субстанциальной интерпретации, критериев и тестов их применения в конкретных делах. В рамках данного подхода целесообразны, во-первых, четкие критерии выстраивания баланса конституционных ценностей, во-вторых, более глубокий анализ целей вводимых

¹⁵ Конституционный суд как гарант разделения властей. М., 2004; Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного суда России. М., 2005.

ограничений соответствующих принципов и адекватности, соразмерности средств, избираемых для достижения таких целей.

Сохраняющаяся неопределенность и противоречия при формулировании правовых позиций по этим вопросам ведут к юридическим трудностям и психологическому конфликту в переходном обществе: завышенные правовые ожидания (опирающиеся на высокий рейтинг конституционного правосудия, основанный на его предшествующей роли в либерализации законодательства) сталкиваются с непредсказуемостью, противоречивостью и необоснованностью решений, которые не могут быть объяснены обществу в единой логической формуле. Пути преодоления разрыва ключевых принципов справедливости, равенства, соразмерности и законности в постсоветском обществе следует искать по линии примирения разума и традиции, идеала и реальности, солидарности и господства, юридической нормы и силы, легитимности и законности, публично-правовой этики, юридической доктрины и эффективности права, в целом – последовательного решения задач демократической модернизации с помощью научно обоснованной политики права.

Возможные технологии конституционных преобразований

Технологии проектируемых конституционных преобразований могут быть разделены на три группы по степени вмешательства в существующий конституционно-правовой порядок. *Первая позиция* представлена идеей радикальной конституционной реформы и явно или молчаливо исходит из предположения, что конфликт между правом и властью требует конституционного разрешения, – современная российская политическая система становится неререформируемой, а потому необходимы активные усилия общества по ее трансформации вплоть до созыва но-

вой Конституанты и принятия пакета радикальных конституционных поправок.

Вторая позиция представлена идеей отдельных конституционных поправок, не затрагивающих Конституцию в целом: соглашаясь с первой в оценке ситуации, эта позиция исходит из возможности постепенной корректировки Основного Закона путем изменения отдельных норм – поправок, направленных на отражение новой реальности, ликвидацию пробелов и уменьшение неопределенности конституционных норм. Считая стабильность Конституции важнейшим условием ее легитимности, сторонники данного взгляда все изменения предлагают реализовать без какой-либо существенной ревизии текста Конституции – путем законодательных новаций и судебного толкования. Но эта позиция также включает различные подходы: одни допускают, что изменение ряда центральных законов в их совокупности может (и должно) привести со временем к модернизации Конституции, другие – отрицают эту идею, подводя к мысли о преимущественном значении практики и изменения правосознания.

Третья позиция связывает перспективы конституционной модернизации не с изменением законодательства, а с практикой его применения. В центре внимания при таком подходе – изменение политической системы, институционального дизайна, механизмов функционирования партий и общественных движений. Эта позиция исходит из того, что причиной конституционной дисфункции являются не недостатки правовой системы, а то обстоятельство, что Конституция и ее принципы просто не получили адекватной реализации. Решение проблемы, соответственно, в изменении не Конституции и законодательства, а практики существующего режима, которая при таком понимании выступает как неконституционная. Поэтому, как считают эти эксперты, нужно отказаться от системы бюрократических наростов, практик и процедур, которые

деформируют конституционные положения и создают ситуацию монополизма в экономике, политике и культуре¹⁶. Изменить режим в соответствии с Конституцией и заставить его соблюдать ее – таков лозунг этого направления.

Одни эксперты настаивают на немедленном изменении Конституции, другие – говорят о предпочтительности проведения постепенных изменений правового порядка без затрагивания текста Основного Закона – через корректировку конституционного законодательства и судебное толкование. Соответственно, предлагаются различные инструменты реформ – от созыва Конституционного собрания, которое неизбежно в случае принятия новой Конституции или ее радикальной ревизии, до отдельных корректировок законодательных норм, процедур, правоприменительной деятельности и вообще – изменения правового сознания общества. Представленные подходы рассматриваются не как взаимоисключающие, но как взаимно дополняющие друг друга, поскольку будущая политическая практика может привести к актуализации любого из них или различным их комбинациям¹⁷.

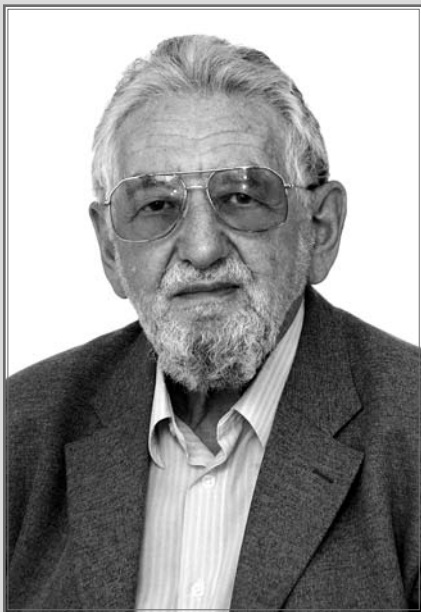
Политическая составляющая конституционной модернизации – добиться ее реализации в рамках договорной модели и избежать модели разрыва правовой преемственности. Как показывают сравнительные исследования о демократических транзитах, ключевой момент переходного периода – это

позитивная консолидация общества, завершением которой призвана стать конституция, обеспечивающая демократические ценности, четкие, равные и прозрачные «правила игры» для всех акторов гражданского общества и эффективные политические институты. Одновременно следует предотвратить опасность конституционного популизма: очень легко подменить позитивную консолидацию общества негативной, основанной на простом отрицании действующей системы.

Исходя из этого, выдвижение консервативной и леворадикальной оппозицией лозунгов об Учредительном собрании (или Конституционном собрании), новой конституции или о немедленном переходе к монистической парламентской системе не кажется очевидным приоритетом в условиях социальной апатии, слабости федерализма, отсутствия реальной многопартийности и существования авторитарной модели власти. В действительности речь должна идти скорее о правовой трансформации политического режима – изменениях избирательной системы, введении реальной многопартийности, восстановлении конкурентной среды в СМИ. Частью этой программы должно стать независимое обсуждение различных проектов конституционных реформ, прежде всего – поправок существующих законов, судебной практики и механизмов правоприменительной деятельности.

¹⁶ Основы конституционного строя России... С. 310–312.

¹⁷ Там же. С. 8–9.

***Виктор Леонидович Шейнис,**
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений РАН*

Деволюция избирательной системы в России

Одно из оснований современной демократии – честные и свободные выборы, на которых правящую партию (или коалицию) у власти сменяет оппозиция. Это может происходить в классической форме «смены караула» (США, Англия, Франция, Германия). Или же угроза утраты власти на выборах постоянно нависает над политиками, надолго завладевшими большинством в парламенте и сформировавшими правительство, и реализуется лишь в итоге нескольких, иногда многих избирательных циклов (Италия, Япония). Но и в таких странах оппозиция была и остается самостоятельной политической силой в национальном масштабе: берет власть в крупных регионах страны и заставляет правящую партию корректировать свой курс. В странах Восточной Европы, когда снят был советский контроль, возобновилась ротация власти. Это стало квалифицирующим признаком их перехода от авторитаризма к демократии. На рубеже 80–90-х годов могло показаться, что нечто подобное – параллельно с распадом КПСС – начало происходить и в России. На деле события здесь приобрели иной оборот.

Немного истории

В 1989–1990 годах перестройка Михаила Горбачева подвела к тому, что номинальные советские выборы стали обретать черты реального избирательного процесса. Декорации ожили, и немалая часть актеров заговорила собственным голосом. Созданная при Сталине и отлаженная его преемниками система аппаратного отбора, партийного «подбора и расстановки кадров» пошла трещинами,

а в главных центрах рухнула. Предприятия, научные институты, творческие объединения, общественные организации, а также улицы выдвинули своих кандидатов и стали добиваться их избрания. Переоценивать качество тех законов, которые наскоро были сочинены и введены в действие на этих выборах, конечно, не стоит. Но главным было то, что там, где общество смогло воспользоваться новым законом, выборы стали конкурентными и полусвободными. И это изменило содержание избирательного процесса.

В результате были избраны парламенты, городские и районные собрания, которые более или менее отразили реальную расстановку консолидировавшихся политических сил. Общество, только выходящее из государственного социализма, не могло заполнить представительные органы людьми квалифицированными и ответственными, да и мало кто из депутатов отдавал себе отчет в смысле происходившего и последствиях своих голосований. К тому же не все они были избраны на альтернативной основе. Падение и союзного, и российского парламентов в значительной мере произошло по вине самих депутатов. И все же многие из них, проходя школу парламентаризма, учились самостоятельно принимать решения. А разные сегменты общества примечали в депутатском корпусе своих представителей и оказывали им энергичную поддержку. Не инсценированные выражения солидарности и симпатии, которыми пользовались, в особенности на первых порах, Межрегиональная депутатская группа на Союзном Съезде и Демократическая Россия – на Съезде народных депутатов России, вдохновляли.

В 1992 году, когда стало очевидно, что в России приближаются новые выборы и что избранные органы не доживут до положенного им срока, небольшая группа депутатов и экспертов, работавших в Конституционной комиссии Съезда на-

родных депутатов РФ, в инициативном порядке занялась подготовкой нового избирательного законодательства. В грозовой ситуации 1993 года провести его в Верховном совете не удалось. Но он лег в основу президентских Положений о выборах Государственной думы и Совета Федерации 1993 года¹. Глядя сегодня на этот проект, видишь его дефекты. Тем не менее в основе своей это был демократический, прогрессивный закон, который мог обеспечить и действительно обеспечил соответствие результата выборов 1993 года тем общественным настроениям, которые к тому времени доминировали в стране. Основные черты проекта были воспроизведены в избирательных законах, которые приняла Государственная дума первого созыва в 1994–1995 годах. В меру своих способностей и возможностей, которые определялись ее разнородным политическим составом, она разработала и добилась введения в действие основных избирательных законов: об основных гарантиях избирательных прав граждан, о выборах Государственной думы, Совета Федерации, президента, о федеральном референдуме.

Последующая корректировка этих законов шла на протяжении всех 1990-х годов. Они дорабатывались и совершенствовались и соответствовали Конституции РФ (это подтвердил в 1998 году Конституционный суд) и международным демократическим стандартам².

В этом беге с препятствиями были и досадные потери, но все-таки выдерживались два важных принципа. Во-первых, люди, работавшие над избирательным законодательством, стремились сделать его стабильным. И, во-вторых, в той мере, в какой они его меняли, они откликались на объективные требования, выдвигаемые практикой избирательных процессов. Нормы закона в жизни нарушались. Скажем, обнаруживался административный ресурс, и законодатель, как мог и умел, пытался

¹ Избирательный закон. Материалы к обсуждению. М., июнь 1993. С. 4–52.

² ЦИК РФ. Международные избирательные стандарты. Сборник документов. М., 2004.

с ним совладать. Совсем парализовать его, конечно, было невозможно, но его законодательно старались ограничить. Обнаруживалось влияние больших денег, и вводились законоположения, которые должны были этому противодействовать. Так продолжалось примерно до начала 2000-х годов. В 2002 году председатель Центризбиркома Александр Вешняков заявил: в закон внесены «последние серьезные изменения, больше таких не потребуется»³.

Вскоре, однако, выяснилось, что новая власть нуждается в другом законе и другом председателе Центризбиркома. Изменился и состав Государственной думы, ее фактическим распорядителем все очевиднее становился президент со своей администрацией. В 2000-е годы была предпринята крутая ломка избирательного закона, замена его несущих конструкций. Ни о какой стабильности закона тоже говорить не приходится. Его курочили вприглядку. Задача, которая была поставлена, заключалась в том, чтобы он обслуживал определенный план переустройства политической системы, способствовал утверждению так называемой «управляемой демократии». То есть утверждавшаяся у власти группа озабочена была тем, чтобы оставаться там бессрочно. Не сохранилось ни одного звена избирательного законодательства, которое в нулевые годы не было бы изменено в пользу власти и в ущерб оппозиции, даже потенциальной.

Изменения, которые претерпела избирательная система в нулевые» годы, могут быть определены как *деволюция*. Понятие это имеет двоякое значение. Одно из них – передача функций от одного субъекта другому. Шаг за шагом формирование органов государственной власти и местного самоуправления передавалось от избирателей

самой власти. В результате сложилась система, в которой решения не только о назначении на все посты в исполнительной власти, но и формировании значительной части депутатского корпуса представительных органов принимались назначенцами, занимающими высшие ступени властной вертикали. В тех случаях, когда назначения опосредуются избирательными процедурами, сами выборы становятся номинальными, имитационными. Второе значение деволюции – деградация, упадок. Выборы были введены в жесткие рамки и законодательством, и избирательной практикой. Их результаты известны заранее. Исключен не только приход к власти сил оппозиции, но и не санкционированные сверху персональные перестановки на всех значимых позициях. *Из избирательной системы изъято ее содержательное начало – политическая конкуренция.*

Законодательная контрреформа

Самым заметным изменением был переход от смешанной к полностью пропорциональной системе. Вариант избирательной системы, при которой две половины Государственной думы избирались независимо друг от друга – на пропорциональной и мажоритарной основе – был не лучшим решением⁴. Принятая же в 2005–2006 годах в РФ система выборов в Государственную думу и в большинство законодательных собраний регионов исключительно по партийным спискам оказалась хуже прежней по меньшей мере в трех отношениях. Во-первых, она вела к окостенению нашей недоразвитой партийной системы, обеспечивая (вместе с другими нововведениями) преференции для квазипартии – «Единой России» (ЕР),

³ Коммерсантъ-Власть. 2002. 2 июля. С. 27.

⁴ Предпочтительнее была бы связанная избирательная система наподобие той, что функционирует в ФРГ. На федеральных выборах германский избиратель имеет два голоса. Один он отдает партии (этот голос и определяет политическую структуру бундестага), второй – персонально кандидату, выдвинутому в одном из примерно равновесных округов, на которые поделена территория ФРГ. В результате решающее слово в определении персонального состава большинства депутатов, представляющих партию, принадлежит избирателю, а не закрытому порядку партийного отбора.

слитой с исполнительной властью и представляющей не что иное, как пресловутые «рычаги» – передаточный механизм от высшего политического руководства к средним и низшим звеньям бюрократии и зависимым от нее слоям населения. Оппозиционные меньшинства вымывались. Во-вторых, она фактически – в вопиющем противоречии с Конституцией – отменила пассивное избирательное право беспартийных граждан и исключила приход в парламент ярких лидеров, заслуживших доверие избирателей, но не вошедших в состав протезируемых партий. В-третьих, она сделала еще более несбалансированными отношения центра и регионов в федеративном государстве, отдавая формирование партийных фракций в Думе (а позднее даже и последующую коррекцию их состава) в руки лиц, стоящих во главе партий и заведующих партийным строительством.

Переход от смешанной к пропорциональной системе позволил ЕР получить в 2007 году в Думе конституционное большинство – 70% мандатов, а в 2011 году – более половины (53%), притом что за нее на последних выборах было подано меньше половины голосов (49,3%)⁵. Резкое ослабление позиций привластной партии подвигло власть на новую коррекцию и избирательного, и партийного законодательства. В 2012 году требования к численности политических партий были снижены с 40 тыс. до 500 человек. Это означало увеличение числа зарегистрированных партий с 7 до 46 на конец года (предположительно к следующим думским выборам этот показатель может вырасти до 70–80). Выход на выборы множества фиктивных партий-однодневок приводит к тому, что голоса привлеченных ими избирателей идут «в отвал», а партии-фавориты получают бонус. Но это властям предрежащим показа-

лось недостаточной гарантией победы ослабевающей ЕР в будущем. Поэтому администрация президента подготовила и внесла новый закон о выборах Государственной думы, который возвращает смешанную систему, в прежнем варианте. Он иным образом обеспечивает позиции ЕР (и/или ее двойника – Объединенного народного фронта) на следующих парламентских выборах. Ставка переносится на одномандатные округа, в большинстве которых рассчитывают провести провластных кандидатов, для избрания которых потребуется относительное большинство пришедших на выборы избирателей.

Замена смешанной избирательной системы пропорциональной и обратно как на федеральном уровне, так и в регионах осуществлена была в комплексе с отчетливо антидемократической корректировкой всех наиболее существенных элементов, образующих каркас избирательной системы.

Целый ряд изменений предназначен был вытеснить оппозицию с избирательного поля. В странах, где действует пропорциональная система, вводится обычно заградительный барьер: партия, претендующая на участие в разделе мандатов, должна получить определенный минимум голосов (как правило, от 3 до 5%). Это разумно: если парламент разделен на множество мелких фракций, его работоспособность падает. Пятипроцентный барьер в России, где на выборах 1995 года конкурировали 43 участника и 27 из них получили менее 1% голосов, дал чрезмерный выброс нерезультативных голосов, но выполнил свою роль⁶. Теперь его разумно было бы понизить, как это сделали, например, на Украине (с 5 до 4%). Но в России пошли в обратном направлении. В предвидении выборов 2007 года заградительный барьер был повышен с 5 до 7% голосов. А законодательные органы

⁵ Выборы депутатов ГД ФС РФ. 2007. Электоральная статистика. М., 2008. С. 320–321; 363 [http://www.vyборы.izbirkom.ru/duma.gov.ru/]; [http://www.duma.gov.ru/structure/factions/].

⁶ Барьер преодолели четыре партии, поделившие около 45% голосов, поданных за проигравшие партии. См.: Выборы депутатов ГД ФС РФ. Электоральная статистика. М., 1996. С. 90–91.

Москвы, Дагестана и Калмыкии, поставив на региональных выборах барьер в 10%, показали, что для них и это не предел. Поднятый на запредельную высоту барьер сигнализировал избирателям тех партий, которым социологические опросы не обещают его преодоления, что на выборы идти бессмысленно. Сейчас, при подготовке нового закона, идет очередное перетягивание каната: каким быть барьеру.

Чтобы еще вернее отсеять партии меньшинства от участия в выборах, запретили избирательные блоки, которые могли бы консолидировать силы оппозиции, а когда и этого показалось недостаточно – исключили возможность скрытых блоков: включение в партийные избирательные списки членов иных партий. Вместе с изменениями закона о партиях это поставило далеко не заверченный в России процесс формирования партийной системы в высокую зависимость от властей.

Был поставлен еще один труднопреодолимый заслон: предельно усложнены условия регистрации для участия в выборах партийных списков и отдельных кандидатов. Нежелательных для властей претендентов останавливают на дальних подступах к голосованию. Чрезмерно затруднен был механизм регистрации для участия в выборах. Избирательные комиссии и прежде широко пользовались выбраковкой собранных в поддержку партийных списков и отдельных кандидатов подписей избирателей для отсекаания неудобных. Затем число требуемых подписей было увеличено, а избыток – резерв для замены забракованных подписей – уменьшен. На практике это поставило допуск партий и кандидатов к выборам в полную зависимость от соизволения властей. Существовал, правда, еще один, страховочный способ для включения в бюллетень для голосования – залог. Но с ним тоже разобрались: сначала непомерно завысили его величину, а затем отменили вовсе. Правда, в ключе ограниченной либерализации законодательства по инициативе Дмитрия Мед-

ведева партийные списки и кандидаты, выдвинутые зарегистрированными политическими партиями, от сбора подписей были освобождены. Это снимает некоторые из ограничений для выдвижения конкурирующих кандидатов, но в то же время способствует инфляции партстроительства и разбросу нерезультативных голосов, поданных за не преодолевшие барьер списки, чем расценивается воспользоваться властью.

Пересмотренное законодательство не только подавляло политических конкурентов, но и исключало организованные формы протестного поведения избирателей. Возможность срыва выборов неучастием в них – отменой порога явки для признания выборов несостоявшимися. Возможность выразить протест против отстранения реальных оппонентов отобранным властями кандидатам – отменой графы «против всех» в избирательном бюллетене.

Для фаворита же – привластной партии – озаботились созданием комфортных условий, призванных обеспечить ему не просто победу на выборах, но оглушительный успех. Иначе как прямым обманом избирателей трудно назвать легализацию участия в выборах во главе списков так называемых «паровозов» – известных деятелей литературы, искусства, спортсменов и т. п. и знаковых руководителей исполнительной власти. Первые, как правило, не обладают ни необходимым образованием, ни опытом, ни выдающимися способностями для законотворческой и политической деятельности. Вторые – носители специфического опыта и навыков и держатели административного ресурса. Объединяет их то, что большинство и тех и других не собирается заниматься парламентской работой и предоставляет свои популярные или знаковые имена для привлечения голосов избирателей и вытягивания в депутаты массы безвестных и послушных статистов и «нужных» людей, которыми руководство ЕР заполняет списки.

С наплывом такой публики законодатель столкнулся еще в 90-х годах и

попытался остановить его введением санкций: за отказ от мандата кого-либо из ведущих «тройки» без обоснованных причин – передачей его другой партии, а не продвижением следующего по списку претендента. Норма эта после долгих согласований в законе появилась. К сожалению, она была не вполне корректно сформулирована, и ее стали обходить. Надо было вводить сильные негативные стимулы для партий, помещающих подобных псевдокандидатов в свои списки. Их потери должны были быть более ощутимыми, чем утрата одного мандата. Но получив доминирование в Думе, ЕР эту норму удалила совсем и на всех последующих выборах сделала практику «паровозов» не исключением, а правилом.

В качестве таковых повсеместно стали выступать губернаторы, возглавляющие региональные подразделения списков ЕР, и сам президент, в единственном лице представлявший федеральную часть ее списка. Совершенно очевидно, что участие губернаторов в качестве «свадебных генералов», разрешенное также на выборах в региональные собрания, которым после очередной переработки закона надлежало утверждать их кандидатуры, – издевательство и над демократическими выборами, и над здравым смыслом⁷.

Эффективным инструментом в руках исполнительной власти для достижения требуемого результата на выборах являются избирательные комиссии, фактически (и в существенной мере также юридически) встроенные во властную вертикаль. Законодательство 90-х годов следующим образом определило порядок формирования избирательных

комиссий: в ЦИК – по одной трети членов назначают президент, Совет Федерации и Дума; члены комиссий субъектов Федерации и окружных комиссий по выборам федеральных органов на паритетной основе назначаются органами законодательной и исполнительной власти; комиссии нижестоящих уровней назначаются выборным органом местного самоуправления. Причем не менее трети членов комиссий, начиная от субъектных, должны были назначаться по предложению партий и не более трети могли составлять государственные и муниципальные служащие. Председатели, их заместители и секретари всех комиссий избирались тайным голосованием членами комиссий. Ограничительным условием для избрания всех членов ЦИКа и председателей субъектных комиссий было требование юридического образования или ученой степени в области права. Это был относительно приемлемый порядок. Правда, исполнительная власть одна только располагает реальными рычагами давления на назначенных ею лиц. Поэтому закрепленное за нею участие в формировании избирательных комиссий (что было отзвуком недавнего противостояния ветвей власти) при разумном подходе подлежало устранению.

Как и в других областях избирательного права, в нулевые годы законодатели здесь также пошли в противоположном направлении. Порядок формирования ЦИК в основном был сохранен, но при сложившейся партийной структуре Думы преобладание в ней президентских назначенцев (и, следовательно, избрание ключевой фигуры – ее председателя) гарантировано⁸. Замена требования

⁷ В 2007 году в закон была внесена еще одна поправка, стимулирующая самих именитых «отказников». Потеряв руководящий пост, они могут вернуть себе думский мандат, если свое место в Думе освободит депутат той же партии, что организовать несложно. Следует отметить, что даже царское Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 года запрещало участие в выборах «губернаторов, вице-губернаторов и их помощников – в пределах подведомственных им местностей», а также «лиц, занимающих полицейские должности в данной губернии или городе, по которым проводятся выборы». См.: Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. М., 2001. С. 538; *Селунская Н., Бородкин Л., Григорьева Ю., Петров А.* Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 23.

⁸ Положение, согласно которому одна политическая партия может назначить лишь одного члена комиссии, обходилось разбиением депутатов от «Единой России» на несколько думских фракций, каждую из которых наделили правом выдвигать своего представителя.

о высшем юридическом образовании любым профессиональным образованием для членов ЦИК и председателей субъектных комиссий облегчало маневры при персональных назначениях, чем немедленно воспользовались, заменив одного председателя ЦИК на другого, более подходящего. При формировании избирательных комиссий субъектов Федерации был сохранен паритет (что означает на деле доминирующую роль губернатора). А под ними была выстроена вертикаль: вышестоящие комиссии либо прямо формируют нижестоящие, либо назначают в них председателя, что решительно меняет его статус в комиссии. В составе комиссий – от низового до верхнего уровня – разрешено было повысить удельный вес функционеров – федеральных и муниципальных чиновников – с одной трети до половины. Если учесть, что основную массу нечиновных членов участковых избирательных комиссий составляют люди, зависимые от администрации (учителя, врачи, работники ЖКХ), то становится очевидным, что органы, организующие, регулирующие и надзирающие за избирательным процессом, сведены в некое подобие пирамиды, на вершине которой стоит все та же исполнительная власть. В 2012–2013 годах в порядке формирования избирательных комиссий, вплоть до участковых, была введена еще одна новелла: их члены назначаются сроком на 5 лет. К чему административным органам головная боль, связанная с подбором и переутверждением проверенных людей, спорами с партиями, выдвигающими своих претендентов и т. д.? Кампания по формированию избирательных комиссий в 2013 году ознаменовалась беззастенчивым отбором зависимых людей и отсечением неуправляемых.

Закон и суд против Конституции

Прямые выборы губернаторов населением были заменены причудливой процедурой: законодательный орган субъекта

Федерации предлагал вниманию президента ряд кандидатур, а затем утверждал в должности лицо, на котором он останавливал свой выбор. Переход от всеобщих выборов высших должностных лиц субъектов Федерации, в руках которых к этому времени сосредоточилась почти вся реальная власть в регионах, к их фактическому назначению – мера отчетливо антифедералистская и антидемократическая. Ведь их аналог – не французские префекты или иные высшие чиновники, назначаемые в регионы правительствами в некоторых демократических странах, а губернаторы и генерал-губернаторы в дореволюционной России и секретари обкомов в СССР. Ибо никакого, хотя бы слабого противовеса им в лице избираемых представительных органов власти не существует. Губернаторы стали практически несменяемыми иначе как по инициативе сверху. Они контролируют персональный состав региональных законодательных органов (которым было предоставлено номинальное право «одобрять» выбор президента либо не соглашаться с ним под угрозой роспуска), а заодно и избрание представителей региона в Государственную думу, не говоря уж о назначении своего представителя в Совет Федерации. Президент обрел право не только назначать и отстранять от должности глав субъектов Федерации, но и распускать избранные населением законодательные собрания, не согласившиеся с его выбором. Новый порядок был введен как ответ на трагические события 2004 года в Беслане, хотя доказать связь между борьбой с терроризмом и добавлением президенту полномочия, находящегося в диссонансе с Конституцией, было непросто. Но никто никому ничего обосновывать не стал. Вопреки Конституции завершилось создание унитарного по сути государства.

Оценить эту новеллу в России предстояло парламенту и Конституционному суду (КС). В парламенте, где после выборов 2003 года президент мог опереться на прочное квалифицированное

большинство, законопроекту была обеспечена «зеленая улица». КС, рассмотрев в 2005 году жалобу 14 региональных отделений СПС и гражданина Тюмени на нарушение конституционных прав, признал новый порядок формирования исполнительной власти в субъектах Федерации соответствующим Конституции. Правда, по аналогичной жалобе ранее КС уже принимал противоположное решение. Но конституционные судьи – достаточно опытные и изощренные юристы, чтобы суметь не без изящества обосновать правомерность каждого из этих противоречащих друг другу постановлений⁹.

Отмена прямых выборов губернаторов носила столь вызывающий антидемократический, антиконституционный и антифедералистский характер, что через несколько лет строители президентской вертикали объявили о намерении такие выборы вернуть. Сказались, по-видимому, и зарубежная критика, и требования, заявленные протестным движением. Новый закон, однако, как мог, выхолостил процедуру прямых выборов, предоставив право выдвижения кандидатов партиям, но поставив их регистрацию в зависимость от сбора подписей муниципальных депутатов, в большинстве контролируемых администрацией. Квоты по количеству необходимых подписей (от 5 до 10% от общего числа муниципалов) отданы на усмотрение регионов. Самовыдвиженцы должны собирать подписи избирателей, количество которых тоже отдано на усмотрение региональных законодателей. Но помимо этого общего порядка за республиками сохранена

возможность выборов их первых лиц не населением, а законодательными собраниями из трех кандидатов, отобранных президентом из числа предложенных партиями. В предшествующем цикле в большинстве субъектов Федерации у власти утвердились «политики-назначенцы, которые никогда и нигде не избирались». И номинальное возвращение института выборов, к тому же урезанного, не обещает утверждения ни подлинного федерализма, ни демократизации общественной жизни – в лучшем случае расширяются возможности местных элит в проведении торга с федеральным центром – «бюрократического, элитарного, закрытого»¹⁰.

Теоретически решающая роль в защите избирательных, равно как и всех иных конституционных прав граждан, должна принадлежать судам. Тем более что многолетняя уже практика отклонения органами исполнительной власти и избирательными комиссиями жалоб на грубейшие нарушения Конституции и избирательного законодательства – даже без вхождения в суть дела и анализа доказательств – стала обычной. Граждане и общественные организации обращаются в суды, потому что иной инстанции, которая могла бы восстановить их законные права, не существует. Но имеющийся опыт подсказывает: это бесполезно. Когда дело доходило до обращения в суд, он, как правило, не усматривал в оспариваемых действиях наличие криминала и отклонял поступивший иск на том основании, что нарушения не доказаны, а обнаруженные нарушения «не могли повлиять на общий итог волеизъявления избирателей».

⁹ Сопоставив два постановления Конституционного суда, принятые в 1996 и 2005 годах и противоположным образом оценившие правомерность отказа от прямых выборов гражданами высших должностных лиц субъектов Федерации, Б.А. Страшун, один из разработчиков Конституции РФ, а впоследствии советник и начальник научно-экспертного управления КС, пришел к заключению: «Аргументация Конституционного суда... полностью меняет общепринятые представления о верховенстве Конституции, ее соотношении с законодательством, пределах ее толкования и собственных правовых позициях Конституционного суда, которые свободно могут меняться "в духе времени". С этой точки зрения, конечно, можно оправдать все, что угодно, но это будет за пределами права» (Конституционный вестник. 2008. Декабрь. № 1 (19). С. 57–61). Нелишне в этой связи отметить, что указом президента от 10 декабря 2004 года было положено ежемесячно выплачивать председателю КС поощрение в размере 6,5 месячного оклада, заместителю председателя, секретарю и судьям КС – 5,5 оклада (Гарбуз А., Краснов М., Мишина Е., Сатаров Г. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М.- СПб., 2010. С. 168).

¹⁰ Захаров А. «Спящий институт». Федерализм в современной России и в мире. М., 2012. С. 107–108.

Между тем как раз наиболее распространенные разновидности фальсификации данных об итогах выборов – преступления трудно маскируемые и сравнительно легко доказуемые. Одни только жесткие судебные приговоры организаторам и участникам фальсификаций, широко опубликованные в СМИ, могли бы существенно оздоровить атмосферу на выборах. Но судьи «повязаны» неформальной зависимостью от исполнительной власти на местах и формализованной – от органов судейского сообщества, управляемых председателями областных и городских судов.

Столь же решительно обошелся режим с референдумом. Новая редакция конституционного закона о референдуме 2004 года развела проведение референдума с федеральными выборами по времени, ограничила сроки, в которые он может быть проведен и ужесточила требования к формированию инициативных групп и процедур сбора подписей. В 2008 году были запущены новые поправки, ограничительные уже по содержанию: на референдум запрещается выносить вопросы, «отнесенные Конституцией и законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти». Если учесть, что компетенцию эту несложно толковать практически безгранично и что до сих пор избирательные комиссии и законодательные собрания регионов и так искусно пресекали все инициативы по проведению референдумов, то приходится заключить, что уже действовавший фактический запрет был оформлен юридически. Смысл нового закона простодушно объяснил председатель Думы: «оградить от использования в популистских целях»¹¹. После 1993 года не удавалось провести ни одного федерального референдума, а в регионах проходили референдумы, лишь иницированные самой властью. Но память о том, что референдум как мощный таран крушил советскую систему в начале

90-х годов, сохранялась и вела рукой законодателя. Тем самым из действующего состояния был выведен второй (наряду с выборами) главный конституционный инструмент народовластия и увеличен запас прочности режима.

Правоприменение: административный ресурс

В критически мыслящей части общества распространено убеждение, что главный источник нарушений избирательных, а также иных прав граждан – негодное законодательство. Возникает иллюзия: исправить закон или того лучше – изменить Конституцию – и ситуация переменится. Конечно, избирательный закон (как и многие другие) лежит в основе многих нарушений прав граждан. Но дело далеко не только в нем. Реальная практика, в какой-то мере следуя этому закону, в какой-то мере отвлекаясь и нарушая его, ведет к систематическим искажениям самой сути выборов. Это происходит на всех этапах – и до выборов, и в ходе самих голосований. Широко распространены такие приемы, как селекция кандидатов по степени их лояльности действующей власти, голосование под давлением начальства, удаление общественных наблюдателей с избирательных участков и создание всяческих помех для выполнения ими своих обязанностей, вброс фальшивых бюллетеней, безнаказанная, а потому наглая подделка документов об итогах голосования. Основная несущая конструкция для проведения нечестных выборов – избирательные комиссии. Включенные в систему исполнительной вертикали, они обеспечивают непрозрачный характер учета результатов голосования. Где могут – ограничивают общественный контроль, нарушают права наблюдателей, если они претендуют на недекоративную роль (в этой системе независимые наблюдатели – чуждый и враждебный элемент), подправляют протоколы об

¹¹ Новая газета. 2008. 7 сентября.

итогах голосования после ухода наблюдателей, идут на прямые фальсификации, вбрасывая фальшивые бюллетени и подделывая подписи не явившихся избирателей.

В результате независимым партиям и кандидатам приходится конкурировать не с провластными выдвиженцами, а с государственной машиной, использующей не только избирательные комиссии, но и монополизированные государственные и парагосударственные СМИ, суды, органы охраны порядка – от прокуратуры до полиции и т. д.

Имитация выборов и блокирование референдумов уже на дальних к ним подступах стали выводить активных людей на улицу. Право на мирные манифестации, собрания, митинги, шествия и пикетирование зафиксировано в Конституции (статья 31). Эта норма, как и другие, – прямого действия. Но порядок организации таких мероприятий в больших городах, в особенности в столицах, еще ранее был преобразован: из заявительного он на деле стал разрешительным. И по мере того как «управляемая демократия» утверждала свои права, учащались необоснованные запреты, намеренно сталкивались заявки от различных организаций на проведение митингов и демонстраций, массированно использовались силы полиции и ОМОНа против демонстрантов и даже посторонних граждан, оказавшихся на месте событий. Привычными становились задержания и аресты (в том числе превентивные), применение провокаций и насилия. Суды, встроенные в репрессивную вертикаль, не затрудняя себя проверкой доказательной базы, механически выносили обвинительные приговоры «организаторам беспорядков», выхваченным из рядов демонстрантов по наводке спецслужб. Все это трактовалось как меры борьбы с экстремистами, якобы угрожающими России «цветной революцией».

Что же дальше?

По мере утверждения монополии властной вертикали каждые следующие выборы становились все более независимыми от каких-либо общественных сил и в конечном счете – от самостоятельно определяющих свой выбор избирателей. В итоге они давали власти результат, санкционирующий существование политической системы, которая таким образом воспроизводила самое себя. Побочным эффектом этого становился постепенный подрыв доверия к выборам. В то, что выборы могут что-то изменить, – если не привести оппозицию к власти, то хотя бы дать ей возможность влиять на власть через парламентскую деятельность, – переставали верить и их устроители, и люди, привычным образом исполняющие свой «гражданский долг», и абсентеисты, уходящие из публичной политики. Все более отчетливо вырисовывалось отличие выборов в демократических странах от «выборов без выбора» в России. Там – определенность правил и их соблюдение при неясности результатов голосования до последнего момента. Здесь – заведомая очевидность результатов при постоянных изменениях правил и постоянных нарушениях их в процессе голосования.

Парламентские выборы в декабре 2011 года по масштабам и беззастенчивости фальсификаций и подтасовок, возможно, и не превзошли то, к чему общество стало привыкать. Новым, однако, оказалось общее изменение политической атмосферы в стране. На избирательные участки пришли 25–30 тысяч заинтересованных граждан, подготовленных в рамках общественной инициативы «Гражданин наблюдатель». Опираясь на собранные ими протоколы об итогах голосования, эксперты опубликовали заключение, что «Единой России» было приписано порядка 15% голосов¹². И сопоставление даже официальных данных об итогах этих выбо-

¹² Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4. С. 142; Новая газета. 2012. 23 января; 2013. 13 февраля.

ров с предыдущими показало сокращение поддержки ЕР.

Власть, по-видимому, могла бы выиграть выборы, хотя и с более скромным результатом, не прибегая к столь грубым фальсификациям в Москве и других крупных центрах, – за счет рекордных показателей в «надежных регионах»: национальных республиках, индустриальных моногородах, сельских районах. Но сработала установка на получение запланированных результатов: опасались обнаружить истинные масштабы наметившегося сдвига в настроениях граждан. К тому же местные власти направляла давно усвоенная мотивация – отличиться перед вышестоящим начальством. (То же повторится на президентских выборах в марте 2012 года, где победителем в первом туре Путин станет «лишь по версии Чурова и условно-обобщенного Кадырова»¹³.)

Ответом стали митинги и демонстрации такого размаха, которых Россия не видела 20 лет: десятки и сотни тысяч людей на улицах главных городов страны; требования провести перевыборы нелегитимной Думы и сместить руководство Центризбиркома, одобренное на всех митингах; миллионы сочувствующих, увидевших это в Интернете, а позднее и по телевидению. В какой-то момент показалось, что в России разворачивается «цветная революция». Однако жизнь показала, что добиться выполнения своих требований оппозиция не в состоянии. Она вышла из политического гетто, в которое ее настойчиво загоняли власти. Но у нее не оказалось ни достаточной и устойчивой социальной базы, ни крепкой организации, ни программы, способной объединить разнородные течения и привлечь к протестным акциям более широкие массы людей, как это происходило в 1989–1991 годах. Оппозиция не смогла навязать правящему режиму, ресурсы и социальную поддержку которого она недооценила, переход к цивилизованным правилам электорального поведения. «Опроки-

дывающие выборы» в России осуществить не удалось. Власть вернула себе инициативу, сохранила свое право на бесчестные выборы и получила свободу действий для ужесточения режима.

Из этого некоторые оппозиционные идеологи и публицисты сделали вывод, что попытки изменить политическую систему по частям (добиваясь, например, от властей проведения честных выборов), реформируя и «очеловечивая» отдельные ее блоки, невозможно: надо ликвидировать монополию существующего режима на власть. Но поскольку большинство из них разумно дистанцируется от насильственного переворота, *вопрос: как, при каких условиях смена власти может произойти – остается открытым*. Завораживают примеры мирной революции, которая совершилась в 70-х годах в Испании и в конце 80-х – в Польше. Но в Испании путь к пакту Монклоа проложил король – едва и не единственный носитель легитимной власти в условиях глубокого раскола в правящей элите. А в Польше «круглый стол» появился и действительно вынудил эпигонов «народной демократии» к отступлению, когда за одной из его сторон встали десять миллионов членов «Солидарности» – практически все активное население страны, а ее контрагенты утратили свой главный ресурс – угрозу внешней интервенции.

В российских условиях ничего подобного не существует. Сдвинуть ситуацию с мертвой точки мог бы раскол в правящей элите. Ожидание его мне не кажется беспредметным: все-таки это не марзаматические геронтократы брежневско-андроповского периода. Понимание того, что избранный путь – тупиковый и упрямое продвижение по нему грозит бедой для всех, не может не пробиваться. Но понимание это заглушается убеждением, возможно, небезосновательным, что радикальные перемены невозможно реализовать здесь и сейчас без существенных потерь для тех, кто решился бы поступиться

¹³ Новая газета. 2012. 7 марта.

властью. Поэтому рациональная стратегия либеральных и демократических сил при существующих условиях видится *в постепенном наращивании того потенциала, который они могут противопоставить механизмам власти сейчас и смогут – после гипотетического часа «х», когда произойдет перелом в политической ситуации.* Применительно к избирательной системе задача, по-видимому, заключается в изыскании и использовании всех возможностей, какие существуют сегодня.

Митинги и шествия, на которых гремела обличительная риторика по поводу нечестных выборов, по-видимому, сыграли свою роль: они были своего рода смотром сил, открыто заявивших антивластную позицию. Но «дорожная карта» политической и избирательной реформы на них обозначена не была. Просто повторять уже известное едва ли продуктивно. Важнее согласовать и предложить обществу *конкретный план политической реформы и избирательного законодательства.* Мы слишком далеко ушли от демократических способов формирования органов власти. Даже возвращение к тому, что российское общество пережило в годы перестройки, вряд ли может произойти одновременно. Выдвигая же программу более глубоких и необратимых преобразований, необходимо разделить ближайшие и более отдаленные цели, пройти по узкой тропе между максимализмом неосуществимого в обозримой перспективе и чисто косметическим марафетом, порождающим иллюзию прогресса.

Перспективный план реорганизации избирательной системы экспертное сообщество уже выработало и предложило. Речь идет о проекте *Избирательного кодекса*, подготовленного в ассоциации «Голос» группой экспертов во главе с Аркадием Любаревым. Это системный законодательный акт, в котором спроектирована демократическая конкурентная система, обеспечивающая права

избирателей, содержащая эффективные механизмы, способные защитить их выбор от вмешательства властей и предлагающая различные варианты для применения на всех уровнях федеративного государства¹⁴. Документ этот прошел квалифицированное обсуждение на ряде представительных конференций и слушаний, получил принципиальную поддержку юристов и организаторов избирательных кампаний. Вероятно, когда дело дойдет до утверждения всеобъемлющего регулирования избирательных процессов, кодекс потребует нового цикла обсуждений и подвергнется доработке. Но на данном этапе непосредственная задача – удаление наиболее очевидных дефектов контрреформы. Следовательно, отталкиваясь от *кодекса*, надо договориться о самых насущных изменениях и дополнениях первой, второй и т. д. очереди к существующим избирательным законам. Они могут быть востребованы в срочном порядке, когда избирательная реформа встанет в повестку дня. Но готовить и делать такие проекты общественным достоянием необходимо заранее. Главный адресат этих документов – наше общество. Но они должны также способствовать просвещению вменяемых сил во власти и в околоставных группах.

Экспертная, законотворческая работа – одно из направлений позитивной деятельности. Другое – *непосредственное участие в избирательных кампаниях.* Существующие ныне условия не обещают демократическим силам выдающихся успехов на ближайших выборах. Но об общей стратегической линии важно договариваться. Опыт показал, что и бойкот выборов, и призывы к гражданам голосовать за кого угодно, кроме привластной партии и ее выдвиженцев, бесперспективны. Партии демократического спектра должны будут определить, как они будут поступать в конкретных обстоятельствах

¹⁴ Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России. Доклад руководителя рабочей группы А.Е. Любарева. Текст законопроекта в редакции от 8 января 2011. М., 2011.

(выдвижение кандидатов, блокирование на базе списков одной партии, организация контроля и т. д.). Но немалое пространство остается для деятельности общественных организаций и движений, их сторонников. К сожалению, немалая их часть заражена антипартийным и антиэлекторальным синдромом. Рассчитывать на его преодоление в близком будущем не приходится. Но в проведении честных выборов заинтересованы не только их дискриминируемые участники. В нем – объективный интерес всего общества. В стране свыше 90 тыс. участковых, тысячи территориальных избирательных комиссий. Важно направить туда наблюдателей – людей заинтересованных, подготовленных, умеющих разглядеть то, что от них пытаются скрыть, развязать публичные скандалы в ответ на открытые нарушения и безобразия. Это очень трудная, но при упорстве наблюдателей решаемая задача. Понижение уровня фальсификаций – уже достижение.

Мы получили недавно варварскую редакцию известного закона об НКО. Его направленность против правозащитных организаций – таких как «Голос», выполняющий колоссальную работу по подготовке наблюдателей на выборах и обобщению полученных ими

данных, а также «Мемориал», Хельсинкская группа и др. – очевидна. Они отказались от регистрации в качестве иностранных агентов. Это, конечно, единственно достойная позиция. Но чтобы избежать судебного преследования, им, видимо, придется отказаться от иностранного финансирования, которое сегодня, кажется, составляет весомую часть их ресурсов. Мне представляется чрезвычайно важным обеспечить общественное финансирование контроля за выборами. Несмотря на дурные примеры позорного раболепия таких организаций, как Российский союз промышленников и предпринимателей и Торгово-промышленная палата, несмотря на имеющийся страх предпринимателя, что его задавят, если он будет участвовать в финансировании неугодных режиму организаций.

Изменит ли все это ситуацию сразу и целиком? Нет, конечно. Но перед сторонниками демократического пути России, скорее всего, не спринтерская, а стайерская дистанция (хотя Россия – страна непредсказуемая), и на этом пути даже частные достижения закладывают некоторые предпосылки для изменения ситуации.

Революционным или эволюционным путем – покажет время.

Как расчистить авгиевы конюшни нашей бюрократии: два взгляда

Часть 1. А.В. Оболонский Комплектовать госаппарат из честных и умных чиновников

С плохими чиновниками
никакие законы не помогут.
Отто фон Бисмарк

1. Диагноз. Запущенная болезнь

Необходимость серьезных перемен в нашей системе государственного управления очевидна. Без этого любые амбициозные и привлекательно звучащие планы и проекты, даже если предположить искренность намерения их осуществить, обречены. Представляется, что масштаб и радикальность этих перемен таковы, что они в чем-то выходят за рамки понятия «реформа», во всяком случае в его привычном понимании. Не случайно и у нас недавно прозвучали слова «управленческая революция». А в странах Запада, гораздо дальше нас прошедших по пути перемен, об «административной» или «постбюрократической» революции говорят уже довольно давно. На наш взгляд, в этом есть элементы риторического преувеличения, но общую направленность и суть дела (тренд, если использовать модное ныне слово) они выражают верно.

Сложившаяся в России государственная система крайне архаична, неэффективна и морально растлевет даже изначально честных людей, причем как внутри, так и вне государственных структур. Данный текст посвящается одному из аспектов давно назревших перемен – кадрам государственного аппарата.

Алексей Георгиевич Барабашев,
доктор философских наук, научный
руководитель факультета
государственного и муниципального
управления Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики», former
Kennan Institute Research Scholar,
Kennan Institute / Higher School of
Economics Short-Term Grants Scholar

Александр Валентинович Оболонский,
доктор юридических наук,
профессор кафедры государственной и
муниципальной службы Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow

Формально вопросы реформирования государственной службы стоят в политической повестке с начала 1990-х годов. За прошедшее время были изданы три закона, масса президентских указов, эти вопросы были в центре послания президента Федеральному собранию в 1998 году. Затем были приняты две президентских программы реформирования, на которые потрачены десятки миллиардов рублей. При этом срок завершения второй из этих программ истекает в 2013 году, но никто из политически ответственных лиц ее даже не упоминает. А масштабы использования «административного ресурса» (слово-сочетание, которым у нас обозначают преступное злоупотребление служебными полномочиями, торговлю ими в своекорыстных целях) достигли размеров национального бедствия.

За последние десятилетия, особенно за второе из них, государственный аппарат немисливо разросся. Если отбросить лукавства, связанные с классификациями разных категорий «государевых слуг», его общая численность, согласно официальной статистике, перевалила за полтора миллиона человек. Работает он при этом все хуже и хуже, а денег требует все больше, все глубже залезая как в общественный, так и в личные карманы граждан. О первом свидетельствуют сухие цифры государственных бюджетов, о втором – данные о гигантском размахе коррупции, масштабы которой за последние 12 лет увеличились на порядок. Таким образом, наша система, в которой бюрократический по сути характер принятия решений, обеспечиваемый в том числе и явно избыточными надзорными и полицейскими мерами под прикрытием квазидемократического фасада, пребывает в состоянии столь глубокого неблагополучия, что это не просто блокирует нормальное развитие, но и является реальной угрозой для общества.

2. Причины. Самолечение не помогает

Ни наши государственные институты, ни преобладающая часть работа-

ющих в них людей явно неспособны к адекватной реакции на проявления этого кризиса. Большинство предпринятых за последнее время от имени государства действий носят лишь охранительный характер и настолько конъюнктурны и недальновидны, что даже именовать их «консервативными» было бы незаслуженным комплиментом. Конечно, в аппарате на разных уровнях работает немало вполне достойных и компетентных людей. Но на общую аппаратную «погоду» в рамках заданных «климатических» условий они если и могут влиять, то лишь в незначительной степени, в отдельных ограниченных областях.

Уже не первый год в либеральном научном сообществе идут дискуссии: что важнее – «правильные» институты или же «правильные» люди на ключевых должностях и позициях. Думается, что противопоставление не вполне корректно. Разумеется, реформа институтов, особенно таких, как законодательная власть и судебная система, критически важна. Однако институты решают не все. Они – артефакты. А действуют люди. И даже неплохие институты, если их используют люди с деформированной шкалой моральных ценностей, либо бездействуют, либо действуют избирательно, по «понятиям», обслуживая далекие от общественных нужд групповые и личные интересы, и тем самым становятся контрпродуктивными.

Есть большая доля истины в утверждении, что при хороших законах, при полноценных общественных институтах и действенности механизмов, которые обеспечивают их реальное функционирование, честным быть выгодно. Да, в некоей перспективе, тем более статистически, наверное, выгодно. Но это отнюдь не значит, что в конкретных случаях это всегда легко и просто. Даже при идеальных общественных институтах оппортунистическое, а порой и просто шкурное поведение может оказаться привлекательней и безопасней, а следовательно, в краткосрочной перс-

пективе и выгодней. Впрочем, это тема для отдельного разговора, хотя с нашим нынешним предметом и тесно связанная.

Думается, глубинная причина печального итога всех попыток реформ кроется в том, что лечение было доверено самим больным. Известно, к чему обычно приводит *самолечение*. Суть дела довольно точно отражает и старофранцузская поговорка: «Нельзя поручать лягушкам осушать болото, в котором они живут». У нас же именно так и случилось.

Между тем в обществе существует достаточно четко выраженный запрос на *другой* государственный аппарат – и по составу, и по правилам его последующего формирования. Иначе нет гарантий, что новые (или прежние, но прошедшие через реальное отборочное «сито») чиновники не воспроизведут все ту же уродливую систему. Другими словами, необходимы и персональные, и институциональные перемены, и разовая очистка, и *новые правила формирования аппарата*.

Госслужба, как и все государственные институты и государство в целом, существует для людей, а не наоборот. Эту базовую вещь часто либо забывают, либо считают риторикой, к «реальной жизни» отношения не имеющей. Между тем, с нашей точки зрения, любые реформы государственного аппарата, в которых заказчиком и обладателем решающего голоса будет сам аппарат, могут дать лишь косметический эффект. *А имитация реформ бывает даже хуже откровенного отказа от них, поскольку порождает опасные иллюзии*. Здесь уместно вспомнить слова крупнейшего отечественного либерального мыслителя Б.Н. Чичерина: «Бюрократия может дать сведущих людей и хорошие орудия власти; но в этой узкой среде, где неизбежно господствуют формализм и рутинность, редко развивается истинно го-

сударственный смысл... Новые силы и новые орудия, необходимые для обновления государственного строя, можно найти лишь в глубине общества»¹. Этот вывод полностью применим и к проблеме реформирования самой бюрократии.

3. «Другие» тоже болеют. Но лечатся

Традиционная модель доверия к власти подвергается последние десятилетия серьезной ревизии даже в демократических странах. *Престиж государства существенно понизился*. Происходит отторжение, «делегитимация» существующей системы отношений между государственной бюрократией и гражданским обществом, возникает стремление к пересмотру классического «общественного договора» между ними. Проявления этого – с одной стороны, социальные и интеллектуальные протесты, с другой – происходящие в ответ на них серьезные перемены в устройстве бюрократии и в ее отношениях с обществом. Процессы эти идут в разных странах, в разных формах, в амплитуде от умеренных и неохотных реформ в странах континентальной Европы, через весьма серьезные «антибюрократические» реформы в англосаксонских странах и вплоть до событий «арабской весны» и акций типа «захвати Уолл-стрит». Кстати говоря, события «горячей осени» 2011 года в США и в основном весьма толерантная реакция на массовые протесты со стороны властей и даже полиции – на мой взгляд, урок того, как ответственное демократическое правительство должно реагировать на гражданский протест².

4. Вектор перемен – гражданский контроль над бюрократией

Есть два аспекта перемен – *ценностный* и *персональный*, или, иначе говоря, кадровый. Проблема состоит в том, чтобы

¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. М., 1882. Т. 2. С. 338.

² Обзору и анализу этих событий автор предполагает посвятить специальную статью.

привнести в госаппарат внешние по отношению к нему ценности, иной, внеаппаратный взгляд на мир. *Сделать это можно, лишь если привлечь к его реформе само гражданское общество – конечно-го потребителя государственных услуг.* И здесь мы переходим к разговору о, возможно, ключевом аспекте реформ – кадровом. А в качестве положительно-го примера посмотрим сначала на опыт страны, которая, хотя и по другим причинам, также столкнулась с проблемой падения уровня общественного доверия к государственной бюрократии, но отреагировала на это достаточно быстро и эффективно. Речь идет об Англии.

5. Английский опыт: общество само принимает чиновников к себе на службу

Исторически высокие моральные стандарты английских государственных служащих всегда были одним из предметов национальной гордости. Но в 90-е годы прошлого века ситуация в определенной мере изменилась. Оставим за рамками причины, по которым это произошло. Нам в данном случае важно, как отреагировали в Англии на падение доверия к «государственным людям». А отреагировали решительно, как на серьезную общественную угрозу. Был срочно создан Комитет по стандартам публичной сферы, в состав которого вошли независимые люди с высокой моральной репутацией. В первом же докладе Комитет сформулировал свои цели: восстановление доверия общества к лицам, занимающим государственные должности; восстановление ясности и ориентиров в тех вопросах, где шкала моральных ценностей оказалась размытой. Были выработаны стандарты поведения чиновников, следование которым стало практической основой для механизмов найма, продвижения и контроля государственных служащих. Вот эти семь принципов публичной сферы:

- *бескорыстие.* Лица, занимающие государственные должности, должны действовать исключительно в общественных интересах. Они не должны

использовать свое положение для приобретения финансовой или другой материальной выгоды для самих себя, своих семей или своих друзей;

- *принципиальность.* Лица, занимающие государственные должности, не должны связывать себя какими-либо финансовыми или иными обязательствами по отношению к сторонним лицам или организациям, могущим пытаться оказать влияние на выполнение ими своих служебных обязанностей;

- *беспристрастность.* Лица, занимающие государственные должности, должны при решении служебных вопросов, включая назначения на должность, распределение государственных контрактов либо рекомендации о награждении тех или иных лиц или предоставлении им льгот, основывать свой выбор на заслугах и достоинствах кандидатов;

- *подотчетность.* Лица, занимающие государственные должности, подотчетны обществу за свои решения и действия и обязаны не препятствовать любой проверке, связанной с их служебной деятельностью;

- *открытость.* Лица, занимающие государственные должности, должны проявлять максимально возможную открытость во всех своих действиях и решениях. Они должны обосновывать свои решения, ограничивая информацию лишь в тех случаях, когда этого определенно требует обеспечение более широких общественных интересов;

- *честность.* Лица, занимающие государственные должности, обязаны заявлять о любых своих частных интересах, связанных с их официальными обязанностями, и предпринимать шаги по разрешению любых возникающих конфликтов интересов способами, которые обеспечивают защиту общественных интересов;

- *лидерство.* Лица, занимающие государственные должности, должны служить инициаторами распространения этих принципов и утверждать их личным примером.

При кажущейся на первый взгляд чрезмерной «красивости» и некоторой размытости этих принципов содержание каждого из них сформулировано достаточно конкретно, налагает на должностных лиц реальные ограничения, задает правила поведения и позволяет контролировать их по определенным параметрам.

В сущности, это набор обязательств, принимаемых на себя людьми, приходящими на общественную службу в административную сферу или в политику. Думается, и у нас нечто подобное могло бы сыграть конструктивную роль, разумеется, если создать эффективные механизмы контроля за соблюдением принципов. Таким образом, в основу реформы были положены не оргмеры, а ключевые ценности. А оргмеры им впоследствии последовали.

Механизм для их реализации был придуман весьма нестандартный. Комиссия по гражданской службе – учреждение, полтора века бывшее обычным ведомством «по кадрам», было радикально трансформировано. Теперь ее основу составляют около дюжины так называемых «комиссионеров», назначаемых на пятилетний срок на основе частичной занятости (совместительства) и главным образом *не из числа государственных служащих, а извне, из числа авторитетных людей, обладающих опытом работы на заметных публичных должностях в общественном и частном секторах*. И даже в этот период они не становятся государственными служащими. Идеология, лежащая в основе такого подхода, – *передача функции формирования корпуса чиновников под контроль и в руки не профессиональных аппаратчиков, а тех, кто имеет с ними дело с другой стороны – со стороны общества, являясь потребителем предоставляемых ими услуг*.

Комиссия – независимое агентство, в полномочия которого входит: окончательное рассмотрение и утверждение на основе принципов «мерит систем» кандидатур примерно на 600 должностей; издание Кодекса найма служащих, регулирующего соответствующие процедуры на всех уровнях службы; мониторинг и контроль за его соблюдением; рассмотрение жалоб на нарушение Кодекса. Главный смысл этого опыта – реальное, а в некоторых отношениях и решающее участие представителей гражданского общества в найме чиновников на государственную службу. На наш взгляд, это почти беспрецедентный прорыв к модели государства будущего, к «постбюрократическому» обществу³.

6. Нам это не просто подходит, а жизненно необходимо

Мы имели ряд возможностей обсудить целесообразность и перспективы использования этого опыта в отечественных «пенатах». Первая реакция чаще всего была скептической. Дескать, «у нас так не получится», и тут же всплывали стандартные рассуждения насчет «300-летнего английского газона» и т. п. На это можно заметить, что описанный опыт как раз показывает, что и на 300-летнем английском газоне люди не свободны от искушения при случае злоупотребить предоставленными им властными полномочиями, хотя масштабы и характер злоупотреблений, конечно, несопоставимы с тем, что мы видим в отечественной политико-административной действительности. *Принципиальное отличие в другом – в отношении к этому злу, в серьезности стремления искоренить его*. И в ходе обсуждений многие из участников (а среди них были и студенты, и научные работники, и сами чиновники) не просто отходили от первоначального скепсиса, но и приходили к мысли о необходимости внедрения в России чего-то подобного.

³ Подробнее о Комиссии см.: *Оболонский А.* Политическое недоверие как позитивный фактор // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 21. М., 2012. С. 14–16; *он же.* Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М., 2011. С. 92–94.

В самом деле, представляется, что именно эта часть зарубежного опыта чрезвычайно важна для проведения неизбежно предстоящих в недалеком будущем серьезных кадровых перемен в наших государственных структурах. Следует решительно избавиться от сопротивляющейся, и весьма эффективно, системы фактической государственной номенклатуры, от тех, кто использует служебное положение для распилки в свою пользу государственного бюджета, для вымогательства взяток и других видов преступного обогащения за счет общества, от тех, кто попал на высокие должности не благодаря своим знаниям и достоинствам, а благодаря личным связям и прежним, порой весьма специфическим, «заслугам» еще в советских структурах. В странах Восточной Европы после краха советского блока чиновники проходили через процедуру люстрации (что по латыни значит «очищение»). У нас ничего подобного не было проведено. И плоды этого мы продолжаем пожинать. Разумеется, процесс и результаты такой «чистки» не должны затрагивать порядочных и компетентных людей. Нельзя допускать «стрельбы по площадям» и сведения счетов. Но важен сам принцип, причем не только в практическом, но и в моральном отношении. Он послужит очищению общей моральной атмосферы в стране.

Таким образом, создание у нас чего-то подобного английской Комиссии по гражданской службе позволило бы решить несколько задач: *и одноразовую тактическую, т. е. очистить аппарат государства от недостойных людей, и долговременную стратегическую – создать фильтр, препятствующий проникновению туда подобных людей в будущем.*

Разумеется, мы далеки от идеи слепого копирования чужого опыта. Но использование лежащих в его основе логики и посылок представляется весьма перспективным и многообещающим. И тут, как говорится, возможны варианты, описанию которых посвящается вторая часть статьи.

Часть II. А.Г. Барабашев Использовать технологии общественно- государственного контракта при найме на государственную гражданскую службу

Объект как особая организованность определяется не только и даже не столько материалом природы и мира, сколько средствами и методами нашей деятельности.
Георгий Щедровицкий

1. О необходимости технологий реформы бюрократии и их разновидностях

Перемены в российской бюрократии не только «назрели», но даже «перезрели»: неоднократные попытки продвинуться вперед, не приводящие к значимым и признанным обществом результатам, подрывают саму идею реформ. И это при том, что общественное согласие относительно плохого качества отечественной бюрократии и необходимости профессионального фильтра имеется!

В чем причина такого парадоксального положения дел? Ответ на этот вопрос ясен. Причина не в дефиците идей, а в *отсутствии технологий реформы бюрократии, релевантных ее целям.* Избраны ущербные методы, процедуры и организационные схемы преобразования российской бюрократии: диагноз поставлен, но лечение проводится не теми лекарствами.

Начнем с того, что без технологий в управлении, как и без лекарств для лечения серьезной болезни, обойтись нельзя. Идеология преобразований государственного управления, критика имеющейся управленческой практики на основе новых идей о месте бюрократии в обществе и ее потребном профессиональном составе, не подкрепленная технологиями преобразований, а также «дорожной картой» реализации технологий, превращается в инструмент разрушения управления. Альтернатива

управлению на основе технологий – управление в «ручном режиме», чреватое волонтаризмом и непредсказуемыми последствиями.

Еще хуже, если инициатива по созданию и применению технологий реформы госаппарата передается самому аппарату. В результате полномочия бюрократии будут только возрастать, контрольно-надзорные функции и осуществляющие их ведомства – усиливаться и разрастаться, общественная инициатива – замораживаться или выхолащиваться, фильтроваться аппаратом. Такие лекарства будут только усугублять болезнь.

Обычно бывает так: со временем, если появляются успешные технологии реализации идей, идеи выживают и укрепляются. Нормализация управления на основе новых идей возможна только через применение нормальных управленческих технологий. Если же «идейный каркас» управления остался «технологически не прикрытым», то управление замещается «революционной сознательностью», пресловутым «ручным управлением» и место профессионалов занимают конъюнктуристы. Тем самым, предложенная в первой части нашей статьи идеология преобразований важна *в качестве указания* на основной вектор технологических трансформаций: движение в сторону разработки механизмов участия гражданского общества в подборе и оценке кадров государственной службы, управленческих технологий нового вида.

И еще одно замечание. Конструирование управленческих технологий, в том числе технологий подбора кадров для государственной службы, сложная и ответственная задача. Эта задача сложная, поскольку управленческие технологии не могут быть внутренне противоречивыми, обладать неясностями, допускать «лазейки» недобросовестного применения. «Язык технологий» должен быть инструктивным, он не терпит эмоций и замещения самих процедур «назывными» описаниями процедур. Это задача ответственная,

поскольку плохо продуманная управленческая технология очень дорого обходится обществу. К сожалению, место максимы «Суровость законов в России компенсируется необязательностью их исполнения» все более занимает новая максима: «Хорошие идеи в российском управлении не подкреплены качественными технологиями их реализации». В частности, при отсутствии качественных технологий «бюрократически корректируемая» практика подбора кадров для государственной службы всегда будет искажать замысел.

2. Действующие идеи и технологии подбора кадров для российской государственной службы: государственное дело, аппаратная реализация

Посмотрим, какая «идеология» («каркас», совокупность принятых идей) привлечения кадров на государственную гражданскую службу закреплена в действующем российском законодательстве и какие технологии эти идеи реализуют.

В качестве основного лейтмотива (идеологии) подбора кадров еще в 1990-е годы был принят принцип отбора кадров руководством. Прием на государственную службу отдан на откуп государству – как правило, отдельным государственным органам. Здесь просматривается явная аналогия с коррупционными вступительными экзаменами в вузы в то время, когда они проводились самими вузами. Общество оказалось в стороне, граждане представлены заявителями, которые имеют право «претендовать» на замещение должностей. Оценка качества приема на государственную службу также была оставлена за «представителями нанимателя», за государством, а в действительности – за самими государственными органами. Это принципиальная позиция, происходящая из фундаментальной формулировки, что государственная служба является институтом «по обеспечению выполнения государственными служащими функций государства, а также деятельности органов государственной

власти». Данная формулировка, в тех или иных вариациях, присутствует и в Концепции реформирования системы государственной службы РФ (2001), и в 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» (2004), и в Указе Президента РФ «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы РФ» (2005). Конечно, в «чистом виде» идея служения «государству как нанимателю» пройти не могла, поэтому были сделаны «реверансы» в сторону общества, не меняющие сути дела (включение независимых экспертов в количестве $\frac{1}{4}$ от состава конкурсных комиссий). Но от этих независимых экспертов в комиссиях в действительности ничего не зависит.

Технологии привлечения кадров на государственную службу, которые у нас сложились, характеризуются «аппаратным» исполнением указанных идей.

Во-первых, эти технологии выхолены введением исключений, позволяющих избежать конкурсного приема на службу и затрудняющих формирование профессионального аппарата. Главное такое исключение – допуск к государственной тайне как основание внеконкурсного приема. Следующее по значимости, «запрещающее профессию» по своей сути требование – это наличие стажа государственной службы или опыта работы «по специальности». Такое ограничение закрывает дверь на службу для молодых профессионалов, только что закончивших вузы и имеющих «внеаппаратный» менталитет.

Во-вторых, конкурсные технологии подходят к отбору кадров формально. Поскольку профессионально-квалификационные требования к должностям до сих пор не разработаны, то конкурсом проверяются только «поверхностные» требования к кандидатам. Проверка уровня профессиональных знаний ограничивается предъявлением диплома о любом (!) высшем профессиональном образовании, причем уровень этого образования – бакалавриат, магистратура или специалитет – не имеет значения. Исследование знания законодательства

сводится, как правило, к компьютерным тестам на знание формулировок Конституции и некоторых основных законов, а не на их применение в реальных ситуациях разработки и исполнения управленческих решений (что подразумевает создание баз тестовых кейсов). Социально-психологические параметры углубленно тестируются только для правоохранительных органов, причем акценты на проверку морально-этических принципов кандидатов на должности отсутствуют.

В-третьих, процедуры конкурсного отбора не являются гласными, поскольку нельзя назвать достаточной для гласности публикацию объявлений о предстоящих конкурсах и об их результатах. Сами процедуры, их порядок и содержимое, механизмы принятия решений – «черный ящик» для стороннего наблюдателя, они скрыты в стенах ведомств. Конкурсы могут быть уподоблены экзаменам без программ и экзаменационных билетов.

В-четвертых, нельзя не упомянуть о дороговизне конкурсов, особенно в случаях необходимости очного присутствия кандидатов из различных, зачастую далеко отстоящих друг от друга регионов России.

Таким образом, ущербность идеологии кадрового отбора усугубляется несовершенством технологий отбора и их ведомственно-аппаратным исполнением. Профессиональный аппарат, работающий на благо общества, так не создать.

3. Можно ли ограничиться «косметическим ремонтом» технологий конкурсов?

Нельзя сказать, что в рамках идеологии государственно-аппаратного отбора кадров конкурсные технологии не разрабатывались. В частности, была осуществлена аналитика зарубежных технологий конкурсного отбора, разработаны этапы и процедуры тестирования кандидатов в «привязке» к категориям и группам должностей, к требованиям должностных регламен-

тов и условиям прохождения службы (оценка профессионализма, компетентности, способности к психолого-профессиональной адаптации, ценностных мотиваций, ориентации на результат и установки действовать, отношения к риску, наличия организаторских способностей и т. д.), определены методики формирования и содержания работы конкурсных комиссий государственных органов. Наконец, была проведена экспериментальная апробация механизмов подбора кадрового состава гражданских служащих, подготовлены и реализованы экспериментальные программы обучения представителей кадровых служб некоторых государственных органов тому, как проводить конкурсы.

Но разработанные технологии оказались в основном либо не востребованными, либо искаженными при их реализации. Причины «отторжения» технологий таковы:

- кадровые службы государственных органов действуют в условиях нехватки работников и вне мейнстрима технологий, сосредоточенных в независимых профессиональных кадровых агентствах. Сделать из кадровых служб сильные методические центры государственные органы не в состоянии. Кадровые службы не могут дать ответа на вопрос, какими должны быть профессионально-квалификационные требования к должностям, не способны определять перечни и содержание требуемых профессиональных компетенций;

- государство отсечено от общего рынка трудовых ресурсов, а поэтому оно не способно осуществлять мониторинг сопоставительной привлекательности профессии, заведомо проигрывает другим работодателям;

- кадровыми службами отбор рассматривается как нахождение кандидатов, соответствующих должностям («подгонка людей под должности»), а не как приобретение и накопление человеческого капитала;

- заключительное решение относительно приема на работу принимается представителем нанимателя. Независимая

экспертиза имеет рекомендательный характер, конкурсные комиссии не стали центрами принятия решений относительно поступления на государственную гражданскую службу.

Если «наложить» на эти хронические недостатки имеющихся технологий конкурсного отбора огромный перечень должностей, по которым конкурс не проводится в связи с допуском к государственной тайне, а также неповоротливость всего конкурсного механизма, то становится ясным, что применение кадровых технологий создания профессионального аппарата зашло в тупик. Выйти из этого тупика можно только в том случае, если изменить ориентацию технологий на государственно-аппаратный отбор кадров, заменив государственно-аппаратную контрактацию на новую, общественно-государственную контрактацию при приеме на государственную службу. И делать это надо решительно и быстро.

4. Варианты общественно-государственного контракта

Как лучше реализовать идею общественно-государственной контрактации? Проанализируем альтернативные технологии такой контрактации.

Имеются три «базовых» варианта отбора на государственную гражданскую службу на основе общественно-государственной контрактации, отличающиеся по используемым технологиям и по степени участия общества в процедурах найма.

1. Усиление конкурсных комиссий государственных органов за счет независимых экспертов и привлечения представителей организаций гражданского общества, предоставление этим комиссиям права окончательного решения о найме на государственную гражданскую службу. Работодателем для государственных гражданских служащих остается государство, контракт с государственным гражданским служащим заключается от имени комиссии как представляющей государство. Однако разработка *процедур и критериев* отбо-

ра становится не монополией государства, а как минимум разработкой вместе с государством как нанимателем, на паритетных началах.

2. Формирование единого федерального органа по управлению гражданской службой, имеющего статус чего-то наподобие общественной палаты. Одной из функций этого органа может быть обеспечение найма на федеральную гражданскую службу. Работодателем для федеральных гражданских служащих становится федеральный орган по управлению гражданской службой, а для гражданских служащих на уровне субъектов РФ – соответствующие субъектовые органы по управлению гражданской службой.

3. Передача функции найма на гражданскую службу на аутсорсинг профессиональному сообществу специалистов по работе персоналом, которое представляет собой элемент гражданского общества. Профессиональные агентства по работе с персоналом, рекрутинговые агентства (шире – *кадровые агентства*) осуществляют все процедуры поиска и отбора кадров, работая «по заказам» государственных органов на конкурсной основе. Работодателем, вместо государства в лице «представителя нанимателя», становится общество, контракт с государственным гражданским служащим заключается от имени кадрового агентства. При кадровых агентствах должны быть, в качестве обязательного условия, созданы наблюдательные советы со стратегическими и контрольными полномочиями, в состав которых входят независимые эксперты и представители организаций гражданского общества.

Возможна и комбинация этих трех вариантов в зависимости от того, на какие должности производится наем и какой тип контракта (срочный или бессрочный) заключается. Отмечу, что английский опыт взаимодействия Комиссии по гражданской службе (как независимого агентства) с государственными органами на уровне постоянных секретарей и сотрудников его кадровой

службы сочетает в себе вариант 2 (для 600 руководящих должностей) и вариант 1 (для остальных должностей).

Оценим, как из вариантов подходит для России больше.

В современной России влияние аппарата на принятие управленческих решений столь велико, что самостоятельность конкурсных комиссий в составе государственных органов невозможна. Их деятельность окажется подчиненной практике отбора претендентов по критериям угодности руководству, с изъятием значительного количества вакантных должностей из состава конкурсных. Нет механизмов обеспечения независимости экспертов и принимаемых решений от позиции «большинства» членов комиссий, представляющих сами государственные органы. Эффект «вступительных экзаменов в вузы, проводимых самими вузами», здесь скажется еще сильнее, поскольку это относится к самой власти. Вариант 1 показал свою несостоятельность, попытка его реализации длится более 10 лет и к позитивному результату не привела.

Второй вариант тяжело реализовать по другим причинам: федеральный орган по управлению государственной службой создать не удастся по причинам его неопределенного статуса в структуре органов власти. Предоставление ему значительных кадровых полномочий чревато тяжелыми политическими последствиями, а «слабый» консультативно-методический перечень полномочий этого органа не даст возможности решать проблемы управления институтом государственной службы. Определить подчиненность данного органа также тяжело, если только не отойти от разделения органов исполнительной власти на правоустанавливающие, правоприменительные и контрольно-надзорные. То же самое относится к созданию Комиссии по гражданской службе, аналогично английскому варианту (создание «независимого агентства»): она может действовать только при условии наделения кадровыми полномочиями, в «связке» с государственными органа-

ми. То есть она может быть только государственным органом, хотя и особым по своему статусу. Этот ее статус не вписывается в сложившуюся структуру управления.

Остается третий, самый последовательный и решительный вариант – передача функций найма гражданских служащих независимым профессиональным кадровым агентствам. Думается, что только это решение и соответствующие ему технологии позволят быстро и без аппаратных помех обеспечить повышение уровня профессионализма аппарата, действительно поставить его на службу обществу, а не начальству.

5. Технология передачи конкурсов кадровым агентствам

Технология передачи функций по конкурсному отбору кадровым агентствам распадается на ряд блоков, относящихся к финансированию данного вида аутсорсинга, к выстраиванию отношений агентств и государственных органов, агентств и кандидатов на замещение вакантных должностей, агентств и образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, к принципам разработки и применения новых кадровых технологий. Эта технология перспективна потому, что она способна соединить фрагменты рынка кадров по направлениям профессиональной деятельности, включив в него государственную службу, а также сможет обеспечить профессиональную разработку и использование новых кадровых технологий.

Блок: разработка и применение новых кадровых технологий

В имеющейся практике они изучаются и применяются кадровыми службами государственных органов, будучи заимствованными из международного опыта, из бизнеса. Это «вторичное» использование оригинальных продуктов, осложненное незначительным потенциалом самих кадровых служб или подразделений по вопросам управления госу-

дарственной службой государственных органов (у них иные оперативные задачи; уровень их персонала проигрывает уровню персонала профессиональных кадровых агентств; персонал кадровых служб государственных органов недостаточно мотивирован). Предлагается, чтобы:

- агентства выставляли в открытом доступе технологии найма, которыми они пользуются, а также методическое обоснование этих технологий;
- агентства привязывали технологии к профессионально-квалификационным требованиям к должностям. Сами государственные органы, их кадровые службы эту задачу решить не в состоянии, они могут только предоставить агентствам карты должностей (какой гражданский служащий чем занимается);
- одним из элементов открытого конкурсного отбора кадровых агентств государственными органами стало качество имеющихся в открытом доступе процедур найма, используемых агентством.

Блок: отношения агентств и государственных органов

Сейчас таких отношений нет, государственные органы и кадровые агентства существуют «в параллельных, не общающихся мирах». Это понижает уровень отбора и, в конечном итоге, обесценивает профессию государственной службы как «выпадающую» из общих технологий рекрутинга. Отношения агентств и государственных органов следует выстраивать следующим образом:

- агентства должны быть сертифицированы (лицензированы);
- государственные органы должны выбирать агентства в конкурсной процедуре, с оговоренными весами качества предложений агентств (цена услуги по должности за одного человека, качество имеющихся в открытом доступе процедур найма, используемых агентством, перечень контрагентов агентства в соответствии с имеющимися договорами с образовательными учреждениями);

- государственные органы предоставляют агентствам карты по вакантным должностям и стандартную информацию, которую они должны получить по прошедшим конкурсам кандидатам. Без этого агентства не могут проводить конкурсы для претендентов. Конкурсы проводятся для вакантных должностей для заключения бессрочных контрактов (с испытательным сроком);

- исключение должностей из конкурсов на основании допуска к государственной тайне не допускается. Агентства предусматривают такие процедуры конкурсов, которые не требуют предварительного предоставления закрытой информации кандидатами;

- государственные органы обязаны предоставить агентствам предполагаемые контракты с указанием всей структуры оплаты и социальных государственных гарантий, условий труда;

- по итогам конкурсов по выбору агентств с ними должны заключаться договоры: либо для подбора кадров по отдельной вакантной должности (разовый выбор агентства для однократного найма), либо на срок, либо на категорию (группу) должностей. Эксклюзивные договоры государственных органов с агентствами, с запретом конкуренции, в принципе не допускаются;

- агентства дают государственному органу одного победителя по одной должности. Сразу в несколько органов одного победителя давать нельзя, это считается нарушением процедуры;

- ограничение срока давности собеседования и предоставления победителя конкурса государственному органу.

Блок: отношения агентств и претендентов на должности

Регулирование отношений агентств и претендентов на должности должно строиться на основании ясных процедур, исключающих предоставление эксклюзивных прав агентствам. Эти отношения могут регулироваться в условиях конкурсов и в договорах:

- агентства публикуют информацию о конкурсах в открытом доступе,

включая требования к претендентам на должности;

- в отношениях агентств с претендентами на должность эксклюзивность исключается, что должно отражаться в договорах о неисключительности предоставления прав агентствам на представительство кандидатур претендентов для государственных органов;

- в договоры с кандидатами «на испытание» включается условие для агентств не распространять конфиденциальную информацию о кандидатах, полученную в процессе испытания. Стандартная, требуемая работодателем информация, предоставляемая будущему работодателю, также должна содержаться в договоре с кандидатом на испытание;

- в договорах с кандидатами прописывается, для каких работодателей и по каким должностям (основные их характеристики) будут проводиться испытания. Возможен договор «для неопределенного круга работодателей»;

- агентство несет ответственность перед государственным органом за предлагаемые им кандидатуры (этическая и антикоррупционная ответственность) в течение испытательного срока их пребывания в должности.

Блок: отношения агентств и образовательных учреждений высшего профессионального и среднего профессионального образования

Такие отношения сейчас отсутствуют, от чего страдают как агентства, так и образовательные учреждения, которые самостоятельно не могут выстроить свою образовательную политику и подготовить профессиональные компетенции для образовательных программ. Необходимо ввести следующие механизмы:

- агентства заключают договоры с образовательными учреждениями на формирование баз данных выпускников в целях дальнейшего привлечения выпускников для открытых конкурсов. Эксклюзивные договоры запрещены;

- агентства включаются в состав наблюдательных советов образователь-

ных учреждений и участвуют в выработке их образовательной политики в отношениях с потенциальными работодателями, включая определение компетентностных характеристик образовательных программ;

- агентства участвуют в работе с выпускниками образовательных учреждений, обеспечивают новую систему трудоустройства.

Блок: финансирование передачи функций подбора кадров агентствам

Это важнейший элемент всей системы изменений, его необходимость и неизбежность очевидны. Расходы государственных органов на аутсорсинг по данному направлению будут незначительными и могут быть компенсированы экономией на функциях и составе персонала кадровых департаментов (департаментов на управление государственной службой). Здесь предусматривается, что:

- в бюджеты государственных органов закладываются средства на оплату аутсорсинга пропорционально потребностям в вакантных должностях по бессрочным контрактам на год;

- агентства, ориентируясь на собственные нормативы, должны заявлять цену за услугу по предоставлению победителей конкурсов на должность, вклю-

чая все свои расходы в эту цену. Таким образом, образуется конкуренция предлагаемых услуг;

- оплату за принятого по конкурсу кандидата агентства получают после оговоренного в договорах с агентствами срока испытания граждан, принятых на вакантные должности;

- если победивший кандидат отказался от контракта, то агентство платит неустойку государственному органу за срыв найма;

- оплата агентству от кандидатов исключена, в противном случае агентство теряет лицензию.

Чтобы данные предложения начали реализовываться, требуется проинформировать изменения в законодательстве о государственной службе, в том числе в 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» и в Указе Президента «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы РФ». Но главное, что необходимо, – это наличие политической воли к преобразованию системы контрактации гражданских служащих с целью обеспечить изменение отечественной бюрократии, превращение ее в профессиональную, честную и работающую для граждан корпорацию.

*Сергей Юрьевич Федюнин,
студент 4 курса факультета
прикладной политологии
Национального исследовательского
университета
«Высшая школа экономики»*

Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики

В конце XIX века Эмиль Дюркгейм представил научной публике новую пищу для размышлений. Его рассуждения касались проблем обеспечения «социальной солидарности» в быстро меняющихся современных обществах, подверженных аномии – состоянию разрушения прежней разделяемой всеми системы социальных норм и ценностей.

Сегодня мировая наука вновь переживает стремительный рост интереса к проблемам социальной интеграции носителей различных культур, индивидуальных и групповых идентичностей. Но если раньше прежде всего быстрая урбанизация способствовала дезинтеграции трансформирующихся обществ, то сегодня к этому фактору необходимо добавить влияние стремительных миграций на региональном уровне и в глобальном масштабе, сопровождаемых требованиями эмансипации. Кризис традиционных ценностей и укладов жизни сменился проблемами обеспечения мирного сосуществования и эффективного взаимодействия людей с разным этнокультурным багажом, исповедующих разные конфессии и живущих в соответствии со своими собственными нормативными представлениями. Если раньше дезинтеграции была противопоставлена политика культурной ассимиляции – поглощения культурных меньшинств (и не только в «публичной сфере»), то в современном мире ее использование стало невозможным. На волне деколонизации, деконструкции расистского дискурса и провозглашения прав народов на самоопределение и культурную автономию

(т. н. «четвертая волна» прав) появилась философия, или особый взгляд на многообразный мир, и политика мультикультурализма¹. Однако новый подход стал слишком радикальным ответом, своего рода «ассимиляцией наоборот» (Эмиль Паин) или «расизмом противников расизма» (Паскаль Брукнер), между тем как вопросы межкультурных трений и ослабления гражданских связей за последние десятилетия только обострились. Как следствие, сегодня этот подход подвергся научной и политической эрозии.

Структурные изменения последних десятилетий, связанные с модернизацией обществ и глобализацией, сделали мир другим. Были запущены неизбежные демографические преобразования и переустройство мировой этнокультурной среды. Сильнее всего они касаются (и будут увеличивать свое воздействие) стран глобального Севера²: Европы, США и Канады, Австралии, а в перспективе и России.

Именно в этих странах (пока за исключением России) в последние годы разгорелись академические споры, которые привели научное сообщество на порог выработки нового восприятия культурного разнообразия и социальной интеграции. Фундаментальные аксиомы построения национальных и гражданских связей, восприятие культурного разнообразия и различий подверглись переосмыслению в политической философии, социальной и культурной антропологии, политической науке.

Но мы часто склонны недооценивать силу новых идей, способных перевернуть сложившуюся картину мира. Предлагаемые наукой пути выхода из тупиковых ситуаций нередко остаются не услышанными или чрезмерно иска-

женными в области политики и административного управления.

Научные споры, конечно, просачиваются в политические дебаты, но вынуждены встраиваться в совсем иной контекст идеологических противостояний. На наш взгляд, это обстоятельство блокирует политическое переосмысление управления культурным разнообразием и не дает возможности сформировать новую символическую политику и социальные проекты по интеграции и иммиграции. О назревшем противостоянии научных новаций и политической реакции далее пойдет речь в данной статье. Даже современная Европа, мировой форпост прав человека и демократии, оказывается заложницей этого противостояния.

Наука. Интеркультурализм как новый подход к проблемам интеграции

Изменение приоритетов в науке в отношении интеграции и восприятия культурных различий неразрывно связано с критикой мультикультурализма как взгляда на мир. Поэтому прежде чем перейти к описанию нового подхода к культурному разнообразию и интеграции, необходимо остановиться на комплексном описании мультикультуралистских теоретических и практических ошибок. Эта критика носит систематический и закономерный характер. При этом речь не идет об отказе от признания ценности культурного и всякого иного плюрализма. Напротив, наряду с резким повышением значимости индивидуального и группового мнений в общественной жизни публичное признание (суб)культурных различий стало неотъемлемым демократическим требованием³.

¹ Это интеллектуальное и политическое явление, на наш взгляд, было и является гораздо более широким и распространенным, чем принято считать. См. узкий взгляд на мультикультурализм, напр., в: *Малахов В.* После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты // Вестник Института Кеннана в России. 2012. Вып. 21. С. 45–55.

² *Вишневецкий А.Г.* Демография и традиция // Демоскоп Weekly. 2011. № 473–474 [<http://demoscope.ru/weekly/2011/0473/index.php>].

³ *Taylor C.* The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Ed. by A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Ввиду разницы дискурсов «внутри» концепции мультикультурализма и особенно за ее пределами (со стороны политических сторонников или противников концепции) термин «мультикультурализм» подвергается множественным толкованиям⁴. Трудности с выделением характеристик мультикультурализма вне зависимости от национальных контекстов связаны также с существованием различных парадигм публичного восприятия нации: от нации культурного разнообразия до «культурно гомогенной» французской или японской наций. Все эти модели конкурируют в публичных дебатах и де-факто не совпадают с реальной этнокультурной структурой населения⁵.

Несмотря на это, исходя из практических особенностей мультикультуралистской политики, выраженных в символических и административных политических формах, а не абстрактных принципах, возможно предложить интегральное понимание мультикультурализма как подхода к управлению культурным разнообразием. В этом нам помогут общие тренды научной критики концепции. С этих позиций становится понятным, что реализация мультикультурализма повсеместно рассматривается его критиками в науке как «ситуация, когда этнические, религиозные и культурные меньшинства существуют или мыслятся прежде всего как обособленные сообщества, а государственная политика поощряет эту обособленность»⁶.

Так, мультикультурализм подвергается критике как неверная интерпретация культурных различий и вытекающие из этого односторонние практические меры. Именно они ведут к росту дезинтеграции, нарушению прав человека и

ослаблению гражданских связей. Через эту призму разумно рассматривать мультикультурализм одновременно как:

- *символическую конструкцию, идеологию* (эссенциалистское восприятие культур; публичное признание культурного разнообразия в терминах исключительно особенностей культур; использование конструктов «мы» и «они» в качестве «доказательства» бесконфликтного сосуществования; символическая компенсация «особого статуса» культур меньшинств) и

- *реальную политическую и административную практику*: государственное спонсирование выделенных культурных сообществ, отсутствие общественно поддерживаемой социальной и интеграционной политики (например, в системе образования), поддержание фактически коллективных прав (в виде этнических анклавов или правовой «позитивной дискриминации») и неинтегрированных сообществ, нерешение социальных проблем адаптации иммигрантов.

Это определение способно описать *не только европейский, но и американский, канадский, российский и иные виды мультикультурализма*. Оно справедливо в практическом и символическом смысле для различных стран, в отношении сообществ иммигрантов и «автохтонных» народов (или наций, национальных меньшинств⁷), а также их репрезентации в правовых актах и публичных дебатах. Но главное, что такой взгляд на мультикультурализм с позиций теоретической критики исходит из того, что его осуществление имеет негативные последствия не только «активной» политики, но и *нерешения важных соци-*

⁴ Kivisto P., Faist T. Citizenship: Discourse, Theory, and Transnational Prospects. Malden, Oxford and Carlton: Blackwell, 2007. P. 35.

⁵ Bouchard G. What Is Interculturalism? // McGill Law Journal. 2011. Vol. 56. No. 2. P. 441–443.

⁶ Emerson M. Summary and Conclusions // Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models. Ed. by M. Emerson. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011. P. 2.

⁷ Таковы, например, случаи Квебека и Новой Зеландии, если использовать разделение У. Кимлики на «многонациональные» и «полиэтнические» государства с особыми режимами защиты групповых прав: Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 10–11.

альных проблем межкультурной аккомодации, невнимания к интеграционной тематике и развитию гражданских связей (в результате следования соответствующему символическому дискурсу). Поэтому мультикультурализм – это не только ситуации, когда государство «институализирует различия» и идет «по пути спонсирования меньшинств, выделения меньшинств в качестве объектов поддержки»⁸. Мультикультуралистским подходом можно назвать и фактическое неиспользование интеграционных стратегий, сосредоточенных на обеспечении культурного взаимодействия и обмена.

Приведем несколько примеров. Поучителен опыт Германии, привлекавшей с 1960-х годов рабочую силу из Турции, рассматривая ее как временных рабочих-переселенцев (*Gastarbeitern*). Намеренный отказ от политики интеграции (и создания соответствующих условий) и символическая репрезентация турецкой этнической группы (что уже само по себе неверно, учитывая этнокультурный плюрализм выходцев из Турции) как неполноценных членов общества послужили основой практического германского мультикультурализма. Термин «мультикультура» (*Multikulti*), появившийся в 1970-е годы, стал олицетворять первоначально в риторике левых сил, идею о том, что приезжающим работникам не нужно интегрироваться в принимающее общество: не обязательно учить немецкий язык и в будущем претендовать на получение гражданства, не нужно уважать ценности принимающего общества (особенно права женщин), не стоит претендовать на статус учеников и учителей в обычных школах ФРГ и т. д.⁹ Практиковавшаяся с 1960-х годов политика, таким образом, получила идеологическое обоснование и защиту, в результате чего (даже в условиях создания интеграци-

онных программ в 1990–2000-е годы) проявились «отложенные» на последние годы проблемы, решение которых теперь трудноосуществимо. Сегодня отмечается нарастание радикализации и исламизации молодого мусульманского (по культурной самоидентификации) населения Германии, детей и внуков бывших гастарбайтеров¹⁰. Как будет показано ниже, именно из-за этого в общественном дискурсе с середины 2000-х годов негативные последствия описанного подхода стали (вполне закономерно) ассоциироваться с «провалом мультикультурализма».

Показательным примером неудачи мультикультуралистской символизации может служить вопрос о признании квебекской нации. Концепция мультикультурализма, предложенная премьер-министром Канады П.Э. Трюдо в 1971 году, была неоднозначно принята и даже отвергнута в Квебеке, особенно со стороны сторонников сепаратизма (прежде всего *Parti québécois*, Квебекской партии), во многом из-за непризнания в рамках данной концепции за квебекцами статуса отдельной нации в составе единого государства.

Интересной иллюстрацией практического применения мультикультурализма является политика, предложенная в свою бытность министром внутренних дел Франции Николя Саркози. До погромов в бедных пригородах Парижа осенью 2005 года он активно использовал мультикультуралистскую риторику, противопоставляя «более не католическую Францию» и «мультикультурную страну» (и «позабыв» о ценностях секулярной республики). Одновременно с этим он выступил инициатором создания Французского совета мусульманской религии (*Conseil français du culte musulman*)¹¹, фактически взявшись го-

⁸ Малахов В.С. Указ. соч. С. 47.

⁹ Multicultural Mistakes // The Telegraph. 2010. October 18; Colombo V. Deceits, Mistakes and Victims of Multiculturalism // Annaqed (The Critic). 2010 [http://www.annaqed.com/en/content/show.aspx?aid=16306].

¹⁰ Alexiev A. Stumbling Toward Eurabia // The Journal of International Security Affairs. 2008. No. 14 [http://www.securityaffairs.org/issues/2008/14/alexiev.php].

¹¹ Fassin E. Nicolas Sarkozy en marche vers le 'monoculturalisme' // Le Monde. 2001. 25 février; Sarkozy N. La République, les religions, l'espérance. Paris: Editions du Cerf, 2004.

сударственными мерами воздействовать на исламское духовенство вместо принятия мер по гражданизации исламских организаций¹². Между тем, как отмечают специалисты по исламу, беспорядки были вызваны социальными причинами – высокой безработицей, условиями жизни и «состоянием отчаяния» в городских трущобах¹³ и, впоследствии, жесткими действиями полиции, а не слабостью государственной опеки «мусульманского меньшинства». (Притом что о религиозности детей и внуков иммигрантов, граждан Франции во 2-м и 3-м поколениях, говорить не приходится.) Затем политические перипетии и погоня за голосами избирателей заставили будущего президента страны изменить риторику на защиту «христианского наследия во Франции» и инициировать дискурс неоколониализма и «неравноценности различных цивилизаций», рупором которого выступил новый министр внутренних дел Клод Геан¹⁴.

Вернемся к критике мультикультурализма в научных дискуссиях. Именно на ее основе в 1990–2000-е годы родилась тематика «интеркультурности» и сложились теоретические предпосылки для новой концепции – интеркультурализма. С одной стороны, она вытекает в своей критике в отношении мультикультурализма из переосмысления споров либерализма и коммунитаризма. Главный вывод здесь состоит в возможности совмещения индивидуализма, защиты прав и свобод человека с необходимостью создания условий для всестороннего развития гражданского участия и формирования добровольных форм коллективных идентичнос-

тей. При этом теоретический взгляд на культурное разнообразие был обогащен обращением к опыту социальной и культурной антропологии, точнее, новым взглядам на формирование культур и идентичностей в процессе их взаимодействия.

Поворот к интеркультурализму, построенному вокруг идеи и практики межкультурного взаимодействия, утверждает важность в современном мире как индивида, так и групповых отношений, которые связаны через идентичности. При этом индивидуальный выбор идентичностей признается первичным по отношению к идентичности, предписываемой любым сообществом¹⁵. Следует отметить ряд идейных новаций, которые позволяют по-другому взглянуть на природу культурных различий.

Во-первых, идентичности признаются многоуровневыми и многоаспектными (multilevel and multifaceted), а каждый человек – носителем множества различных идентификаций. Помимо принадлежности к тем или иным сообществам, традиционным или воображаемым, человек социально определяет себя (и «распознается» другими) и через язык, класс, политические взгляды, гражданские роли и т. д.¹⁶ Таким образом, выбор человека сам по себе очень значим в вопросах самоидентификации, а значит, и определения своей культурной принадлежности. Не существует привязанности к одному уникальному сообществу, поскольку культурные взаимодействия в современном мире стали не только привычными, но зачастую и незаметными. Сами индивиды могут быть определены как реально и потенциально «многокультурные» (individus

¹² О пользе создания условий для гражданизации религиозных организаций на американском опыте противостояния исламофобии см.: Паин Э., Сулова М. Способна ли демократия противостоять ксенофобии? Сравнение опыта США и России // Россия в глобальной политике. 2012. № 5 [http://www.globalaffairs.ru/number/Sposobna-li-demokratiya-protivostoyat-ksenofobii-15723].

¹³ *Kepele G.* Une polémique qui cache la question sociale // *Le Monde*. 2012. 2 février.

¹⁴ *Gervereau L.* Pas de civilisation “pure”, pas de civilisation supérieure // *Le Monde*. 2012. 7 février.

¹⁵ См., напр.: *Parekh B.* Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.

¹⁶ *Sen A.* Identity and Violence: The Illusion of Destiny (Issues of Our Time). New York: W.W. Norton and Company, 2006. P. 160.

“interculturels”) в лоне единого общества, социальных связей¹⁷.

Во-вторых, всякая идентичность рассматривается как процесс. Идентичности формируются в ходе социального взаимодействия и межкультурного диалога на всех уровнях¹⁸, протекающих в явной и латентной формах: начиная от практики соседства, межэтнических браков и заканчивая выработкой принципов практической толерантности. Обобщая, те же выводы справедливы и по отношению к культурам, которые продуктивно рассматривать как системы смыслов и нарративов. Культуры и субкультуры во многом приобретают свою значимость и потенциал развития в процессе своего взаимодействия с иными культурными формами. Более того, при взаимодействии (суб)культур оказывается, что они сами многослойны и гетерогенны «внутри» себя.

В-третьих, постулируется принцип неприятия идентичностей-предписаний, стереотипов, используемых в политических целях¹⁹. Индивиды часто становятся заложниками этих стереотипов (выстроенных на основе прежде всего аскриптивных, предписанных сообществами идентичностей), которые становятся орудиями власти в риторике и политике. К таким стереотипам, кстати, можно отнести рассмотрение в рамках мультикультурализма культурных различий, которое само способствует формированию этнокультурных групп и ретрадиционализации внутри них.

В-четвертых, нельзя отрицать, что «Я» индивида социально укоренено, но не в абстрактном сообществе коммунистических теорий или не в конкретном сообществе, к которому человек приписан по рождению или форс-мажор-

ным обстоятельствам. Человек живет в социуме и всегда вправе сменить свою принадлежность различным сообществам, но часто этому мешают обстоятельства символического, морального и материального свойства. Поэтому важно обратиться к вопросу социальных возможностей реализовать свое право на культурное обогащение, выбор идентичностей и образа жизни. На это указывают capabilities approach Амартии Сена²⁰ и теория «экспрессивной свободы»²¹. Отсутствие благоприятных социально-экономических условий для развития плюрализма через *культурную свободу* (выбор множественной культурной принадлежности) ранее не принималось во внимание, а рассматривалось как «доказательство» неразрывной связи индивида и того или иного сообщества.

Таким образом, *культурное разнообразие не нуждается в защите*, его рост неизбежен, тогда как создание условий для развития гражданских форм взаимодействия приобретает несоизмеримо большее значение, чем во времена Дюркгейма или даже в середине XX столетия.

Новую концепцию интеркультурализма, на наш взгляд, можно сформировать вокруг магистральных идейных соглашений авторов, представляющих различные области научного знания. Мы постарались выделить главные из них:

- первичная ценность и значимость *межкультурного взаимодействия и диалога*, рассматриваемых как источник культурного разнообразия, общих интересов и общей культуры (common culture). Нацеленность на взаимодействие помогает снять стереотипы и пони-

¹⁷ Asgarally I. L'interculturel ou la guerre, préface de J.M.G. Le Clézio. Port-Louis (Maurice): Presses du M.S.M., 2005.

¹⁸ См.: Brah A. Cartographies of Diaspora: Contesting Identities. London: Routledge, 1996; Parekh B. Op.cit.; Parekh B. A New Politics of Identity: Political Principles for An Interdependent World. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.

¹⁹ Sen A. Op. cit. P. 4, 32–36, 103; Gilroy P. After Empire: Melancholia or Convivial Culture? London: Routledge, 2004. P. 5–6; Brah A. Non-binorized Identities of Similarity and Difference // Identity, Ethnic Diversity and Community Cohesion. Ed. by M. Wetherell, M. Laflèche, R. Berkeley. London: Sage, 2007. P. 136–145.

²⁰ Sen A. Repenser l'inégalité, traduit de l'anglais par P. Chemla. Paris: Seuil, 2000. P. 55–59, 149–155, 186–192.

²¹ Galston W. Expressive Liberty, Moral Pluralism, Political Pluralism: Three Sources of Liberal Theory // William and Mary Law Review. 1999. Vol. 40. No. 3. P. 876–878.

зять уровень ксенофобии, что демонстрирует необоснованность политики исключения иммигрантов в морально-правовом, а также социолого-прагматическом смысле²². Защита культурных различий без обеспечения условий для взаимодействия вызывает закрепление стереотипов, ограничение воли индивида и ретрадиционализацию, помноженные на социальную неустроенность локальных сообществ;

- приоритет *инклюзивной политики и социокультурной интеграции* носителей различных (суб)культурных наследий над зачастую принудительной (со стороны государства или лидеров сообществ) защитой культурных различий;

- ведущая роль в аккомодации представителей различных (суб)культур в плюралистическом обществе принадлежит *добровольному гражданскому участию*. Именно оно, а не затратная государственная политика, способствует выработке прочных горизонтальных связей, выдвигающих на первое место гражданскую идентичность среди всего множества коллективных идентичностей;

- основанная на взаимозависимости *единая гражданская ответственность* подкрепляет развивающуюся практику прав человека и выступает условием предотвращения практик ксенофобии и культурных конфликтов (даже если их не удастся избежать в медийном пространстве);

- нелегитимность и невозможность насилия (в форме культурной ассимиляции или практического приписывания к группе в мультикультурализме) в современном мире обозначают необходимость *обеспечения свободы выбора идентичностей людьми*. Идентичности и культурная принадлежность признаются многоуровневыми и подверженными переосмыслению;

- общество рассматривается как *совокупность индивидов в многочисленности их социальных связей*, носителей пересекающихся коллективных идентичностей;

- культурная эмансипация (свобода выбора принадлежности, равноправное гражданское взаимодействие, отсутствие предвзятости по расовому, этническому, религиозному и культурному признакам при функционировании антидискриминационного законодательства), требует создания *общесоциального контекста равенства и эмансипации* в правах и возможностях их реализовать. Именно обеспечение базовой социальной справедливости (над групповыми контекстами²³) и открытый доступ к социальным сетям и инфраструктуре для индивидов с различным культурным бэкграундом напрямую способствуют социокультурной диффузии норм и ценностей²⁴, выработке практической толерантности и взаимному культурному обогащению. Это также позволяет избежать наложения социальной маргинализации на негативные стереотипы иммигрантов и представителей иных культур.

Разработанные в процессе крупных междисциплинарных дебатов в науке, обобщенные выше идеи являются, на наш взгляд, основой нового видения культурного разнообразия в национальной и глобальной перспективе. Это новое мировосприятие одновременно выступает идейной платформой для разработки гибких и широких проектов в рамках интеграционной и иммиграционной политики современных обществ. Однако о политическом усвоении этих идей и их конвертации в конкретные стратегии и административные программы говорить не приходится даже в странах Европы...

²² Bouchard G. Op. cit. P. 450.

²³ См.: Уолцер М. О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 110–128.

²⁴ Bouchard G., Taylor C. Op. cit. Ch. XI; Bouchard G. Op. cit. P. 451; Уолцер М. Указ. соч. С. 110–128; Parekh B. Rethinking Multiculturalism. P. 337–342.

Практика. Европейская политическая реакция

В политике европейских стран отказ от мультикультурализма, вызванный особыми причинами, отличными от его научной критики, не имеет следствием выработку действенных концепций социокультурной интеграции. Но почему это так, и каковы перспективы внедрения нового взгляда на культурное разнообразие в современной Европе и других регионах мира? Для того чтобы дать ответы на эти вопросы, нужно последовательно указать на ряд обстоятельств, стоящих на пути практической разработки новых научных проектов.

Во-первых, политическая критика мультикультурализма в отдельных странах Евросоюза происходила на фоне меняющихся общественных настроений и не имела практически ничего общего с академическими спорами, кроме самого объекта критики. В России даже в научном сообществе замеченной осталась только вершина айсберга происходивших изменений – заявления о «крахе мультикультурализма», сделанные в 2010–2011 годах лидерами Германии, Бельгии, Великобритании, Франции и, следом, других стран. Тогда как политическая констатация краха мультикультурализма, по сути, стала отражением через призму идеологических противостояний проблем социальной дезинтеграции. С начала-середины 2000-х годов во многих странах Европы мультикультурализм, понимаемый как политика адаптации иммигрантов из неевропейских стран (исключительного внимания из проблем внутриевропейских миграций удостоивались только инциденты с цыганскими кочевыми группами во Франции) и социальной интеграции граждан в 1-м и 2-м поколениях, был раскритикован на фоне публичных обсуждений террористических атак 9/11 (Нью-Йорк, Вашингтон, 2001) и 7/7 (Лондон, 2005), социальных волнений (вроде «войны в пригородах» Парижа

осенью 2005 года) и роста влияния крайне правой, исламофобной риторики. Смещению общественных настроений и росту ксенофобии способствовали широкие публичные обсуждения резонансных дел (например, насильственных практик в религиозных мусульманских семьях по отношению к «безнравственным» девушкам, вплоть до убийства) и связанных с ними вопросов о совместимости нелиберальных образцов поведения с ценностями западных обществ. Помимо этого, в отдельных странах проходили дебаты, имевшие широкий общественный резонанс. Так, во Франции работа Комиссии Стази (Commission Stasi) 2003 года о применении принципа светскости вызвала много споров, тогда как дебаты о «национальной идентичности» в 2008–2012 годах и вовсе обернулись рядом политических скандалов. В Великобритании рост социального недовольства и фобий отразился в попытках выработать новые компромиссные интеграционные стратегии²⁵. Все подобные публичные обсуждения были вызваны изменениями в настроениях граждан, критикой неэффективных интеграционных мер на национальном и общеевропейском уровне. Контекст глобального экономического кризиса (помимо известной уже с давних пор насущной проблемы безработицы среди социально неблагополучных групп и районов) вызвал опасения европейских граждан за состояние системы социальных гарантий, welfare state. Первой мишенью этих опасений стали иммигранты или «новые граждане», живущие на довольно щедрые социальные пособия.

Во-вторых, в отношении темы мультикультурализма и управления культурным разнообразием в целом наметился явный идеологический раскол. Именно он является главным *препятствием на пути новых политических предложений*. Суть этого раскола представляется нам следующей.

Прежде всего, тема критики мультикультурализма, неинтегрированности

²⁵ Our Shared Future, Report of the Commission on Integration and Cohesion. UK, 2007.

меньшинств была изначально свойственна правому политическому лагерю, претендующему на защиту консервативных ценностей, традиций и социального порядка. Самыми влиятельными игроками на этом поле были и остаются т. н. «крайне правые»: евроскептики, антиглобалисты и, главное, эксплуататоры мигранто- и исламофобии и сторонники жестких мер по ограничению неевропейской иммиграции и адаптации иммигрантов. Примеры такого рода игроков хорошо известны: «Национальный фронт» под руководством Марин Лё Пен, дочери своего отца, «Австрийская партия свободы» и «Альянс за будущее Австрии», голландская «Партия свободы» Герта Вилдерса...

Наблюдая за резким ростом популярности представителей данной части идеологического спектра, умеренные правые политические силы не смогли остаться в стороне. По банальной причине – из обоснованного страха потерять голоса избирателей. Умеренные правые стали активно наступать на позиции крайне правых²⁶, перенимая ксенофобную риторику последних и облачая ее в либеральные одежды защиты прав человека и поиска общих национальных ориентиров. Лидеры европейских стран, представлявшие консервативное идеологическое поле и возвестившие «смерть мультикультурализма» – Ангела Меркель, Дэвид Кэмерон и Николя Саркози – активно воспользовались этим приемом. Тем не менее дистанцирование от «расистского дискурса» крайне правых было подчеркнуто со стороны умеренных правых особым характером недовольства проблемами социальной дезинтеграции. Они постарались противопоставить шовинистической критике мультикультурализма либеральную по духу аль-

тернативу²⁷, критикуя нарушения прав женщин в мусульманских сообществах, тенденции радикализации, исламизации и пауперизации бедных районов, а также «бесконтрольную» иммиграцию. Например, во Франции Николя Саркози во время президентских кампаний 2007 и особенно 2012 годов, противопоставляя себя левым силам, сделал основную ставку на антииммигрантскую риторику, защиту ценностного «христианского наследия» и критику «практик коммунитаризма»²⁸.

А что происходит на левом политическом фланге? Повсеместно в Европе левые силы продолжают полностью игнорировать тему интеграции. Отказ от признания межкультурных трений, как и выражение недовольства в отношении социальных проблем иммигрантов, почти неизменно классифицируется в стане левых как проявление расизма. На этом обстоятельстве базируется их противопоставление себя «правой реакции». Политическая позиция большей части этих сил заключается в поддержании статус-кво и дальнейшем изживании дискриминационных практик и риторики насилия в отношении меньшинств, следовании неким общим правилам публичной жизни (светский характер государственных учреждений, правовой подход к нарушению прав человека). По сути, такая позиция не менее реакционна, чем позиции политиков на правом фланге, ведь она предпочитает вместо чрезмерного педалирования темы социокультурного раскола оставить все как есть, закрывая глаза на практические неудачи мультикультурализма (в его широком, данном выше определении). За левой позицией, как и в случае с правой реакцией, легко угадывается стремление укрепить свой базовый электропат, собрав под своими знаменами всех

²⁶ Emerson M. Summary and Conclusions // Op. cit. P. 9, 15.

²⁷ Паун Э. Трудный путь от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 78–80; Veldhuis T.M., Maas T. van der. Immigration and Integration in the Netherlands: From Multiculturalism to Assimilation? // Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models. Ed. by M. Emerson. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011. P. 43–46, 53–54.

²⁸ Fassin E. Nicolas Sarkozy en marche vers le «monoculturalisme» // Le Monde. 2011. 25 février.

несогласных с радикальной риторикой политических оппонентов. Неудивительно, что левая пресса высмеяла заявления о крахе мультикультурализма, но не предложила ничего взамен.

Воспроизводство указанных идеологических противостояний в национальных дебатах дает о себе знать на уровне объединенной Европы. В июне 2011 года Европа и мир были потрясены самим фактом, обстоятельствами и масштабами произошедшего в Норвегии теракта, осуществленного Андерсом Брейвиком. Три месяца спустя во время заседания Европарламента случилась перепалка между двумя известными персонажами – Жан-Мари Лё Пенем и Даниэлем Кон-Бендитом. Рядовой спор, возникший по поводу мер антитеррористической безопасности в Норвегии, быстро перерос в идеологический ступор, прекрасно отображающий общеевропейские и национальные политические проблемы. Предмет его касался проблем межкультурного сосуществования и интеграции: первый оратор упорно демонстрировал непонимание неизбежности иммиграции в европейские страны и социальные корни проблем интеграции, второй настаивал на том, что эти проблемы исходят исключительно из расистских высказываний подобных его оппоненту политиков.

Встретились две реакции – правая и левая. Одна требует введения ассимиляционистских мер и резкого ограничения иммиграции (решение сродни действиям гоголевской унтер-офицерской вдовы), другая настаивает на верности пути и необходимости проявлять терпимость. К сожалению, нет таких политических сил, которые способны были бы указать на то, что эта полемика, заразившая политиков почти всех европейских стран, не нацелена на выработку содержательных идей. Единственная ее цель – популизм, базирующийся на отвлеченных от содержательных реше-

ний и научных изысканий постулатах и ценностях.

Наконец, *в-третьих*, констатацией идейного вакуума в европейской политике является то обстоятельство, что на практике отказ от мультикультурализма увязывается с возвратом к некоторому «наступлению ассимиляции», попыткой создать своего рода гибрид мультикультурализма и ассимиляционизма²⁹. Не предусматривается никакого полномасштабного переустройства системы социальной интеграции, начиная от реформы образования и создания зон межкультурного взаимодействия до способствования формированию гражданских связей культурных организаций, развития практик «разумной аккомодации» (reasonable accommodation), курсов адаптации и политики по предотвращению пространственной концентрации иммигрантов или представителей одной этнокультурной группы. Не вызывает сомнения тот факт, что административно-политическая реакция, не предполагающая всего комплекса подобных преобразований, есть следствие отсутствия движения на пути изменения взгляда на культурное разнообразие, неготовности использовать его на практике как источник взаимного обогащения и прочных гражданских связей³⁰.

Перспективы. Новые идеи на свалку?

Приходится констатировать, что разрыв между научными новациями и новыми политическими подходами к интеграции является серьезным препятствием на пути обеспечения социального мира даже в европейских странах. Идеологические расколы в отношении интеграционных мер и культурного разнообразия, повсеместно воспроизводимые в Европе, указывают еще и на зияющую пустоту в поддержании гражданского

²⁹ Эти тенденции носят массовый характер в современных странах Европы. См.: Interculturalism: Europe and Its Muslims in Search of Sound Societal Models. Ed. by M. Emerson. Brussels: Centre for European Policy Studies, 2011.

³⁰ Zarka Y.C. Immigration: dans quel monde voulons-nous vivre? // Le Monde. 2011. 1 juin.

взаимодействия, образовавшуюся после отказа от ассимиляции в 1960–1970-е годы на волне роста иммиграции из неевропейских стран. Мультикультурализм де-факто берет начало именно в те годы, и он продолжает жить по сей день, подтачивая практическую толерантность коренных европейцев и укрепляя ксенофобный дискурс политиков.

Смена представлений о культурном разнообразии в науке сосуществует со старыми подходами в политике и отсутствием единой логики выстраивания интеграционных стратегий. Об этом говорит откат в риторике и робкие практические шаги «навстречу ассимиляции», происходящие в последние годы в ряде европейских стран. И это притом, что формальные рамки для политической разработки новых интеграционных и гражданских мер содержатся в «Белой книге по межкультурному диалогу»³¹, документе, принятом в 2008 году Советом Европы. Однако его декларативность (уже в силу малого политического веса Совета Европы в институциональной иерархии Евросоюза) и адресованность явно не

широкой аудитории сегодня слишком очевидны.

Даже исключительный пример Квебека, в котором политическая инициатива способствовала привлечению научного потенциала для выработки новых правил интеграции в виде Комиссии Бушара–Тэйлора³², оказывается уязвимым перед политическими требованиями сторонников ассимиляции и радикальных сепаратистов. Потребности знания и политики разнятся не в меньшей степени, чем интересы вовлеченных в них лиц и характеристики обращенных к ним аудиторий.

Но так ли велик запас прочности существующего социального порядка во Франции, Германии или Нидерландах, чтобы ограничиться косметическими мерами? Усиление межкультурных фобий и их эксплуатации, постоянный рост популярности крайне правых настроений свидетельствуют уж точно не в пользу продолжения консервативного политического курса. Пришло время для того, чтобы серьезно задуматься о том, насколько дееспособны и эффективны старые рецепты в меняющемся мире.

³¹ White Paper on Intercultural Dialogue: Living Together As Equals in Dignity. Paper of the Council of Europe. Strasbourg, 2008.

³² Bouchard G., Taylor C. Building the Future: A Time for Reconciliation, Report of the Consultation Commission on Accommodation Practices Related to Cultural Differences. Quebec: Government of Quebec, 2008.

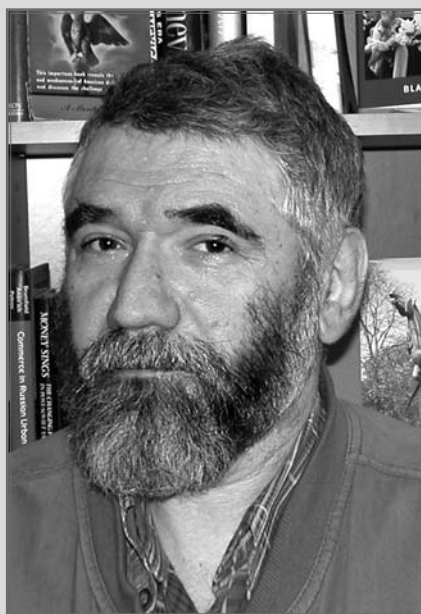
Перспективы культурной интеграции России: религиозные общности вместо гражданской нации?

Тема предлагаемой статьи принадлежит к числу тех, чья актуальность имеет двоякий характер. С одной стороны, изучение процессов культурной интеграции общества, выявление действующих здесь факторов и механизмов – это одна из важнейших тем академического дискурса, постоянно в нем присутствующая на протяжении долгого времени. Сегодня ее обсуждение получает новое звучание в силу переживаемого нами (имеется в виду не только Россия) системного кризиса, порожденного совокупностью процессов, в общем плане именуемых «глобализацией». С другой – актуальность этой проблемы обусловлена причинами социально-политического свойства, поскольку содействие формированию устойчивой культурной общности было и остается одной из важнейших задач практической политики. При этом объективная значимость этой задачи сохраняется вне зависимости от степени ее осознания субъектами политической деятельности. Вместе с тем достаточно ясно, что судьбы общества – как в краткосрочной, так и в отдаленной стратегической перспективе – в большой мере зависят от того, как понимается существо этой задачи и какие средства избираются для ее решения.

Стоит сразу заметить, что по своей сути занимающая нас проблема не может иметь раз и навсегда принятого «полного и окончательного» решения.

Статья написана при поддержке РГНФ, проекты № 11-03-00050 «Этнос и нация в глобализирующемся мире» и № 12-03-00514 «Концептуализация общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании».

Владимир Сергеевич Кржевов,
кандидат философских наук,
заместитель заведующего кафедрой
социальной философии
философского факультета МГУ

И само общество, и условия его существования со временем неизбежно меняются, тем самым вынуждая к поиску новых форм и способов культурной интеграции. Сверх того, в последние полтора-два столетия темп изменений вырос многократно, да к тому же в разных сферах жизни общества они происходят с различной интенсивностью, умножая всякого рода рассогласования и несоответствия. Всем этим обусловлена чрезвычайная сложность процессов формирования новой культурной общности – с одной стороны, невозможно одновременно перевести общество в требуемое состояние, игнорируя накопленные традиции, навыки и стереотипы оценок и действий – словом, все то, что выражается введенным Пьером Бурдьё понятием «habitus». С другой – достаточно очевидно, что немалая часть культурного наследия может стать серьезным обременением, препятствуя необходимому обновлению. Поэтому стратегию культурной интеграции нужно бы выстраивать так, чтобы миновать и Сциллу бездумно воспроизводимой традиции, и Хариду принудительно вводимых новаций, круто ломающих привычный образ жизни. Ведь в массе своей люди далеко не всегда способны постичь ни смысл этих новаций, ни то, ради чего они вводятся. Излишне говорить, что рассчитывать на сколько-нибудь полное воплощение этого идеала не приходится – на практике многое неизбежно происходит и будет происходить по методу «проб и ошибок», увеличивая тем самым нежелательные напряжения в обществе, и без того пребывающего в кризисном состоянии. Но важно понять, что альтернативы обновлению нет – точнее, такой альтернативой может стать серьезная деформация, а то и полная деструкция социальных связей. Если такое понимание достигнуто, общество и его политическая элита должны определиться с концепцией, удовлетворяющей основной цели наме-

чаемых реформ. Подчеркнем, что такой целью является адаптация общества к новым условиям существования.

С учетом этих общих соображений можно констатировать, что, исходя из наличных для современной России реалий, выбор концепции культурной интеграции должен быть сделан между двумя отчетливо обозначившимися вариантами. Либо консолидацию будут пытаться осуществить на религиозной основе – как того требует радикальное крыло Русской православной церкви при поддержке части духовенства других «традиционных» конфессий, либо такой основой должны стать принципы и ценности гражданского общества – сообразно Преамбуле действующей Конституции.

В этой связи по ходу дальнейшего изложения придется уделить внимание несколько иной теме, поскольку обсуждение занимающих нас проблем проходит на фоне философско-социологической дискуссии, предметом которой является утверждение о пребывании современного общества в состоянии «постсекулярности»¹. Представляется, что выработать приемлемые решения невозможно без уяснения ряда существенных моментов, связанных с этим обстоятельством.

Суть дела в том, что понимание секулярности, бытовавшее в 1970-е годы, сейчас действительно довольно существенно переосмысливается. Тогда группа англоязычных авторов сходилась во мнении, что секуляризация и выражается, и обуславливается повсеместным падением общественной значимости и влияния как религии, так и церкви. Однако после «исламской революции» в Иране и целого ряда аналогичных событий в других странах такое представление должно было быть пересмотрено. С учетом новых реалий по ходу дискуссии был предложен термин «постсекулярное общество», призванный зафиксировать изменения, произошедшие как

¹ Те, кого интересует более полная картина этой дискуссии, могут обратиться к номерам журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» за 2013 год, практически целиком посвященным этой проблеме.

в культуре ряда обществ, так и в умах специалистов-исследователей. Однако в понимании существа этих изменений позиции исследователей разошлись. Одна группа полагает, что в «постсекулярном обществе» практически восстановлен статус религии, вернувшей себе, как это было в Средние века, ключевую роль в деле полагания базовых смыслов культуры и разработке основных универсалий мышления. Их оппоненты считают подобные оценки односторонними и не вполне адекватными, поскольку в них, в сущности, игнорируются перемены, произошедшие в мире за последние десятилетия.

Трудно оспорить, что современное общество стало и неизмеримо более сложным, и во много раз более динамичным. В наши дни взаимодействие людей обретает неведомые ранее формы, а интенсивность всякого рода контактов между носителями разных культур возросла на порядки по сравнению даже с первой половиной XX века. В этих условиях представить себе религию как главенствующую форму мышления, задающую общие основы миропонимания, просто напросто невозможно. Помимо прочего это обусловлено еще и тем, что сейчас весьма значительное число обществ – прежде всего обществ, экономически развитых, – являются многоконфессиональными.

Есть и еще одно соображение, на мой взгляд, не менее весомое – все-таки с развитием науки утвердилось и получило широкое распространение научное мировоззрение, которое, если вспомнить известную мысль Макса Вебера, резко противостоит мировоззрению религиозному.

Все это вместе взятое просто обрекает общество на то, чтобы оно оставалось секулярным – поскольку только так в сложившихся условиях можно минимизировать вероятность развития мировоззренческих конфликтов. (Последний тезис хорошо подтверждается «от обратного» – довольно отчетливо просматривается своего рода закономерность: там, где люди разде-

ляют представление об абсолютном верховенстве какого-либо одного верования, нередко вспышки религиозно мотивированного насилия, порой в самых крайних его формах.) Вместе с тем понятно, что секулярность нового типа весьма отлична от той, что бытовала в СССР и некоторых странах «соцлагеря». Сегодня секуляризация общества не обеспечивается путем репрессий, принудительного вытеснения религии на периферию массового сознания, дискриминации верующих и удаления в подполье активных проповедников веры – все это методы никуда не годные. Они способны лишь увеличить напряжение и обострить противоборство различных общественных групп.

Но точно также невозможно оспорить, что секулярное общество в современном его понимании все же сохраняет главное свое качество – оно конституируется на правовой гарантии своим членам полной свободы совести, при одновременном законодательном ограничении притязаний любой религии на монополию в деле культурной интеграции, а любой церкви – на участие в отправлении властных полномочий. В плане политико-юридическом это значит, что государство занимает строго нейтральную позицию в отношении вопросов мировоззрения, одинаково дистанцируется от всех религиозных объединений и ни при каких условиях не может являться стороной в межрелигиозных разногласиях или конфликтах. Единственный закон, который последовательно выражает позицию государства в этой сфере жизни общества, – это закон о личной свободе совести, что, помимо прочего, означает признание равноправия приверженцев всех форм мировоззрения и всех создаваемых по этому признаку объединений и организаций. Очень важно, что равноправие это не должно быть нарушаемо ни при каких условиях – ссылки на численное преобладание последователей какой-либо религии или ее укорененность в культурной традиции не могут служить основанием для дискриминации

приверженцев иных учений – неважно, имеют ли эти последние давнюю историю, или созданы в наши дни.

С того момента, когда эти принципы утверждаются в обществе, религиозная, а равно и этнокультурная принадлежность становятся юридически незначимыми и не влияют на гражданско-правовой статус человека. Этот статус никак не меняется в зависимости от того, к какой этнической общности принадлежит человек, какого мировоззрения он придерживается и в какие религиозные объединения входит. Гражданство здесь становится наивысшим критерием, и только гражданский статус человека принимается во внимание во всех юридически значимых коллизиях. В этой связи следует сразу сказать, что многочисленные спекуляции на тему т. н. «экстремистских сект», «зомбирования», «злонамеренного манипулирования верующими» и т. п. заведомо не могут служить основанием для ограничения права на свободу совести.

Дело в том, что по своей сути эта свобода вообще никогда не может быть ограничена, поскольку в правовом государстве санкциям подлежат исключительно противозаконные действия, а не личные убеждения людей, эти действия совершающих. Тем самым законодателью предъявляется очень серьезное требование – положения закона должны предельно точно и однозначно описывать признаки запрещаемых деяний – так, чтобы не открывалась возможность произвольно подверстывать под статьи Уголовного кодекса убеждения вместо действий. Во избежание недоразумений нужно еще уточнить, что мировоззрение как таковое не следует отождествлять с конкретной мотивацией социально опасного поведения. Атеизм сам по себе не влечет обязательного требования репрессий против верующих – точно так же, как приверженность какой-либо религии не означает автоматического стремления к уничтожению «неверных». Под запрет в этой более чем деликатной сфере могут подпадать только те положения, которые прямо и

недвусмысленно призывают к насилию против всех несогласных и инакововерующих; четкая правовая оценка таких положений также является важнейшей задачей законодателя.

Нашего внимания требует также еще один аспект этой темы – судя по словам некоторых священнослужителей и церковных публицистов, ему придается важное значение. Речь о тезисе классического либерализма, согласно которому религия является частным делом человека. На этот принцип сейчас тоже идет очень сильная атака, и его пытаются интерпретировать в том духе, что признание религии частным делом якобы влечет за собой принудительное ограничение общественной активности церкви. Совсем недавно один из ее представителей горестно сетовал, что «либералы» стремятся «загнать церковь в этнофольклорное гетто», лишая ее всех прав и возможностей активного участия в публичной деятельности и всякого рода гражданских инициативах.

Нетрудно видеть, что подобное толкование не имеет под собой оснований, и здесь мы сталкиваемся с откровеннейшей передержкой. «Религия как частное дело» означает всего-навсего, что каждый конкретный человек, гражданин страны и носитель неотъемлемых прав, выбирает для себя мировоззрение по своему личному усмотрению. То есть никакое внешнее вторжение в эту сферу, никакое принуждение ни в коем случае недопустимы, и тем более принуждение со стороны государственной власти.

Важным следствием этого положения является право свободного объединения людей, избравших то или иное мировоззрение (в данном случае следует говорить также об атеизме). Ключевым в этом плане является принцип строго добровольного участия индивидов в делах общности. Этот момент следует подчеркнуть особо, поскольку принуждение здесь не может применяться не только государством, но и религиозными объединениями либо церковными организациями. При возникновении

разногласий между их членами – скажем, по вопросам толкования вероучения или порядка совершения религиозных обрядов – каждый вправе мирно отстаивать свои убеждения, сохраняя свободу совести точно так же, как это происходит и в отношениях с государством. В основание такого установления полагается идея о том, что ни у кого – ни у отдельного человека, ни у организации – нет монополии на истину: можно и должно иметь свои неколебимые убеждения, но никого нельзя принуждать разделять их – ни под каким предлогом! Тем самым законодательно утверждается, что мировоззренческие противоречия или конфликты, коль скоро они возникают, не могут разрешаться с применением насилия – будь то насилие со стороны государства или общественных организаций и частных лиц. В подобных ситуациях церковь или община в строгом соответствии с действующей Конституцией вправе лишь заявить, что более не числят инакомыслящих среди своих приверженцев. Но, понятно, в таких случаях совершенно исключается обращение к государству для принуждения или наказания несогласных. Со своей стороны инаковерующие, если они не могут найти компромисс со своей церковью, вправе создать собственное религиозное объединение. И, что для нас особенно важно, конфликт с церковными властями, со «священноначалием», как выразительно аттестуют себя иерархи РПЦ, не может повлечь для верующих никакой гражданской дискриминации.

Вот, собственно, и все, что в наши дни выражается понятием «секулярное общество». Его смысл ясен и прост – в таком обществе гарантируется строгий нейтралитет государства в отношении со своими разномыслящими гражданами. Выбор мировоззрения и решение об объединении с единомышленниками является частным делом каждого человека. В мировоззренческих спорах государство не занимает ничью сторону, но обеспечивает соблюдение равных прав и свобод. Излишне повторять, что

секуляризованное общество не есть общество антирелигиозное, в нем нет и не может быть никакого обязательного насаждения атеизма, дискриминации верующих и принуждения людей к отказу от веры. Достаточно очевидно, что такие интерпретации построены на преднамеренных переделках, целью которых является компрометация базовых установлений светского государства, тогда как при объективном подходе никакие «поверхностные толкования» этих установлений попросту невозможны.

Возвращаясь к занимающему нас основному вопросу, отметим, что общепринятым является представление о трех главных формах интеграции общества: экономической, политической и культурной. В отношении первой из них можно говорить, что общероссийский рынок, при всех его издержках и асимметрии, все-таки существует, образуя пусть и недостаточно однородное, но все-таки единое экономическое пространство. Интеграция политико-правовая, худо-бедно, также пока еще наличествует – хотя с ней далеко не все благополучно.

Но вот с преодолением культурной разобщенности в масштабах всей России дела обстоят совсем неудовлетворительно, поскольку целый ряд условий и обстоятельств очень осложняет решение этой задачи. Как полагают многие эксперты, наиболее негативно в этом плане сказывается избыточно высокий уровень имущественной стратификации. Не менее значимым источником затруднений является издавна характерное для России этнокультурное разнообразие. И наконец, третья, весьма старая, но, увы, все еще остающаяся очень актуальной проблема, о которой одним из первых написал известный историк Александр Ахиезер. Суть ее в том, что образ России как «большого сообщества» в массовом сознании по сию пору остается смутным и неотчетливым. Отсюда и весьма расплывчатые представления о тех усилиях, какие необходимы для его воспроизводства. В своей книге «Рос-

сия: критика исторического опыта», написанной в 1970–1980-е годы, но опубликованной только в 1990-х, Ахиезер очень точно выделил главный в этом плане вопрос – как, каким образом может быть осуществлен переход от ценностей «локальных миров» к ценностям «большого общества». Нужно бы отдать себе отчет в том, что и сегодня перед нами – и перед всем обществом, и особенно перед правящими элитами – стоит тот же самый вопрос – пусть он и приобрел несколько иную форму.

Нельзя сказать, что персонажи, входящие в высшие эшелоны действующей администрации, не понимают актуальности этой задачи. Точно так же несомненно, что и в массах населения запрос на консолидацию очень велик. Но вот какие конкретные цели следует поставить и какими путями эти цели можно реализовать – это понимается очень по-разному, и как раз по этим вопросам идет бурная дискуссия.

Одним из ее узловых пунктов стало часто выражаемое в последнее время опасение по поводу нарастающей клерикализации российского общества². Целый ряд экспертов в своих выступлениях за последние годы достаточно внятно сформулировали те угрозы, которые создаются этой тенденцией.

Весьма любопытно, что в ответ практически сразу несколько высокопоставленных иерархов РПЦ, а также церковные и околоцерковные публицисты выступили с протестами, смысл которых сводился к настойчиво повторяемому утверждению: «Где это вы увидели клерикализацию?» Речь-де идет только о духовном возрождении народа, о восстановлении в своих правах религии и церкви, и только враги православия, а тем самым и враги России могут противодействовать этим благим процессам³. (Стоит отметить, что такие «аргументы» заменяют обсуждение проблемы по

существу переходом на личности, когда оппоненты – все разом и каждый в отдельности – представляются заведомо недобросовестными людьми и чуть ли не наемными агентами других государств. Прием, конечно, затасканный, но, увы, все еще способный воздействовать на неподготовленную аудиторию.)

По-видимому, в том же ключе следует воспринимать недавние слова президента Путина, весьма определенно говорившего о недостающих нашему обществу «духовных скрепах» и наряду с этим – о нежелательности, как он выразился, «поверхностного толкования» понятия «светское государство».

Однако в подтверждение того, что клерикализация действительно имеет место, можно привести весьма серьезные доводы. Прежде всего, констатируем, что и по факту, и даже по многим официальным документам патриарх РПЦ МП предстает как государственное лицо высшего ранга, хотя юридически он просто гражданин Гундяев, руководитель пусть очень большого, но все-таки по закону всего лишь добровольного общественного объединения. И если следовать букве пока еще действующей Конституции, никакого государственного статуса у такого гражданина нет и быть не может.

Наряду с этим нельзя не сказать о как бы не вполне официальном, но весьма ощутимом присутствии священнослужителей – главным образом принадлежащих к РПЦ МП – во властных структурах, в особенности в силовых ведомствах. И наконец, самый свежий пример – пресловутое дело Pussy Riot. Из вынесенного по этому делу судебного приговора следует, что участницы группы виновны в произнесении слов, являющихся «хулой в отношении Бога». Их также признали виновными в «демонстративном неуважении к веками оберегаемым и чтимым церковным

² Обсуждение этой темы приобрело особенно острый характер после обнародования памятного письма десяти академиков РАН, которые выразили свою обеспокоенность искусственным насаждением религии и ограничением свободы мысли.

³ Эти доводы развивались в целом букете публикаций, в последние годы с впечатляющей регулярностью появлявшихся на официальном сайте Московского патриархата РПЦ.

традициям и догматам», и наконец, в «намеренном пародировании (sic!) православных обрядов». Получается, что с точки зрения судебной власти в лице судьи Сыровой, богохульство (точнее – то, что объявлено таковым), а равно и нарушение канонов и установлений отдельно взятой церкви – это теперь составы уголовного преступления.

Речь идет о важнейшем прецеденте: в официальном документе – вошедшем в законную силу решении суда как органа государственной власти – выражено не порицание неких, пусть предосудительных с моральной точки зрения поступков, но дана их формальная квалификация – в действиях осужденных юридически признано наличие *corpus delicti*. Более того, президент страны, обладающий, как известно, дипломом юриста, публично заявил, что девушкам «влепили двучечку» за то, что они подрывают духовные основы государства. Поскольку президент по должности является гарантом Конституции, человеку, занимающему этот пост, не худо было бы знать, что ни о каких «духовных основах государства» в Конституции РФ ничего не написано, а, напротив, гарантирована свобода совести и вполне определенно утверждается, что религия и церковь от государства отделены.

Вот на таком фоне обсуждаются занимающие нас вопросы. И весьма знаменательно, что в последнее время все более настойчиво звучат призывы к скорейшему пересмотру Конституции РФ в части принципов государственного устройства. Согласно этим проектам, из Основного Закона незамедлительно следует исключить статьи, утверждающие, что РФ является светским государством, и закрепляющие принцип свободы совести. Взамен выдвигается пожелание (скорее, даже требование): признать православие «государствообразующей религией» России – ни более, ни менее. Предлагается именно эта формулировка, хотя с точки зрения и политологии, и религиоведения она являет собой чистейший нонсенс.

Вообще-то в таком ключе довольно давно выступает множество проповедников и публицистов, солидарных в том, что стратегической целью церковной политики является «содействие скорейшей деатеизации общества». Своего рода новацией стало положение о совпадении принципов атеизма и секулярности. Тем самым требование «деатеизации» нечувствительно сливается с требованием десекуляризации.

В развитие этой позиции патриарх РПЦ МП Кирилл недавно заявил, что поскольку мы уже живем в «постсекулярном мире», то следует как можно быстрее признать за церковью ведущую роль в деле воспитания населения, особенно молодежи, что-де позволит вернуть в человеческие отношения моральные оценки и предписания. Наряду с этим он утверждал, что в своей истории Русская православная церковь всегда, а особенно в последние годы, поддерживала не конкретных лиц у власти, а сам «институт государственности» – в надежде, что государство законодательным образом будет способствовать скорейшему восстановлению моральных ценностей в нашем обществе. Но ведь установка на законодательное – т. е. принудительное – обеспечение моральных ценностей как раз очень типична для людей, которые полагают клерикальное государство идеалом государственности вообще.

Однако если всерьез относиться к настойчивым призывам представителей РПЦ «возвратиться к исконным установлениям российской государственности», стоит напомнить, что в Российской империи одно из таких «установлений» предусматривало юридические санкции за выход из православия – в этом случае «отщепенец» терпел поражение в правах.

После обнародования Манифеста 18 октября 1905 года от этой нормы отказались, но практика дискриминации по религиозным основаниям сохранялась вплоть до самой Февральской революции. С учетом этого факта апелляция к «традициям» представляется

в высшей степени тревожной. Потому что если задаваться вопросом, который нас занимает больше всего, а именно, на каких концептуальных основаниях следует развивать стратегию духовного единения всех россиян, то предлагаемая церковью программа создания «православного общества» или, как иногда выражаются ее сторонники, «православного царства», представляется в высшей степени взрывоопасной. В изображении своих архитекторов желанное «православное царство» выглядит довольно своеобразно, поскольку, например, по словам протоиерея Всеволода Чаплина, соответствие «православному идеалу» требует неперменного построения жесткой иерархии, на вершине которой смогут оказаться лишь те, кто «достойно послужил Богу и людям».

Заметим, что для нашей общественной мысли такого рода «проекты» совсем не новы. Один из вариантов такой конструкции государства разрабатывался в 20-х годах представителями идейного течения, известного под именем «евразийства». «Альфа и омега» этой концепции – идеократия есть высший идеал государственности. Согласно этому пониманию, носителями верховной власти могут быть только те люди, которые разделяют и выражают «правильную идею», «идею-правительницу». В этой связи я бы хотел высказать одно соображение, может быть, не бесспорное. Те, кто оппонирует идеологии и практике скорейшего воцерковления граждан нашего общества, в большинстве своем сходятся в том, что политика «священноначалия» Русской православной церкви во главе с патриархом Кириллом направлена на возвращение РПЦ статуса государственной церкви – с получением всех вытекающих отсюда преимуществ и привилегий. Но и сам Кирилл, и люди из его ближайшего окружения очень настойчиво отрицают наличие таких намерений. Они говорят: даже речи об этом быть не может, мы не хотим возвращения к тому положению, которое наличествовало в Российской империи.

Возможно, в каком-то смысле эти заверения выражают действительную позицию церкви. Ведь после реформ Петра Великого она пребывала на положении духовного департамента имперской бюрократии, а вся ее деятельность была подчинена надзору прокурора Священного синода, назначаемого лично императором и непременно из числа светских чинов. С учетом этого можно, пожалуй, поверить, что церковь к возобновлению такого положения вещей не стремится. Ее иерархи действительно не хотят оказаться под контролем государственной бюрократии.

Но вот чего же они хотят? Думается, правомерна следующая гипотеза. При всех инвективах в адрес атеистического прошлого, нашим православным иерархам, может быть, более всего подошла бы система организации власти, практиковавшаяся коммунистической партноменклатурой. То есть они хотели бы создать нечто вроде «митрополит-бюро» – эдакое эталонное воплощение принципа идеократии. В этом случае верховная власть принадлежала бы замкнутой группе «достойных служителей Бога», надзирающих за соблюдением ими же разработанных канонов и правил. Особенно привлекает в этой модели то, что «идеократы» никакой ответственности за свою деятельность, в сущности, не несут. Они определяют цели и задачи и следят за исполнением своих предначертаний, но отвечать перед обществом за последствия не обязаны, ибо их власть исходит от высшего неземного авторитета. Такое положение вещей более чем заманчиво – до тех пор, пока общество соглашается его терпеть.

Но, понятно, пока ситуация очень далека от того, чтобы можно было всерьез надеяться воплотить такого рода проекты. Сейчас у нас первую скрипку играет государственная бюрократия, а бюрократия церковная ей только подыгрывает. Поскольку сегодня определенно происходит становление режима авторитарной личной власти, постольку закономерным образом актуализируется надобность задействовать все ресур-

сы скорейшей его легитимизации. По всей видимости, в представлении чинов действующей администрации, простейшим способом восполнения недостающей легитимности является форсированное насаждение религии – прежде всего православия. Главным проводником этой политики, естественно, видится РПЦ МП. Ну, а церкви очень выгоден союз с государством, потому что она получает с его стороны поддержку в деле закрепления своих привилегий. Этой цели как раз и служат настойчиво повторяемые заявления о том, что мы от века жили и ныне живем в «православной стране». Об этих утверждениях – в моем понимании в высшей степени тревожных – стоит сказать особо.

Мне уже приходилось писать о позиции патриарха Кирилла, заявленной еще тогда, когда он был митрополитом⁴. Он не раз весьма настойчиво повторял, что следует решительно покончить с утверждениями о том, что Россия – многоконфессиональная страна. Россия-де исконно была, есть и будет «православной общиной», рядом с которой существовали «религиозные меньшинства» (это тоже точное его выражение), и поэтому все наши усилия по устройению государства нужно привести в соответствие с этим, как он утверждает, неоспоримым обстоятельством.

Понятно, что здесь возникает неразрешимое противоречие. С одной стороны, нам говорят о том, что православие должно стать духовным основанием объединения всех россиян, с другой – является фактом, что в стране все-таки существуют достаточно большие не православные и не христианские общины. Это, помимо прочего, юридически зафиксировано в законе о так называемых «традиционных религиях». Таким образом, нетрудно предвидеть, что если руководители РПЦ МП и далее будут столь пренебрежительно относиться к существованию иных религиозных общин, лоббируя программу построения

«православного царства», то наше общество ожидают весьма серьезные осложнения. Достаточно очевидно, что если от деклараций и полумер перейдут к каким-то более определенным политико-правовым решениям, мы получим не сообщество граждан, ориентированных на нормы и ценности единой политической нации, а несколько обособленных религиозных общин, каждая из которых будет консолидироваться вокруг своей церкви. Мастера идеологических кунштюков, демонстрируя, подобно своим предшественникам, «изобретательную ловкость рук», будут, конечно, нас уверять (и уже уверяют), что между обособленными религиозными объединениями непременно установятся отношения дружбы, любви и сотрудничества, поскольку люди все верующие и потому должны очень хорошо относиться друг к другу. Но о состоятельности подобных аргументов много говорить не приходится. Знаменательно, что, обращаясь к этой стороне вопроса, тут же прибегают к выразительной фигуре умолчания – не помяная уже об «извечной православной державе», выдвигают на первый план фальшивые доводы о якобы наработанной в России традиции гармоничной совместной жизни последователей разных религий. Но в этих вопросах нежелание видеть вещи в истинном свете оборачивается трагедиями – а факты, увы, говорят, что «совместная жизнь» была, конечно, но строилась она на началах дискриминации и притеснений. Напомним еще раз, что равноправие последователей всех религий провозгласили только после февраля 1917 года, отменив окончательно соответствующие законы Российской империи. А до того обыденной практикой было преследование т. н. «сектантов», нередкие попытки принудительного обращения в православие, ограничение в правах инаковерующих – не говоря уже о «черте оседлости» и ужасах еврейских погромов. Трудно от-

⁴ Кржевов В. Религия и церковь в становлении гражданской нации // Вестник Института Кеннана в России. М., 2012. Вып. 21. С. 65.

рицать, что все это было связано с пребыванием «православной веры» в статусе государственной религии.

Так что приходится повторить сказанное выше – гармоничное сосуществование людей с резко различными мировоззрениями возможно, конечно, но только в рамках светского государства и при том неременном условии, что религиозная принадлежность не расценивается как критерий политической лояльности, а в иерархии ценностей не ставится выше гражданской общности.

В иных условиях перспектива религиозного обособления более чем взрывоопасна. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, что если власти предерживающиеся и дальше будут проводить политику преференций только одной церкви, то довольно скоро найдутся сторонники аналогичных стратегий, но уже сепаратистской направленности. Более чем вероятно, что в ответ на слова о «православной империи» прозвучит призыв к последователям иных религий образовать «свое государство» – «исламское» или «буддистское». То есть парадокс этой политики, а вместе с тем и наша трагедия заключается в том, что люди у

власти, часто поминающие об угрозе распада государства, делают как раз все для того, чтобы этот самый распад осуществился.

Я полагаю, что культурная консолидация России в действительности может состояться только на основе принятия принципов верховенства прав человека и ничем не ущемляемой свободы совести. Реализация этой программы, как не раз было показано, не повлечет ни потери культурной идентичности, ни ущемления прав верующих, ни стеснения гражданской активности религиозных объединений – все это пустые страшилки, которые запускаются сторонниками утверждения авторитарной власти. Постоянно повторяемые ими слова о «возвращении к традиционным устоям» и «духовном возрождении» под эгидой РПЦ МП служат неплохим камуфляжем для этой цели. Этим же стремлением объясняется их неприкрытая враждебность идеям и принципам либерально-демократических реформ. Но суть этих реформ, как хорошо известно, как раз и состоит в ликвидации привилегий замкнутой правящей касты и неукоснительном соблюдении общих для всех граждан страны законов.

*Две Москвы:
мировоззрение
москвичей и
дифференциация
городского
пространства*

Москва – очень большой и сложно устроенный город, авторитарные методы управления которым еще в советское время вошли в противоречие с растущим разнообразием городской жизни. Несмотря на впечатляющую численность населения – 11,5 млн (2010), российская столица практически лишена выборных органов власти. Представительная власть слаба, как на районном, так и на общегородском уровне. Никакой свободной городской прессы, открытой аналитической критике и обсуждению городских проблем, нет. Масштабы фальсификаций на выборах и нарушений в ходе проведения переписи сравнимы с наблюдаемыми в этнических республиках и являются одними из наиболее значительных среди регионов России. Исключением стали президентские выборы марта 2012 года, благодаря большому числу общественных наблюдателей. Мнение жителей Москвы слабо учитывается и при принятии градостроительных решений. Последний яркий пример – двукратное расширение территории города, неожиданное не только для москвичей и жителей Подмосковья, но и для экспертного сообщества.

Вместе с тем, несмотря на концентрацию органов власти всех уровней и авторитарность управления, административный прессинг в столице относительно слаб. Человек, выступающий против своего начальства и даже системы, не окажется выброшенным из социальной жизни, как это происходит в провинции, а найдет себе работу или сферу приложения труда

Ольга Ивановна Вендина,
*кандидат географических наук,
ведущий научный сотрудник
Института географии РАН,
former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow*

и энергии. Образованное и активное население Москвы с успехом ассимилирует административные начинания и приспособляет их к своим потребностям. Протестные и экологические движения, акцентировавшие внимание на проблемах загрязнения среды, сбора мусора, охраны памятников и точечной застройки, постепенно развились в гражданские инициативы по переустройству городского пространства и системы управления. Отсутствие городских источников независимой информации компенсируется сетевыми информационными ресурсами, независимой прессой и аналитическими институтами, локализованными в Москве и уделяющими ее проблемам достаточное внимание.

Меняющееся общество меняет город, превращая его то в арену массовых либеральных протестов с их белыми цветами, лентами и шарами, то не менее массовых беспорядков с дымовыми шашками и угрожающей жестикуляцией. Процессы самоорганизации обретают силу, а требования разных групп московского населения получают все большую социальную поддержку в конкуренции с интересами бизнеса и власти. Учитывая, что все мы – жители города – очень разные и хотели бы «переделать» город в соответствии со своими представлениями, встает вопрос, а насколько «гомогенизированным» или, напротив, сегрегированным является московское сообщество. Должны ли мы в своих рассуждениях о внутригородских различиях ограничиться констатацией разницы «домов» и цен на квадратные метры, или можем их домыслить до разницы «умов», выявить районы, население которых придерживается скорее модернизационных или скорее традиционных взглядов, демократических или националистических?

Право на город

Тезисы Маркса о том, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» и что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет сознание», сформулированные в предисловии «К критике политической экономии» (1859), оказали огромное влияние на развитие градостроительных идей. Из них следовало, что человек может измениться, только меняя мир вокруг себя. Поэтому, создавая новые условия жизни, прежде всего жилище и городскую среду, мы способствуем формированию «нового человека» и приближаем реализацию идеи социальной справедливости. Со временем эта мысль выродилась в социальную инженерию, предполагающую возможность управления обществом средствами рациональной организации пространства. Социалистический город, наряду с индустриализацией, решал и эту задачу¹.

В западной урбанистической школе тезис Маркса был прочитан несколько иначе. Если в начале XX века значительной разницы в понимании подходов к градостроительству между советскими и европейскими архитекторами практически не было, разница была скорее в методах реализации проектов, масштабах задач и отношениях между людьми, то в его второй половине от этого сходства ничего не осталось. В 1968 году Анри Лефевр опубликовал небольшую работу «Право на город». Согласно Лефевру, право на город означает не просто право доступа к городским благам и возможностям – пассивное право потребления города, создаваемого архитектором для жителя, но и активное право преобразования города, а следовательно, и преобразование самих себя. Право

¹ См., напр.: *Сабсович Л.* Социалистические города. М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. Не только содержание, но и оглавление книги отражают характерную постановку градостроительных задач. Среди них: «Почему мы должны немедленно приступить к социалистической реконструкции быта», «Задачи социалистической организации жизни в новых городах», «Организация питания населения в социалистическом городе», «Проблемы управления и общественной работы» и пр.

на город не является чем-то искусственно выдуманным, поскольку укоренено в повседневных практиках, независимо от того, знаем мы о его наличии или нет. Предпринимая политические, интеллектуальные и экономические усилия, инвестируя в собственное будущее или будущее детей, по одиночке или сообща жители города его строят и перестраивают. Лефевр полагал, что отказ от потребительской модели города создает возможность нового гуманизма – гуманизма горожанина, «для которого и благодаря которому город и его собственная повседневная жизнь в этом городе становятся творческим актом (процессом и результатом), ценностью пользования, а не ценностью обладания и обмена»².

Этот поворот мысли удивительным образом совпадает с тем, что говорят сегодня о постиндустриальном (креативном) городе и обществе, о гражданских инициативах и движениях. «Если право на город – это лозунг и требование, – пишет Дон Митчелл, – то этот лозунг может быть услышан, а требование может обрести определенную силу только в том случае, если существует пространство, в котором этот лозунг и требование можно увидеть. ... Притязая на пространство публично, создавая публичные пространства, социальные группы сами становятся публичными»³. Справедливость этого тезиса подтверждается демонстрациями, митингами и такими движениями, как *Occupy Wall Street* в Нью-Йорке, «ОккупайАбай» в Москве или действиями городских «партизанских планировщиков», реализующих лозунг «Вернем город себе»⁴.

Возвращаясь к Москве, приходится признать, что в российской столице «право на город» узурпировано властью и девелоперами, которые опираются на

планирующие органы и экспертные институты. Теоретически считается, что они действуют в интересах городского сообщества, но на практике оказывается, что в интересах бизнеса или в собственных. Существующая административная система вполне успешно реализует одни права и игнорирует другие. Возникает вопрос, каким образом в сложившихся обстоятельствах люди могут осуществить свое право на город? Ответ Лефевра: путем социальной мобилизации и коллективной политической и социальной борьбы. Столь же однозначно высказывается и другой знаменитый и авторитетный марксист Дэвид Харви, утверждающий, что только в борьбе «с мертвым грузом государства и территориальной власти» можно отстаивать право на город, поскольку «право делать и переделывать себя и наши города является одним из наиболее ценных и наиболее игнорируемых прав»⁵.

Но какими идеями мы должны руководствоваться в этой борьбе? Как достигнуть единения? Что означает лозунг «Вернуть город себе»? «Себе» – это кому? Как примирить интересы автомобилистов и пешеходов, москвичей и приезжих? Как «право на город» соотносится с «правом на различие»? Первое может трактоваться с позиции преимущественных прав, вроде права коренных москвичей на Москву, а второе – вести не только к единению в разнообразии, но и к нетерпимости или расколу, маргинализации и исключению.

Вызов разнообразия и потребность в интеграции

Одной из важных функций города является производство разнообразия – занятий, знаний, стилей, образов жизни и поведения, социальных групп, моды,

² *Lefebvre H.* Le droit à la ville. 3e ed. Paris: Economica & Anthropos, 2013. P. 134.

³ *Mitchell D.* The Right to the City. Social Justice and the Fight for Public Space. NY: The Guilford Press, 2003. P. 129.

⁴ С деятельностью городских партизанских планировщиков можно познакомиться на их сайте [<http://partizaning.org>].

⁵ *Harvey D.* Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution. London: Verso, 2012. P. 4.

культуры в широком и узком смысле слова. Но город не только индуцирует разнообразие, но и получает его извне, с разной степенью успешности адаптируя его к своей жизни, функционируя то как “melting pot”, то как “salad bowl”, то как пространство этнокультурных репрезентаций (multikulti), то как арена столкновений. Чтобы привносимое разнообразие трансформировалось в потенциал развития, необходимо, чтобы «право на различие» воспринималось как значимая ценность. И здесь скрыта серьезная проблема. Признавая право на различие за собой, люди нередко отказывают в этом праве другим, особенно если этот «другой» – «чужой». Отношение к мигрантам в Москве (и не только в Москве) дает наглядное подтверждение этому тезису. Другими словами, производя и осваивая (усваивая) разнообразие, города одновременно производят и нетерпимость. Это противоречие, имманентно присущее городу, чаще всего сбрасывается со счетов, а сложность внутреннего устройства городов, несовпадение интересов разных групп людей и контрастность среды их жизнедеятельности игнорируются. В исследовательской практике (не говоря уже об управленческой) приходится часто сталкиваться с представлением о городском сообществе как условной целостности, групповое имя которой дает название города – москвичи, петербуржцы, парижане и пр.

Например, Лев Гудков пришел к выводу, что в силу политических причин Москва не может стать локомотивом модернизации страны. Скорее будет нарастать расхождение «между условной Москвой как социокультурным центром и другими типами поселений уже как антиподами Москвы»⁶. Но этот важный тезис применим и к самой Москве, содержащей в себе свой антипод и являющейся примером взаимодействия разных миров, включая и доиндустриальные.

В Москве есть постиндустриальные и гипериндустриальные районы. Можно выделить значительные массивы жилых кварталов, где доля лиц с высшим образованием превышает половину населения, и другие, где эта доля не дотягивает до 20%. Доходы наиболее богатых москвичей в десятки раз превышают доходы наиболее бедных. Еще большие различия обнаружатся, если мы начнем рассуждать о мировоззрении людей и их верованиях, образе жизни, этнической принадлежности, городских субкультурах.

Вполне правомерно ожидать, что в городе, где проживает более 11 млн человек, будет отчетливо выражен раскол между условным «социокультурным центром», ориентированным на глобализацию и модернизацию, и другими типами районов. Вполне возможно также, что обнаружится не одна, а несколько линий социальных расколов и что жители Москвы вовсе не стремятся их преодолеть, образуя «сообщество социально ответственных москвичей» (как любят выражаться чиновники), объединяемых общими целями и интересами. Московское общество (как и российское общество в целом) атомизировано и равнодушно к «общему благу», как бы такое «благо» ни трактовалось. Люди чаще всего не связывают решение проблем личной и общественной жизни. Если все-таки какая-то консолидация возникает, то это скорее не «единение на гражданской платформе», а групповая консолидация на основе разных⁷, а возможно, и антагонистических целей, способных повлечь за собой противостояние. Разнообразие жизни и нарастающие различия больше не компенсируются идеологической гомогенизацией и советской повседневностью, включая жизнь коллективов и градостроительную практику. Однако запрос на идеологию или хотя бы идеи, которые могли бы выполнять интегрирующие

⁶ Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 3. С. 27.

⁷ Наиболее массовыми являются неполитические объединения, такие как фэнтези-клубы, клубы владельцев Mini или городских следопытов.

функции и компенсировать рост разнообразия населения города, есть.

Вопрос, а зачем политическим и хозяйствующим элитам нужна эта консолидация, если у них в руках финансовые ресурсы, институты проектирования и экспертизы, средства подавления, позволяющие эффективно ограничивать права выражающих иную точку зрения, включая и «право на город»?

Во-первых, реализация любых крупных проектов, даже в условиях авторитарных режимов, требует поддержки общественного мнения, доказывающего, что такие проекты являются не прихотью властей предрежащих, а важным общественным делом.

Во-вторых, нарастающее неравенство в обществе требует значительного перераспределения ресурсов, что также невозможно без ощущения социальной взаимозависимости. В условиях дефицита солидарности «богатые» неизбежно стигматизируют «бедных» как иждивенцев и лентяев, а пути преодоления неравенства видят в сегрегации. Типичными примерами такого типа реакций являются дискуссии о введении «имущественного ценза» на жизнь в Москве⁸ или переселении пенсионеров (для их же пользы, разумеется) за черту города⁹.

В-третьих, ослабление консолидирующих факторов на фоне растущего разнообразия приводит к размыванию групповых идентичностей (в частности, городской идентичности), а значит, снижает возможность самоуправления в локальных сообществах. Это влечет за собой необходимость усиления репрессивных механизмов подчинения и подавления «ради сохранения порядка» (Россия – один из мировых чемпионов по численности охранников разного рода). Власть далеко не всегда стремится к этому, поскольку такие действия подрывают ее легитимность. Например, создание «миграционных патрулей»

на основе добровольной народной дружины позволяет не столько экономить средства на штатных работниках, сколько включить механизмы самоорганизации и разделить ответственность за репрессивные действия с обществом¹⁰.

Названные причины объясняют, почему, игнорируя, по большому счету, интересы и права населения, власть (городская в том числе) озабочена поиском объединительных ценностей. Но и люди тоже стремятся к групповой консолидации, несмотря на высокий уровень индивидуализма, поскольку добиться реализации коллективных прав, таких как право на город или его историческое наследие, хорошую экологию или честные выборы, в одиночку невозможно. Почему же при взаимной заинтересованности в интеграции отношения городской власти и городского сообщества скорее описываются как отчужденность? Видимо, потому, что понимание коллективных прав и способы их осуществления решающим образом зависят от выбираемых форм коллективной политики.

Групповая консолидация и идейные расколы

В случае Москвы можно говорить о наличии как минимум четырех идейно-политических платформ, обеспечивающих групповую консолидацию. Это космополитизм, консерватизм, советизм и национализм. Почему не более привычные: либерализм, коммунизм (социализм) или демократия, предлагающие различные модели социального устройства и определенный проект будущего? *Во-первых*, вопросы о границах, как физических, так и социальных, различении «своих» и «чужих», соотношении задач сохранения наследия и одновременно развития существенно важны для выбранной четверки. Но эти вопросы являются центральными и

⁸ Казинец Л. Москва – это правильная тусовка // Огонек. 2007. 11–17 июня. № 24.

⁹ См., напр.: Пенсионный автономный округ // Коммерсантъ-Власть. 2010. 6 декабря.

¹⁰ В Москве создан миграционный патруль // Интерфакс. 2013. 12 февраля [http://www.interfax.ru/russia/news.asp?id=290091&sw=%F4%EC%F1&bd=1&bm=2&by=2013&ed=1&em=4&ey=2013&secid=0&mp=1&p=1].

при обсуждении ключевых городских проблем, таких как сегрегация, рост этнокультурного разнообразия, охрана памятников и памяти и пр.

Во-вторых, как система взглядов космополитизм, консерватизм, советизм и национализм в значительной мере являются реакцией на вызовы современности: распад советской системы отношений, включая утрату идеологии и предсказуемости жизни, трансформацию Москвы в глобальный город, резко интенсифицировавшиеся миграции. Сложность реакций на происходящие изменения приводит к смешению оценок, к тому, что большее значение приобретают не собственно идеологии «в чистом виде», а угол зрения, позволяющий актуализировать лишь отдельные стороны идеологии или «обогащать» ее новыми смыслами. Либерализм может быть консервативным или космополитичным, коммунистическая идеология несет на себе печать космополитизма, а советизм – консерватизма, демократия оказывается «суверенной», а национализм использует идейный инструментальный практически любых политических течений. Угол зрения позволяет вмещать и совмещать разные дискурсы и представления. В этом смысле, идеологии разъединяют, а эклектичные идеологизированные подходы к оценке явлений социальной жизни объединяют, способствуя формированию временных консенсусов в обществе.

Зонтичная природа космополитизма, консерватизма, советизма и национализма не оставляет надежд на «чисто-

ту» определений. Поэтому я ограничусь перечислением составляющих их идей, существенных для интерпретации наблюдаемой социальной реальности. Это необходимо не для уточнения дефиниций, а для выявления в городе возможных ареалов тяготения людей, разделяющих разные взгляды, и оценки последствий мировоззренческой сегрегации.

Ставя такую задачу, я, конечно, далека от предположения, что, например, сторонники космополитизма будут стремиться жить с видом на американское посольство, а консерватизма – с видом на храм Христа Спасителя. Выработка взглядов – это длительный процесс, на который очевидно влияют внешняя среда, социальное окружение, воспитание и круг общения. Стремление человека жить в социально близкой среде трансформируется в политический выбор. В результате вероятность встретить человека определенных убеждений в одних районах может быть выше, нежели в других. Но это лишь предположение. Чем, собственно, отличается повседневное поведение, скажем, космополита или консерватора, советского человека или националиста? Вполне возможно, что ничем, но так же возможно, что мы столкнемся не только с идейными различиями, но и с влиянием идей на поведение, а следовательно, и городскую среду.

КОСМОПОЛИТИЗМ

Почти полное отсутствие понятия «космополитизм»¹¹ в российском общественном дискурсе вовсе не означа-

¹¹ В последние годы тема космополитизма все чаще обсуждается в российских научных журналах. См., например, «Логос», № 2 (53), 2006; «Вопросы философии», № 1, 2009; «Век глобализации», № 2 (4), 2009; «Новое литературное обозрение», № 110, 2011; «Полис», № 5, 2012; «Вестник Института Кеннана в России», № 22, 2012. Как правило, отправной точкой рассуждений авторов является ссылка на Диогена, подкрепленная развернутым перечнем блистательных имен, оказавших огромное влияние на развитие философской мысли. Мне представляется, что не менее важным является обращение к идеям, развиваемым сторонниками космополитизма в разные исторические эпохи. Так, Диоген и античность подарили нам представление о единстве мира (космоса) и ограниченности узких интересов во взаимосвязанном мире, о праве на свободу выбора. Христианству мы обязаны идеей равенства людей перед богом, личной свободы как свободы совести, превращением человека в индивида, наделенного ответственностью за свои решения и поступки. Возрождение рационализировало и гуманизировало космополитизм, обосновало значимость знания (а не веры) как основного условия развития, предложило коммунистические утопии и модели их осуществления, развивало представления о внерелигиозном «братстве людей». Просвещение ввело идеи эмансипации личности, прогресса, сформулировало представление об основных правах и свободах, а также неотъемлемости прав человека (эгалитаризме), гражданстве. Немецкая классическая философия разрабатывала идеи гражданской солидарности как

ет, что оно является чуждым для россиян. В ноябре 2012 года «Левада-центр» задал респондентам вопрос: «В какой мере Вы согласны с высказыванием: *“Я больше ощущаю себя гражданином мира, чем гражданином какой-либо отдельной страны.”*», и 20% опрошенных ответили «полностью согласен» и «скорее согласен». Интерпретируя этот результат, важно помнить, что «гражданин мира» – это метафора, в отличие от реального гражданства. Следовательно, соглашаясь с приведенным высказыванием, люди никакого потенциального обмена гражданствами не предполагали, а имели в виду нечто иное. Думаю, за этим ответом стоит признание приоритета универсальных ценностей над сугубо национальными и локальными интересами. Думаю также, что в Москве доля лиц, разделяющих такую точку зрения, должна быть несколько выше, чем в среднем по общероссийской выборке.

За постсоветское двадцатилетие идеи космополитизма чрезвычайно актуализировались в Москве, став стихийным следствием глобализации, личного опыта освоения мира и проповеди гуманистических идеалов советскими и постсоветскими режимами. Хотя космополитическая утопия никем не рассматривается как задающая программу действий или горизонт развития (более того, если бы такая идея возникла, то была бы отвергнута как пагубная), практика космополитизма достаточно распространена. Позиционирование Москвы как глобального города невозможно, если ее жизнь не будет соответствовать целой серии критериев, предполагающих открытость, доступность и

контактность. Стремиться, например, к статусу мирового финансового центра и отрицать необходимость использования общих подходов и унифицированных правовых норм – абсурдно. Это касается и функционирования различных гуманитарных институтов, поскольку развитие человеческого потенциала и культурная продуктивность являются непременным условием попадания в клуб глобальных городов¹². Ни у кого в Москве не вызывает сомнений полезность привлечения чужого опыта для решения отечественных проблем. Например, в конкурсе проектов развития Большой Москвы, прошедшем в 2012 году, участвовало девять международных команд, представлявших различные и наиболее авторитетные европейские, американские и российские градостроительные школы. Это событие, космополитичное по своему духу, заслуживает особого внимания, поскольку подобных конкурсов не проводилось с 1930-х годов, когда понятие космополитизма стало синонимом предательства.

Важным фактором глобализации и космополитизации Москвы является развитие Интернета и мобильной связи¹³. Появление в Москве «кочевников глобализации» – миллионной армии гастарбайтеров и порядка 300 тыс. иностранных представителей «креативного класса» – от топ-менеджеров до артистов, журналистов и футболистов – поставило вопрос и о необходимости расширения практики освоения «языков межнационального общения». Стремление к общепонятному языку проявилось и в замене отдельных слов, слогов, предлогов созвучными цифра-

основы «вечного мира», космополитичного федерализма и политики международных договоров. Марксизм развивал идеи интернационализма в социальном ключе, устанавливая универсальные законы политэкономии и общественного развития. Все эти идеи настолько глубоко вошли в общественное сознание, что не воспринимаются сегодня как «кредо» космополитизма.

¹² Рейтинги глобальных городов регулярно публикуются журналами Foreign Policy и The Economist. См.: Global Cities Index and Emerging Cities Outlook. AT Kearney. Global Business Policy Council, 2012 [<http://www.atkearney.com/gbpc/global-cities-index>]. Вычисляемый индекс является результирующей показателей деловой активности, человеческого потенциала, интенсивности информационных обменов, культурного уровня и политического веса города. Рейтинг Москвы колеблется на уровне 18–25-го места.

¹³ Согласно данным ФОМ, в Москве уровень проникновения Интернета составляет 70%, а доля активной аудитории достигает половины населения. Это соответствует уровню наиболее развитых стран [<http://runet.fom.ru/posts/10738>].

ми или буквами, и в смешении латинского и кириллического алфавитов, и в упрощении правописания. Поиск средств коммуникации затронул не только вербальную, но и невербальную культуру. Таковы иконографические эксперименты по облегчению навигации в московском метро и на московских улицах. К языковой какофонии нужно добавить изменившиеся поведенческие и потребительские стандарты, развитие туризма и путешествий, образования за рубежом, хотя бы по краткосрочным программам обмена школьниками и студентами, распространение моды на этничность и различные духовные практики. Космополитизм в Москве стал состоянием умов, пожалуй, в большей мере, чем осознанной жизненной позицией.

Ощущение себя «гражданином мира» проявляется в Москве по-разному. Можно выделить:

1. *Лицемерный космополитизм* как обоснование привилегий правящего слоя. В эту категорию попадают и современные модернизационные проекты, реализуемые в Москве, такие как «Сколково», космополитичные по форме, но герметичные и эксклюзивные по сути;

2. *Непоследовательный космополитизм*, допускающий распространение универсальных практик в экономике (ВТО, создание глобальных корпораций) и ограничивающий их в социальной и политической жизни;

3. *Космополитичный конюмеризм* – рай торговых центров и вещевых рынков, распространяющих не только товары и модели потребления, но и модели поведения;

4. *Потребительский космополитизм*, ориентированный на пассивное потребление универсальных норм и практик, вошедших в повседневную жизнь без осознания их ценности и необходимости отстаивания. Это касается многих со-

циальных прав, основанных на принципах общественного блага и всеобщего доступа, унаследованных от советского времени, – образование, здравоохранение, право на труд и отдых, право на жилье и пр. Сегодня эти права часто трактуются не как достижения общества, а как социальное иждивенчество. Разрушение этих институтов воспринимается как что-то естественное, неизбежное или даже необходимое в силу рыночных законов и не встречает солидарного сопротивления;

5. *Гражданский космополитизм*, отвечающий ожиданиям людей, которые ищут решение социальных и политических проблем в солидарности, основанной на общности разделяемых гражданских ценностей. Главные ценности московского космополитизма связаны со свободой выбора и самовыражения, знаниями и образованием, честностью и ответственностью, а словарь включает такие слова, как разум (рациональное объяснение происходящих процессов с помощью математических моделей), человечность, терпимость, благотворительность, общественная польза.

Консерватизм

Вадим Цымбурский очень точно определил состояние российских городов, написав, что побежденное «городской революцией» сословно-аграрное общество берет реванш, актуализируя свои ценности в рамках городской массовой культуры¹⁴. Этот феномен хорошо известен урбанистам, характеризующим российские города как «сельские» или «слободские»¹⁵. Перефразируя Цымбурского, можно сказать, что индустриальная и советская Москва также берет свой реванш, актуализируя и поддерживая свою систему ценностей в рамках изменившейся реальности. Сторонники перемен видят в этом обескураживающее обстоятельство, обесмысливающее

¹⁴ Цымбурский В. «Городская революция» и будущее идеологий в России. Цивилизационный смысл большевизма // Русский журнал. 2002. 4 июля [http://old.russ.ru/politics/20020710-tzimb.html].

¹⁵ См., напр.: Глазьев В. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. М.: Аргус, 1996; Город и деревня в Европейской России. Сто лет перемен. М., 2001.

всякие реформы. Консерваторы, напротив, полагают, что такой реванш укрепляет жизнеспособность новой системы отношений, обеспечивая ее иммунитет. По мнению Михаила Ремизова, острое чувство утраты, связанное с «уходящим миром», делает из консерватора защитника наследия разрушающегося (или разрушаемого) социального порядка¹⁶. При этом наследие может трактоваться очень широко, включая и социальные практики, и города, и статус, и систему власти, и природные ресурсы. В словаре консерваторов ключевыми понятиями, помимо наследия, являются: самобытность, духовность, приверженность традиции, стабильность, народ, лояльность, патриотизм. Можно выделить несколько течений в консерватизме, находящих поддержку в обществе.

1. *Евразийство*. Представление о России как особой цивилизации, участвующей в мировых процессах на собственных условиях и идущей «своим путем». Эта цивилизация определяется то как российская, то как евразийская, что является обоснованием естественности границ российского государства, заданной конфигурацией географического пространства, и легитимности российских геополитических претензий.

2. *Религиозно-духовный консерватизм*, отстаивающий публичный статус традиционных религий, их приоритет в культурной и духовной жизни общества, влияние в политической сфере. Он также опирается на идею Льва Гумилева о России-Евразии как симбиозе «православно-славянского» и «тюрко-мусульманского» культурных начал. Религия, по мысли консерваторов, способствует легитимации власти и, одновременно, групповой консолидации общества.

3. *Державничество*. Подмена интересов общества интересами государс-

тва, а общегосударственных интересов – задачами сохранения контроля над территорией и ее ресурсами и (что еще лучше) экспансией всеми возможными средствами – от установки флага на Арктическом шельфе до локальных войн и раздачи российских паспортов гражданам других государств. «Патриотизм» также становится атрибутом государственности и трактуется в терминах лояльности власти. Гражданство связывается с местом рождения и культурной, а не политической сферой.

4. *Изоляционизм*, представляющий Россию как осажденный лагерь, окруженный внешними врагами, опирающийся на своих внутренних агентов. Как пишет Борис Межуев¹⁷, фразы относительно «необходимости выбора друзей и врагов», «чрезвычайного положения» и «тотальной мобилизации» стали расхожими словесными штампами. Для изоляционизма характерно рассмотрение внесистемной оппозиции как врагов государственности, противостояние с гражданскими и космополитичными по сути объединениями, шельмование интеллигенции, апеллирующей к рациональным началам истории, вера в конспирологию. Близкой к изоляционизму является концепция «Острова России» Цымбурского, исходящая из «объективно» возникшей ситуации изоляции, которую целесообразно было бы использовать для концентрации на внутренних проблемах страны и воспроизводстве своих ценностей и идентичностей¹⁸.

5. *Охранительство*. Поиск консолидирующих ценностей в прошлом, сакрализация сакрального, что приводит к реанимации архетипов прошлого в актуальной для этого прошлого интерпретации. Этой логике подчинены реабилитация некогда сакральной фигуры Сталина, возвращение к советскому

¹⁶ Консерватизм/традиционализм: теория, формы реализации, перспектива. Материалы постоянно действующего научного семинара. М.: Научный эксперт, 2010; Ремизов М. Консерватизм / Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений. Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 117–141.

¹⁷ Межуев Б. Американский фундаментализм и русская «консервативная революция» // Логос. 2003. № 1. С. 105–111.

¹⁸ Цымбурский В. Россия – Земля за Великим Лимитрофом (цивилизация и ее геополитика). М.: Эдиториал УРСС, 1999.

гимну, апелляция к Великой Отечественной войне как к моменту истины и связанное с этим представление об идеальной модели общества как о солдатах Родины. Одновременно сакральный пантеон жертв режима обойден вниманием. Фактически «сбережение» сводится к подмене истории выборкой из исторической памяти живущих поколений.

Претендуя на сбережение российской идентичности, без которой невозможно развитие российского общества, именно как специфически российского, сторонники консерватизма развивают идею неизменности культурных кодов и особых цивилизационных ценностей. В условиях динамично меняющейся Москвы, насквозь пропитанной космополитизмом, это влечет за собой скорее дезориентацию общества. Сама среда «голосует» не за мертвую неизменную идентичность и незбылемые культурные коды¹⁹, а за «живую» и мутирующую реальность. Наиболее «евразийская» часть Москвы, ее цивилизационное ядро – Московский Кремль, вполне удачно «мутировала» сначала из символа православия и наиболее архаичного государственного режима в символ атеистического светского и советского государства, над которым развивалось «красное знамя труда» и у стен которого покоились коммунистические вожди (антихристы), а затем в символ московского космополитизма и космополитичного консюмеризма. Последняя трансформация станет еще более очевидной, если российская власть решится покинуть стены Кремля и перебраться в новый федеральный центр в поселке Коммунарка.

Что же из идей консерваторов реально близко населению? Это действительно ощущение утраты, причем не столько культурных кодов, сколько реального социального порядка, обеспечивавшего гарантии, социальную защиту, определенность будущего и высокую самооценку. Значительная часть этих потерь связана с сужением поля действия универсальных социальных прав, а не специфических российских практик.

Национализм

Национализм как политическая платформа групповой консолидации может с наибольшим правом рассматриваться как идеология, поскольку и предлагает программу действия, и определяет ее потенциальный результат²⁰. Националистические идеи могли бы стать мощной мобилизационной силой, если бы сам национализм не был так внутренне неоднороден и не содержал враждебные друг другу течения.

1. *Государственный национализм*²¹ в полной мере представлен в программной статье Путина по национальному вопросу. Выступая вроде бы с либеральных и антинационалистических позиций, декларируя открытость внешнему миру, индивидуальные свободы и необходимость сильного гражданского общества, он одновременно представляет Россию как «многонациональную державу» с единственным «государствообразующим народом» – русскими, маскирует имперский шовинизм под патриотизм, требует ужесточения миграционной политики²². Принципиальным вопросом официального национализма является признание России наследницей СССР, а значит, и признание ее доминирующей роли среди постсоветских

¹⁹ Аналитическую критику этой позиции см.: Паин Э. Особый путь России. Инерция без традиций // Знамя. 2008. № 8; он же. Распутца. Полемические рассуждения о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009.

²⁰ Национализму посвящено огромное количество публикаций, рассматривающих этот феномен с очень разных теоретических и политических позиций. Наиболее полный критический обзор разновидностей национализма и подходов к их интерпретации и анализу дан в книге: Малахов В. Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом «Университет», 2010.

²¹ Эмиль Паин называет его «имперским национализмом», а Владимир Малахов – «этатизмом».

²² Вариантом имперского шовинизма («Россия для русских») является московский шовинизм, предполагающий правомерность тезиса «Москва для москвичей».

государств. Важным остается и подчеркивание мессианской роли России, несущей свет цивилизации (духовность, православие) и исполняющей свой долг сильного в защите слабых или испытывающих трудности «братских народов» (вроде исторического долга перед сербами или экономического долга перед Сирией или Ираком). Странники государственного национализма являются и сторонниками авторитарной модернизации, предполагающей технологический скачок без демократизации политических и социальных институтов.

2. К официальному национализму примыкают *театрализовано-гипертрофированный национализм Жириновского* с его преувеличенным милитаризмом и державничеством и *либеральный национализм*, который базируется на идее экономической гегемонии – либеральной империи. Либеральный национализм отличается от государственнического аналитичностью и отсутствием антизападной риторики. Это как бы космополитично-консервативное крыло национализма.

3. *Этноцентризм* диаспор, сформированных выходцами из республик бывшего СССР, ориентированный на поддержание национального самосознания, языка и коммуникативной среды. Его задачей часто является компенсация маргинальности и фрустрации мигрантов в новой (и часто враждебной) социальной среде.

4. *Антиколониальный (антиимперский) национализм* базируется на этноцентризме и включает в себя разновидности этнических национализмов народов России, в том числе и русских. Русский антиколониальный (антиимперский) национализм – это специфическое явление, заключающееся в переносе доминирующим этническим большинством на себя нарративов дискриминируемых меньшинств. Корни этого явления лежат еще в советском времени, когда возникли идеи геноцида русского народа и ущемленного поло-

жения русских, развиваемые сторонниками Национально-патриотического фронта «Память», а также о «малом народе», ведущем к гибели «большой»²³. Странники русского антиимперского национализма защищают идею России как национального русского государства, а не империи. Они скорее враждебны выразителям государственного национализма и *vice versa*, поскольку создать русское государство можно, лишь окончательно развалив остатки империи. Они не держатся за современную территорию, границы и гегемонию на постсоветском пространстве. Антиимперский национализм имеет довольно значимую социальную поддержку. Согласно опросу ФОМ, лозунг «Хватит кормить Кавказ» поддерживает 47% электората «Единой России», 51% – КПРФ и 58% – ЛДПР, и почти четверть респондентов мотивировало свой ответ ущемленным положением русских и «дерусификацией» страны²⁴. Близкие оценки дает и «Левада-центр». В поиске корней и традиций антиимперский национализм апеллирует к церкви, но в его сакральный пантеон входят и языческие племенные божества.

5. *Национал-большевики (нацболы) и социал-националисты* являются профессиональными оппозиционерами, выступающими против существующей власти. В этом движении идеи стихийной свободы, анархии и отрицания государства соединяются с идеями сильной власти и возрождения империи. Радикальная революционность делает нацболов привлекательным для молодежи, особенно маргинальной. Это течение в национализме, как и его антиимперская ветвь, нуждается в космополитизме, выступающем за универсальные демократические свободы и права. Без космополитизма, несмотря на все экстравагантности, они просто выпали бы из публичной сферы и остались бы на периферии информационного поля.

²³ См., напр.: Шафаревич И. Русофобия // Наш Современник. 1989. № 6–9.

²⁴ Митинги «Русский марш» // ФОМ. Доминанты. 2011. 17 ноября. № 46. С. 30–33.

Советизм

Это квазиидеология, исповедуемая российскими коммунистами. Понятие «советизм» ввел Александр Зиновьев, имея в виду воспроизводство советских практик в изменившихся социальных условиях²⁵. Социальной опорой советизма является «советский человек», которого Юрий Левада определил как человека массовидного («как все»), деиндивидуализированного, противопоставленного всему элитарному и своеобразному, примитивного по запросам (уровень выживания), неизменяемого, доступного для контроля и подчиняющегося простым механизмам управления²⁶. Этот «тип личности» продемонстрировал высокую адаптивность, воспроизводя в новых условиях такие качества, как двойная мораль в отношениях с государством, сочетающая послушность (зависимость) и неподчинение, осознание своей особенности, выродившееся в смесь спеси («новый человек», «таких не было», «лучше других») и страха перед сложным современным миром, склонность к изоляционизму и отказ от критического сравнения с другими, уравнивательный эгалитаризм²⁷.

К этому типу личности апеллирует КПРФ, которая всегда имела достаточно прочные позиции в Москве. Идеи нынешних коммунистов базируются на представлении о социальной справедливости в ее советском воплощении: социальные гарантии в обмен на политические свободы. Их аргументы во многом повторяют используемые консерваторами и националистами. Для них характерно изображение большевистских вождей в качестве строителей новой российской государственности, особенно окрепшей при Сталине, и трансформация марксизма-ленинизма в аутентичное национальное мировоззрение. Лидеры коммунистов демон-

стрируют свое православие и рассуждают о соборности. При этом лояльность к церкви сочетается с пиететом перед советскими символами и вождями, включая и наиболее спорные фигуры. Заявляя о патриотизме, коммунисты стоят на позициях этатизма, а о социальной справедливости и социальных правах – космополитизма. «Новые левые» также балансируют на этой грани, но, ощущая слабость и утопичность космополитизма в вопросах нацистроительства и отсутствие сильных мобилизующих и консолидирующих идей, они, смотря по ситуации, примыкают и к националистам разных мастей.

Идейные расколы в пространстве Москвы

Увидеть пространственные расколы в городе, связанные с различиями в мировоззрении, позволяют результаты последних президентских выборов, поскольку кандидаты на высший государственный пост представляли все описанные идейно-политические платформы.

Очертания «Москвы космополитической» и «Москвы советской» отчетливо проступают при сравнении числа голосов, поданных за лидера «Гражданской платформы» Михаила Прохорова и лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Эти кандидаты получили равную электоральную поддержку – 20,45% и 19,18% голосов, но их популярность в разных районах города существенно варьировала. Места проживания сторонников гражданских ценностей вполне ожидаемо коррелировали с ареалом расселения наиболее образованного населения Москвы, вовлеченного в постиндустриальную экономику. Мировоззренческая граница между Москвой космополитической и приверженной советским представлениям проявляется еще отчетливее, чем экономическая граница между

²⁵ Зиновьев А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, ЭКСМО, 2006.

²⁶ Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х. Отв. ред. Ю. Левада. М.: Мировой океан, 1993. С. 8.

²⁷ Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: МШПИ, 2008.

Москвой индустриальной и постиндустриальной. Сравнение результатов серии выборов за предшествующие годы показало, что сообщество лиц, разделяющих гражданские ценности в Москве, расширило свои пространственные границы. Напротив, сообщество москвичей, поддерживающих дискурс советизма, сохранилось преимущественно на окраинах города, утратив свои позиции в центре и на юго-западе.

Карту консервативной Москвы рисует голосование за Владимира Путина. Конечно, поддержка его населением не может быть объяснена только мировоззрением. Московская политическая культура отличается существенной дозой конформизма²⁸. Гипноз власти и административные ресурсы влияют на выбор москвичей сильнее, чем политические аргументы, а прямые фальсификации вносят дополнительные искажения в реальную картину. Тем не менее идеологию нельзя сбрасывать со счетов. В ходе избирательной кампании Путин активно использовал консервативно-охранительные идеи, представление об «особом пути России», исключительности страны и народа, внешних и внутренних врагах. Наибольший отклик это находило в душах жителей индустриальных и гипериндустриальных районов Москвы, которые и обеспечивают «контрреформационный реванш» (в терминах Цымбурского) индустриального общества в постиндустриальном. Поэтому Москва консервативная, Москва просоветская и Москва националистов частично совпадают не только в поле дискурса (советизм солидарен с консерватизмом в части больших «побед» и патернализма, а национализм – в части исключительности и самобытности), но и в пространстве города. Районы наиболее радикальных настроений электората являются и районами,

обеспечившими большинство голосов Путину и не приемлющими кандидатов от гражданской оппозиции. Фактически можно констатировать, что мировоззренческий раскол в обществе обретает черты пространственной сегрегации.

Помимо политического выбора, индикаторами пространственных расколов в городе служат этнокультурное разнообразие жизни его районов, степень свободы самовыражения, легкость установления контактов, общения и взаимопонимания. Сетевые принципы организации социальной жизни предполагают наличие мест встреч и информационных обменов. Остановлюсь лишь на анализе сети кафе и ресторанов, рассматриваемых не только как инфраструктура питания, но и как инфраструктура общения.

Наибольшую активность в посещении кафе и ресторанов демонстрирует молодая часть среднего класса Москвы. Согласно маркетинговым исследованиям, московская молодежь посещает подобные заведения в четыре раза чаще пятидесятилетних, оставляя там более 4% своего бюджета. Для сравнения, парижане тратят на кафе и рестораны немногим более 5%²⁹. То, что для представителей среднего класса Москвы и Парижа данный сервис имеет сравнимую важность, свидетельствует о сходстве стиля повседневной жизни. На первый взгляд Москва не испытывает недостатка в кафе и ресторанах, рассеянных по всем районам и сконцентрированных возле станций метро. На их размещение влияют как законы территориального маркетинга – «бойкость места», конкуренция и кластеризация сходных видов бизнеса, так и спрос населения. И именно последний фактор определяет качество и разнообразие предлагаемого сервиса. В центре и западной части города преобладают об-

²⁸ Козлов Н. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными // Полис. 2008. № 4. С. 8–26.

²⁹ См.: Стиль жизни среднего класса. Аналитический отчет. Quans Research. 2011. Весна [<http://www.quans.ru/portfolio/ownprojects/mc/>]. Сравнительные данные о ситуации в крупнейших мегаполисах мира можно почерпнуть на национальных статистических сайтах. Данные о Париже опубликованы на сайте Institut national de la statistique et des etudes economiques [<http://www.insee.fr>].

щедоступные кафе, рестораны, бары и закусовые, а в восточной – столовые и кафе, находящиеся на балансе учебных заведений, организаций и промышленных предприятий. Несколько утрируя, можно сказать, что космополитичная Москва встречается в кафе, а советская и консервативно настроенная – в столовых. География кафе и ресторанов дает основание предположить, что в городе идет довольно активная диффузия космополитичного образа жизни за пределы собственно космополитичной Москвы, идентифицируемой как глобальный город. Но Москва консервативная и советская по-прежнему сохраняют свои территориальные позиции на окраинах, ослабевая лишь в районах, примыкающих к проспекту Мира.

Если оценить соотношение сил, то надо признать, что условно консервативную Москву (евразийскую, советскую, контрреформационную и националистическую) представляет больше людей и их идеалы выражают первые лица города и государства. У них в руках административные и финансовые ресурсы. Космополитичная Москва менее представительна, но более привлекательна в социальном и экономическом отношении, она использует выгоды глобализации, административные ресурсы и инвестиции для обустройства своей среды и гражданскую активность в отстаивании своих интересов.

Эти две Москвы мирно сосуществуют благодаря неустойчивому балансу сил и интересов. Как долго он может сохраняться?

Власть сделала ставку на этатизм, советизм, патриотизм и православие. Но пример Москвы показывает, что это приводит к углублению раскола в обществе, а не объединению. Противопоставление патриотизма космополитизму³⁰ оказывается неприемлемым для значительной части населения Москвы, которое чувствует себя патриотами страны и города, но космополитично по своим привычкам, ценностям и ожиданиям. В контексте этого противоречия я хотела бы вернуться к тезису Лефевра о «праве на город» и необходимости коллективной борьбы, позволяющей его реализовать. Право москвичей на Москву означает необходимость не гражданской войны консерваторов и космополитов, а борьбы за патриотизм (одновременно московский и российский), открытый для универсальных солидарностей, против закрытого патриотизма нынешней власти, постоянно рискующей свалиться в национализм в духе «Россия для русских» и «Москва для москвичей». Такая борьба небезнадежна, поскольку город в силу самоорганизации населения движется по этому пути, несмотря на непоследовательность административных решений (часто лицемерных) и проводимую политику.

³⁰ Как сказал В. Путин в своей речи во время предвыборного митинга в Лужниках, «мы просим всех не заглядывать за бугор, не бегать налево, на сторону и не изменять своей Родине, а быть вместе с нами, работать на нее и ее народ и любить ее так, как мы – всем сердцем» (РИА Новости. 2012. 23 февраля [http://ria.ru/vybor2012_putin/20120223/572995366.html]).

Интеграционная политика в современном мегаполисе (на примере Санкт- Петербурга)

Миграции являются неотъемлемой и наиболее значимой составляющей глобализации. Государства-реципиенты все чаще сталкиваются с проблемой увеличения фрагментарности социальной ткани, сопровождающейся актуализацией этнорелигиозной идентичности в ряде групп иммигрантов в противовес идентичности общегражданской. Одним из факторов является отсутствие эффективных механизмов регулирования масштабной транснациональной миграции и особенности социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, преимущественно выходцев из мусульманских стран и регионов. На государственном уровне решить проблему растущей поляризации общества пытаются в том числе посредством усиления интеграционной политики.

К четырем основным направлениям политики интеграции мигрантов можно отнести следующие (В.А. Ачкасов)¹:

- инструментальная интеграция (знание языка страны пребывания, социальной инфраструктуры, имеющихся предложений для мигрантов в сфере услуг);
- экономическая интеграция, осуществляемая через доступ к рынку труда, системе повышения квалификации или переквалификации и образованию в целом;
- культурная интеграция (приобщение и восприятие мигрантами базовых элементов культуры принимающего об-

*Марья Сергеевна Розанова,
кандидат философских наук,
председатель правления Санкт-
Петербургской общественной
организации «Центр гражданских
инициатив СТРАТЕГИЯ», директор
Центра межкультурного диалога
и сопровождения социокультурной
интеграции Государственного
университета морского и речного
флота имени адмирала С.О. Макарова,
former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow*

¹ О бытии и сознании (интервью с профессором В.А. Ачкасовым) // «Эксперт Северо-Запад». 2012. 24 сентября. № 38 (584).

щества (идей, ценностей, норм поведения, его институтов и истории);

- социальная интеграция (натурализация мигрантов, разрушение барьеров между группами мигрантов и социальными группами принимающего общества, налаживание контактов между представителями различных социальных групп).

Основной площадкой для реализации мер по адаптации и интеграции мигрантов выступают города-мегаполисы. Именно туда «устремляется основной поток мигрантов, именно на муниципальном уровне возникает больше всего проблем и конфликтов, с этим связанных, и именно здесь должны изыскиваться наиболее эффективные способы их решения»².

В России наиболее успешным примером региональной миграционной и интеграционной политики является Санкт-Петербург.

Опыт взаимодействия с мигрантами в Санкт-Петербурге

В середине XX века Санкт-Петербург столкнулся с проблемами, сопутствующими развитию большинства европейских городов с многомиллионным населением: повышенная смертность, низкий уровень рождаемости и преобладание однодетной семьи, высокий удельный вес лиц старшего возраста, суженный тип воспроизводства населения³.

В Санкт-Петербурге всегда преобладал «механический» путь воспроизводства населения⁴. Прирост его

численности осуществлялся только за счет миграционных потоков. Несмотря на некоторое улучшение количественных показателей рождаемости на сегодняшний день по сравнению с 90-ми годами, ситуация с воспроизводством населения в Петербурге все еще остается тревожной. Острейшая демографическая проблема – крайне низкая общая продолжительность жизни, во многом обусловленная высоким показателем смертности граждан (особенно мужчин) трудоспособного возраста. По прогнозным расчетам, в 2026 году доля пожилых людей в общей численности населения Санкт-Петербурга составит 29%⁵.

Количественные показатели коррелируют и с качественными показателями состава населения Санкт-Петербурга.

С самого своего основания город развивался как многонациональный и поликонфессиональный. Однако говорить о культурном и национальном разнообразии как сущностной черте послереволюционного, а тем более современного Петербурга нужно с очень большой осторожностью: «Абсолютное большинство населения города всегда составляли русские, но представителей других национальностей в Петербурге никогда не было менее 6% (примерные данные первой четверти XVIII века)... В конце 1980-х годов в почти пятиmillionном Ленинграде проживало 89% русских, а 11% горожан, или 550 тыс. человек (из них менее 4 тыс. человек не назвали свою национальную принадлежность), принадлежали почти к 130 другим национальностям»⁶. Согласно всероссийской переписи населения 2002 года, в

² Там же.

³ Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР / Под ред. Н. Римашевской. М., 1981. С. 182.

⁴ Под воспроизводством населения понимается его естественное движение, т. е. последовательная смена поколений людей на основе рождаемости и смертности, а также «их движение в "демографическом пространстве", то есть переход поколений из одной возрастной группы в другую с постепенным уменьшением их исходной величины» (Рыбаковский Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987. С. 11, 13).

⁵ См.: [<http://gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/trud/pogiloi>].

⁶ Смирнова Т. Петербург – наш общий дом. Национальный состав населения: динамика и тенденции // Материалы круглого стола «Межнациональный диалог: роль молодежи». СПб., 2007. С. 36.

Санкт-Петербурге было зафиксировано 170 различных национальностей; славяне (русские, украинцы, белорусы, поляки, болгары, сербы, чехи, словаки) оказались самой многочисленной группой народов, совокупная численность которых находилась в пределах 4,1 млн человек (88% населения), из них русских – 84,8%⁷.

После распада СССР новое государство столкнулось с изменением этнокультурного состава населения в различных регионах. В Санкт-Петербурге этот процесс характеризуется усложнением этнического состава и сопровождается существенными изменениями сложившегося на протяжении XX века баланса этнических групп. Тамара Смирнова указывает на следующие важные факторы данной ситуации: «1) уменьшилась численность “старого” городского населения и быстро выросло “новое” – мигранты эпохи распада СССР и смены социально-экономических отношений; 2) на 500 тыс. снизилась численность основной национальной группы населения – русских, которые составляют теперь менее 85% всего населения, – при одновременном росте других этнических групп, совокупная численность которых составила 712 тыс. (более 15% населения); 3) усилилась национальная пестрота населения: в Петербурге уже более 170 разных национальностей; 4) намного (от трети до двух третей) уменьшилась численность наиболее крупных и укорененных в Петербурге национальных меньшинств – украинцев, белорусов, евреев, татар; 5) образовались ранее не характерные для города этнические диаспоры (китайцы, японцы, вьетнамцы, афганцы, африканцы и др.); 6) произошел заметный рост постоянного и временного населения

Петербурга – выходцев с Кавказа и из Средней Азии; 7) увеличился культурный разрыв между “старым” и “новым” населением города, дополненный и актуализированный этноконфессиональными различиями; 8) возникло явление временной массовой трудовой миграции, преимущественно нелегальной, из “ближнего зарубежья”»⁸.

Квота Санкт-Петербурга на привлечение легальной иностранной рабочей силы с каждым годом увеличивается и уже составляет порядка 200 тыс. человек в год. Но по факту количество мигрантов (легальных и нелегальных) значительно выше. С середины 2000-х годов постепенно меняется структура миграционного потока: снижается доля трудовых мигрантов из Украины и Китая, лидерами становятся страны Средней Азии (Узбекистан и Таджикистан) и Закавказья⁹. Конфессиональный состав также меняется: около половины мигрантов исповедуют ислам или являются выходцами из мусульманских стран. 70% трудовых мигрантов приезжают из небольших городов и сел, а не из крупных и крупнейших городов и столиц, как раньше. Замечено понижение образовательного уровня мигрантов: половина вновь прибывших не имеет профессионального образования. Снижается процент мигрантов, владеющих русским языком на уровне выживания¹⁰.

Еще в советский период отмечались самые низкие показатели миграции в тех регионах, которые служат основными донорами мигрантов в настоящее время. Советские демографы констатировали существенные различия коэффициентов миграционной подвижности в различных регионах в сравнении со средними показателями в РСФСР:

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Смирнова Т. Указ. соч. С. 39.

⁹ До трех четвертей всех мигрантов, прибывающих в РФ из государств СНГ, составляют мигранты из стран Средней Азии и Закавказья (Бойков В. Влияние миграции населения на социальные процессы // Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. Ростов-на-Дону, 2008. С. 34).

¹⁰ Из выступления Е. Тюрюкановой на заседании Научного совета Федеральной миграционной службы в Москве 10 апреля 2009 года.

«Наиболее низкие коэффициенты – у узбеков и таджиков (в три раза ниже и более) и у коренного населения республик Средней Азии и Закавказья, особенно проживающего в сельской местности (в 4–7 раз ниже, чем в РСФСР), на фоне высоких показателей естественного прироста»¹¹. Самые высокие показатели фиксировались в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, в то время как доля мигрантов в населении Закавказья и Средней Азии составляла всего 11–14%¹². Более того, отдельно подчеркивалось, что сельское население в среднеазиатских республиках (также это касалось республик Закавказья и Северного Кавказа) «не только не переселяется в другие районы страны, но и очень слабо участвует во внутривнутриреспубликанской миграции, играя незначительную роль в пополнении рабочей силой собственных городов и новых ТПК. ... к началу 80-х годов, например, на предприятиях Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса доля таджиков составляла только 20%, а остальные 80% работников прибыли из других районов, причем треть – из Сибири и Дальнего Востока»¹³.

Таким образом, исторически даже в рамках проживания в многонациональном советском государстве представители целого ряда республик так и не приобрели опыта существования в инокультурной полиэтнической среде: они не обладают навыками межкультурной коммуникации, многие с трудом адаптируются к правилам функционирования развитых мегаполисов. Это способствует изоляции групп мигрантов с перспективой «геттизации», что затрудняет дальнейшую их интеграцию.

Объективная оценка современной ситуации в сфере межнациональных

отношений в Санкт-Петербурге свидетельствует о наличии нетерпимости, которая держится на стабильно высоком уровне¹⁴.

Для изменения ситуации в области межнациональных отношений в 2006 году правительством Санкт-Петербурга была утверждена Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы «Толерантность» (далее – программа «Толерантность-1»). По сути, она определила политику в сфере межнациональных отношений в Петербурге на четыре года. Ценно то, что данная программа была ориентирована на снижение степени распространенности негативных этнических установок и предрассудков в молодежной среде, консолидацию многонационального населения Санкт-Петербурга на основе начал гражданской идентичности, создание условий для утверждения принципов толерантности во всех сферах межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Однако имевшиеся методы и технологии решения столь важных задач вряд ли могли гарантировать их достижение.

«Толерантность-1»: концептуальные основы, механизмы реализации и результаты

Изначально в программе четко прослеживались линии разрывов между целями/задачами, механизмами реализации (план мероприятий и размеры финансирования) и ожидаемыми результатами. Концептуально она базировалась на принципах либерального мультикультурализма, что подтверждает тот факт, что

¹¹ Рыбаковский Л. Указ. соч. С. 40–41.

¹² Там же. С. 38.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ ВЦИОМ в 2008 году фиксирует наибольшее число тех, кто выступает за ужесточение миграционного законодательства, именно в мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург. Их число достигает 67%. См.: [http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10289.html?no_cache=1&cHash=bc347dcb84]; [http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10319.html?no_cache=1&cHash=e052ea171f].

в целевую группу, на которую рассчитано ее действие, фактически не были включены мигранты. В этом отношении программа носила односторонний характер. В ней декларировалось, что преодолению подлежит «межэтническая и межконфессиональная враждебность и нетерпимость». Однако в качестве основных методов преодоления данных негативных тенденций были выбраны культурно-массовые мероприятия преимущественно для «коренных» жителей (главным образом молодежи). Конечно, это может объясняться тем, что скорость интеграции мигрантов зависит не только от уровня их образования или степени социально-экономического развития принимающего сообщества. Далеко не последнюю роль здесь играет открытость общества по отношению к мигрантам. Исследования социологов Александра Алейникова и Рубена Румбаута подтвердили, что то, как принимающее общество встречает мигрантов, определяет их дальнейшее поведение; последнее, в свою очередь, влияет на то, как общество встречает новых мигрантов¹⁵. Поэтому обучение местных жителей толерантному поведению – задача первостепенной важности.

Но неправомерно предполагать, что нетерпимость присуща исключительно коренным жителям Санкт-Петербурга. Значительная часть мигрантов не имеет опыта проживания в полиэтничной среде: в основном это выходцы из более традиционных закрытых обществ, в которых принятие иных взглядов и уклада жизни, равно как и уважительное отношение к другим культурам, не всегда самоценно. Следует отметить отсутствие масштабных социологических исследований по определению уровня нетерпимости в среде легальных и нелегальных мигрантов из зарубежья, а также мигрантов из национальных республик РФ. И даже те важные для экспертов данные, которые получены при

поддержке городских структур, имеют назначение «для служебного пользования» и не подлежат обнародованию (к примеру, исследования диаспор, проводимые Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга). По приблизительным данным, «свыше трех четвертей мигрантов с Кавказа имеют устойчивую установку на сохранение своей культуры, строгое соблюдение этнических обычаев и ритуалов, т. е. у них нет установки на аккультурацию, т. е. освоение новых культурных ценностей и моделей поведения, заимствованных в результате контактов с другим этническим сообществом (русскими)»¹⁶. Тревожный сигнал здесь – зарождение «реверсивного» этнонационального экстремизма.

Задача комплексной интеграции мигрантов и их адаптации не являлась приоритетной в программе «Толерантность-1» и не была подкреплена комплексом соответствующих мероприятий. Об адаптации и интеграции мигрантов лишь формально упоминается в п. 4 («Программные методы достижения цели и решения задач»): «Разработка и реализация социальных проектов, содействующих интеграции мигрантов в петербургское сообщество и обеспечивающих удовлетворение этнокультурных и религиозных потребностей граждан». Вовсе не упоминаются мигранты в п. 5 перечня мер поэтапной реализации программы.

Показательно, что о взаимодействии с мигрантами подробно говорится только в разделе 6: «Совершенствование механизмов обеспечения законности и правопорядка в сфере межнациональных отношений в Санкт-Петербурге. Содействие адаптации и интеграции мигрантов в культурное и социальное пространство Санкт-Петербурга». Таким образом, тесно увязаны между собой вопросы законности и правопорядка, которые изначально относятся к компетенции силовых структур, и воп-

¹⁵ Aleinikoff A., Rumbaut R. Terms of Belonging: Are Models of Membership Self-Fulfilling Prophecies? // Georgetown Immigration Law Journal. 1998. Vol. 13. Issue 1.

¹⁶ Ачкасов В., Ачкасова В., Ланцов С. и др. Ксенофобия в современном мире. СПб., 2008. С. 115–116.

росы адаптации и интеграции мигрантов. Если соотнести название раздела и его содержание, то получается, что под адаптацией и интеграцией мигрантов понимаются меры правового и силового характера. Это подтверждает общую тенденцию, в рамках которой мигрантами занимаются на уровне государственной власти в большей степени силовые структуры, включая Федеральную миграционную службу, также подведомственную Министерству внутренних дел РФ.

Основные утвержденные мероприятия программы – мониторинги, статистические исследования, культурно-массовые мероприятия. Несмотря на значимость всей этой деятельности, неоднозначную оценку вызвало распределение финансовых средств на реализацию комплексных мер программы (основное финансирование было заложено на фестивали, выставки, концерты, общегородские праздники, социальную рекламу на улицах Санкт-Петербурга). Например, возникали вопросы о том, какой процент «неопределившейся» или негативно настроенной молодежи, т. е. самой сложной категории, реально затронула Программа, и о том, мог ли повлиять комплекс аналитических обзоров, мониторингов и публичных культурно-массовых мероприятий, которым отдавалось предпочтение, на жизненный выбор, расстановку ценностных приоритетов каждого конкретного молодого жителя Санкт-Петербурга.

Дать объективную оценку реализации программы «Толерантность-1» очень сложно. Во-первых, до сих пор

четко не выработаны критерии оценки эффективности подобных программ. Во-вторых, как показал опыт других стран, процесс интеграции мигрантов в принимающее общество, который включает как социокультурный, так и экономический аспект, занимает длительный период и может выходить за временные рамки действия программы. Однако в целом можно констатировать, что предусмотренные мероприятия, большая часть которых носила культурно-массовый характер¹⁷, конечно, не могли повлиять на преобладающее негативное отношение к мигрантам и показатели криминогенной обстановки (преступления на почве национальной, религиозной ненависти и розни)¹⁸, поскольку были направлены на устранение не столько причины напряженности, сколько ее последствий.

«Толерантность-2»: новые подходы к взаимодействию с мигрантами

В Санкт-Петербурге четко отслеживаются новейшие мировые тенденции и практики миграционной и интеграционной политики. Учитывается европейский опыт постепенного перехода к концепции коммунитаристского мультикультурализма (с элементами ассимиляции), практика которого позволяет устанавливать культурные ограничения, чтобы обеспечить «общность судьбы» народа и защитить национальную идентичность. В целом в городе имеются позитивные изменения в сфере региональной интеграционной политики. Признается ее значимость, утверждает-

¹⁷ Массовость мероприятий очень условна. На конец 2008 года, по данным Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, не более 18% жителей имели о них представление. Количество участников локальных и массовых мероприятий во всех районах города также находилось на низкой отметке в 3–4% (в среднем 3% жителей города посетили лекции, семинары, круглые столы и тренинги, 4% присутствовали на театральных постановках и концертах, побывали на выставках).

¹⁸ По словам петербургского вице-губернатора Валерия Тихонова, на фоне значительного снижения общих показателей подростковой преступности в Санкт-Петербурге показатели преступлений экстремистского характера, совершаемых в подавляющем большинстве молодыми людьми, снизились только на одну десятую (см: *Полежаев Е.* Мигрантов научат жить по-питерски // *Невское время.* 2008. 2 апреля). По мнению заместителя прокурора Санкт-Петербурга Алексея Маякова, статистические данные выглядят совсем пессимистично: в 2008 году в городе «зафиксировано 16 преступлений по национальным мотивам, в 2007 году их было 10» (см.: *Молчанова И.* Почему в Петербурге растет иностранная преступность // *Ваш тайный советник.* 2009. 12 января).

ся необходимость использования профилактических мер для борьбы с негативными явлениями в среде мигрантов. Научным сообществом совместно с профильными органами государственного управления Санкт-Петербурга была разработана новая Программа гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011–2015 годы («Толерантность-2»).

Главным показателем эффективности ее реализации, учитывая национальный состав Санкт-Петербурга, является реальное укрепление петербургской идентичности, основанной на сочетании принципа культурного плюрализма и эмпирической многокультурной целокупности людей, исторически объединенных общими ценностями преимущественно европейского характера.

Программы «Толерантность-1» и «Толерантность-2» различаются не только методологическими подходами, но и концептуально. В основе новой программы лежит установка на интеграцию мигрантов, а комплекс ее мероприятий весьма отличается от предыдущей программы. Значительное финансирование выделено на программы петербурговедения и музейных образовательных программ «Мой Петербург» в рамках системы дополнительного образования учащихся школ, организацию системы обучения учащихся-инофонов русскому языку как неродному, курсы для мигрантов по изучению русского языка как неродного, истории и культуры Санкт-Петербурга, курсы изучения русского языка, российской культуры, истории и этики поведения для социокультурной адаптации иностранных студентов и др. Однако интеграционная составляющая программы не носит комплексный характер и сводится к направлениям культурной и инструментальной интеграции, что в итоге не может гарантировать ее высокую результативность.

Роль религиозного фактора в определении прогностического потенциала интеграционных процессов (на примере опыта стран Европы)

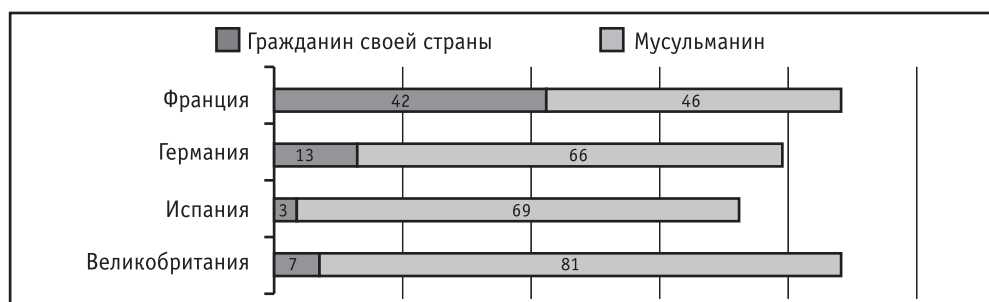
Серьезной проблемой может быть недооценка религиозного фактора в формировании петербургской надэтнической идентичности, несмотря на то, что в городе проживает, по разным подсчетам, порядка 20% мусульман. Поскольку Петербург тяготеет по ментальности жителей к западной цивилизации, рано или поздно именно в данном субъекте РФ могут обостриться те противоречия, которые накоплены в отношениях между мигрантами из числа представителей мусульманских общин и принимающим обществом стран Запада. Анализ мировых миграционных и интеграционных процессов и их последствий обладает существенным прогностическим потенциалом, поскольку Россия отстает в этом отношении от западных стран примерно на три декады. В этой связи чрезвычайно важным при выработке миграционной и интеграционной политики Санкт-Петербурга является исследование опыта стран-реципиентов и интеграционного потенциала мигрантов из числа мусульман. В государствах Европы в конце прошлого столетия разнородный контингент мигрантов из разных стран с доминированием мусульманского населения стал рассматриваться не в категориях расы или этничности, а в категории вероисповедания. В рамках интеграционной политики особое внимание уделяется интеграции выходцев из мусульманских регионов.

Сравнительный анализ самых общих тенденций в процессе интеграции мусульман в европейских странах и США может частично подтвердить и частично опровергнуть общее представление о том, что «исламский фактор» имеет значение. На Западе сложности культурной интеграции через десегрегацию мусуль-

Таблица 1. Характеристики личности, ассоциируемые с носителями ислама и представителями стран Запада

Общие характеристики	Мусульмане о представителях западного мира	Представители стран Запада о мусульманах
Эгоистичный	68	35
Жестокий	66	50
Жадный	64	20
Безнравственный	61	23
Высокомерный	57	39
Фанатичный	53	58
Уважительно относится к женщинам	44	22
Честный	33	51
Толерантный	31	30
Щедрый	29	41

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (%)

манского населения связаны с языковым барьером, ярко выраженными различиями культуры и норм поведения, а также сформировавшимся в странах исхода негативным восприятием ценностей западного мира. Об этом свидетельствуют данные опроса, который проводился в 2011 году (табл. 1)¹⁹. В нем принимали участие респонденты из мусульманских стран (Пакистан, Индонезия, Турция, Египет, Иордан, Палестина, Ливан) для характеристики представителей западного мира, а также представители России, европейских стран (Германия, Франция, Великобритания, Испания) и США из числа немусульманского населения для характеристики мусульман.

Более половины опрошенных в мусульманских странах крайне негатив-

но характеризуют носителей западных ценностей и менее половины связывают такие качества, как уважительное отношение к женщине (хотя это открытый вопрос, насколько данное качество оценивается как положительное в контексте мусульманского общества), честность, щедрость и толерантность, с представителями Запада. Это контрастирует с данными, полученными от представителей западных принимающих стран. Они характеризуют представителей ислама значительно более позитивно.

Мусульмане большинства европейских стран признают особое значение религиозных норм в повседневной жизни. Более того, они склонны идентифицировать себя в первую очередь со своей религией (табл. 2)²⁰, а также со страной исхода²¹.

¹⁹ Muslim-Western Tensions Persist (2011). Report of the Pew Global Attitudes // [www.pewglobal.org] 2012. May 4.

²⁰ Muslims in Europe: Economic Worries Top Concerns About Religious and Cultural Identity // Pew Research Global Attitudes Project. [www.pewglobal.org] 2006. July 6.

²¹ Johnson T. Europe: Integrating Islam // The Council on Foreign Relations. [www.cfr.org] 2012. March 4.

Во многом подобная самоидентификация обусловлена спецификой современных мусульманских стран-доноров. Данные свидетельствуют о несформированности у их жителей гражданской идентичности и идентификации последних в большей степени с исламом²².

Следование нормам ислама и традиционного общества является одной из отличительных черт европейских иммигрантов из мусульманских стран и способствует нарастанию интолерантного отношения со стороны принимающих сообществ. В Европе настороженное отношение к исламу и демонстративное отторжение его приверженцев во многом обусловлено исторической трансформацией взаимоотношений государства и религии, а также официальной позицией правительств европейских стран, старательно проводящих демаркационные линии между этими институтами. На этом фоне мусульмане олицетворяют собой символы архаичного прошлого, воспринимаемая как противники современного уклада жизни и европейских ценностей.

Краткие итоги

Несмотря на значительные усилия, которые предпринимаются правительством Санкт-Петербурга по разработке и реализации эффективной миграционной/интеграционной политики в мегаполисе, дальнейшие ее успехи во многом будут зависеть от федеральной миграционной политики. Выполнение всего комплекса интеграционных мер на городском уровне (особенно в рамках экономической и социальной интеграции) не представляется возможным.

Резюмируя, важно отметить, что сегодня в России, как и в европейских странах, современная интеграционная политика не в состоянии решить проблему адаптации и интеграции ог-

ромных масс иммигрантов / транснациональных мигрантов и их потомков, особенно если они являются представителями мусульманских диаспор. Процесс перехода к современной коммунитаристской модели взаимодействия с мигрантами, к которой постепенно склоняются страны Западной Европы, США и России (в частности, на примере Санкт-Петербурга), может быть серьезно осложнен рядом факторов. Во-первых, на практике не учитывается тот важный факт, что мигранты – «скорее акторы, чем объекты, на которые принимающее сообщество направляет свои усилия»²³. Как замечает Блэр Рубл, с одной стороны, сами мигранты – это не «пластичные объекты», которые можно изменять, заново конструируя социокультурную идентичность, с другой – в самом принимающем сообществе очень сложно в эпоху глобализации и постоянно корректирующейся идентичности определить и структурировать основной перечень качественных показателей, характеризующих ценностную структуру социума, а также социальные нормы, стиль общения, поведенческие коды²⁴. Но даже несмотря на амбивалентность процессов культурного влияния, от мигрантов требуется расширение узкого репертуара этнорелигиозной идентичности, лояльность формализованным институтам политического управления и предельная терпимость ко многим нормам, несовместимым с традиционным укладом, а от членов принимающего сообщества – более высокая степень открытости и толерантности. Данная сложная модель гармонизации межкультурных отношений может быть эффективно осуществлена только при тесном взаимодействии федеральной и региональной властей и при условии последовательной реализации всех направлений интеграционной политики.

²² См.: Muslim-Western Tensions Persist (2011).

²³ Immigration and Integration in Urban Communities: Renegotiating the City / Eds. Lisa M. Hanley, Blair A. Ruble, Allison M. Garland. Johns Hopkins University Press, 2008. P. 2.

²⁴ Там же.

Александр Борисович Окунь,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений
Самарского государственного
университета, former Fulbright-Kennan
Scholar

«Я предпочел бы быть гражданином деспотической России...»: Ричард Гринер – первый американский консул во Владивостоке

Традиционно изучение проблем истории межгосударственных и, если брать шире, международных отношений сосредотачивается на истории дипломатии, различных институций, деятельности крупных политических фигур. Судьбы рядовых участников международной и межкультурной коммуникации при этом зачастую остаются вне поля зрения, хотя они изобилуют интереснейшими сюжетами и являются важнейшим элементом этих отношений. Да и среди этих формально не самых влиятельных персонажей нередко встречаются выдающиеся личности. Об одной из таких личностей и пойдет речь в данной статье.

Имя Ричарда Теодора Гринера (1844–1922) практически неизвестно в России и малоизвестно в современной Америке. Тем не менее он являлся одной из наиболее примечательных фигур в общественной жизни США второй половины XIX века. Некоторые из современников считали его самым одаренным афроамериканским интеллектуалом своего поколения. У. Дюбуа включил его в число представителей «талантливой десятой части», «черной аристократии таланта и характера», призванной возглавить и просветить чернокожих американцев¹. Гринер стал первым черным выпускником Гарварда в 1870 году и сделал успешную академическую карьеру. В течение следующих двух десятилетий

¹ Du Bois W.E.B. The Talented Tenth // Washington B.T. et al. The Negro Problem. New York, 1903. P. 34, 45.

он был одним из лидеров аболиционистского движения и борьбы за доступ черных американцев к образованию наряду с такими известными фигурами, как Ф. Дуглас, У. Дюбуа, Б.Т. Вашингтон. Позднее он занимался политической деятельностью, принимал участие в различных избирательных кампаниях, а в июле 1898 года был назначен первым американским консулом во Владивостоке и оставался в этом качестве до 1905 года. Дипломатическая служба в России стала высшим пунктом политической и общественной деятельности Гринера, но вместе с тем имела весьма противоречивые последствия для его дальнейшей жизни.

Собственно вся жизнь Гринера была отмечена противоречиями, характерными для американского общества. В его биографии нашли отражение все основные социальные, расовые, политические конфликты второй половины XIX века в США. Его дед по отцовской линии Джейкоб Гринер был хорошо известен своей просветительской деятельностью среди черного населения Балтимора. Его отец Ричард У. Гринер служил матросом на флоте, и Ричард-младший однажды совершил с ним плавание в Ливерпуль. Другой дед (по материнской линии) был испанцем из Вест-Индии, что объясняло светлый цвет кожи и отсутствие ярко выраженных негроидных черт у Р.Т. Гринера². Сам он родился в Филадельфии в 1844 году, лишившись в пятилетнем возрасте отца (тот отправился в Калифорнию искать золото и не вернулся), был перевезен матерью в Бостон. Материальные условия семьи были крайне тяжелыми, поэтому Гринер в 1858 году бросил школу и начал работать с 14 лет. Он сменил несколько видов деятельности, работал в обувном магазине, резчиком по дереву в мастерской, портье в гостинице. Казалось, его ждала судьба тысяч подростков из бед-

ных черных семей, однако в 1860-е годы в его жизни произошли кардинальные изменения, открывшие для него новые перспективы и возможности. Гражданская война в США, отмена рабства, движение за эмансипацию афроамериканцев, целый ряд образовательных экспериментов, призванных обосновать их право на получение полноценного образования, позволили наиболее способным черным американцам реализовать это право. Гринер оказался в их числе, проявив при этом недюжинное упорство и настойчивость. Ему удалось убедить одного из своих нанимателей оплатить учебу, что позволило окончить школу и подготовиться для поступления в колледж. Осенью 1865 года он поступил в Гарвард, став там одним из первых черных студентов. Несмотря на многочисленные трудности, с которыми он столкнулся в процессе обучения (достаточно сказать, что ему пришлось дважды проходить курс первого года обучения, в результате вместо четырех учеба в университете заняла у него пять лет), в 1870 году он успешно окончил Гарвардский университет³. Особые успехи он проявил в изучении языков, классической литературы и права.

Полученное образование стало важнейшим жизненным преимуществом Гринера, определило всю его дальнейшую карьеру. Получив известность в стране как первый черный выпускник Гарварда, он начал свою в целом успешную академическую карьеру. Ее важнейшими этапами стали преподавательская работа в Университете Южной Каролины и должность декана юридического факультета Университета Говарда (Howard University). При этом Гринер не ограничивался исключительно преподавательской деятельностью, сочетая ее с высокой общественной активностью. В 1870-е годы он получил известность как борец за права афроамерикан-

² *Blakely A.* Richard T. Greener and the "Talented Tenth" Dilemma // *The Journal of Negro History*. 1974. October. Vol. 59. No. 4. P. 306.

³ *Slater R.B.* The Blacks Who First Entered the World of White Higher Education // *The Journal of Blacks in Higher Education*. 1994. Summer. № 4. P. 48–49.

цев, сторонник их полной эмансипации, и прежде всего предоставления им равного права на получение образования. Практически он участвовал во всех значимых общественных процессах, связанных с проблемой расовых отношений в США 70–80-х годов XIX века. Гринер выступал в роли публициста, отстаивавшего принципы аболиционизма в период Реконструкции⁴. Он стал одним из активных пропагандистов так называемого Исхода 1879 года, движения за массовое переселение черных американцев из южных штатов на Север, где они имели возможность получить образование, работу и обеспечить свою безопасность. При этом Гринер вел полемику с Ф. Дугласом, считавшим, что Исход ослабит позиции аболиционистов на Юге и затруднит преобразование южных штатов⁵.

В 1880 году он приехал в свою родную Филадельфию во время происходивших там расовых беспорядков специально для того, чтобы поддержать более приемлемого для черной части населения города кандидата в мэры, что свидетельствовало о его известности и авторитете⁶. Позднее в одной из своих статей Гринер писал о молодых черных американцах, переехавших на Север и получивших там образование, необходимые знания и опыт, а затем вернувшихся в качестве учителей и бизнесменов, чтобы помочь развитию Юга⁷. Очевидно, что он имел в виду и личный опыт участия в борьбе за продвижение интересов представителей своей расы, используя для этого возможности, полученные им благодаря своему новому социальному статусу и известности.

Помимо преподавания Гринер занимался юридической практикой, наиболее известным его делом стало участие в качестве одного из защитников Дж. Уиттекера, чернокожего курсанта военной академии Вест Пойнт, обвиненного в умышленном нанесении себе увечья. Гринеру и его коллегам удалось доказать, что истинной причиной произошедшего стали издевательства на расовой почве, которым Уиттекера подвергали белые сослуживцы⁸. Естественным продолжением карьеры Гринера стало его участие в политической деятельности. Он играл важную роль в предвыборных кампаниях республиканской партии 1880-х годов по привлечению голосов афроамериканцев, выступая в печати и на митингах в различных штатах страны. Наградой за это стало назначение его сначала секретарем Ассоциации по увековечиванию памяти У. Гранта в штате Нью-Йорк, а затем главным инспектором муниципального управления гражданской службы Нью-Йорка (он проработал в этом качестве до 1889 года)⁹. Гринер воспринял эти назначения как признание его достоинств, в одном из писем этого периода он писал: «Впервые в жизни я чувствую, что добился чего-то благодаря своим способностям»¹⁰.

Однако широкая известность и высокая репутация не гарантировали материального достатка. Ни академическая карьера, ни журналистика, ни жалование чиновника не могли обеспечить его большую семью (у Гринера было шестеро детей). Юридическая практика также не принесла большого успеха; скорее всего, причиной этого стал все

⁴ *McPherson J.M.* Coercion or Conciliation? Abolitionists Debate President Hayes's Southern Policy // *The New England Quarterly*. 1966. December. Vol. 39. № 4. P. 478–479.

⁵ *Van Densen J.G.* The Exodus of 1879 // *The Journal of Negro History*. 1936. April. Vol. 21. No. 2. P. 121; *Higgins B.D.* Negro Thought and the Exodus of 1879 // *Phylon*. 1971. 1st Qtr. Vol. 32. No. 1. P. 51.

⁶ *Lane R.* *Roots of Violence in Black Philadelphia, 1860–1900*. Cambridge: Harvard University Press, 1986. P. 63.

⁷ *Greener R.T. et al.* The Future of the Negro // *The North American Review*. 1884. July. Vol. 139. No. 332. P. 89.

⁸ *Crowe M.D.* Richard Theodore Greener // *Negro History Bulletin*. 1942. December. Vol. 6. No. 3. P. 58; *Blakely A.* *Op. cit.* P. 307.

⁹ *Crowe M.D.* *Op. cit.* P. 58.

¹⁰ Цит. по: *Blakely A.* *Op. cit.* P. 308.

тот же расовый вопрос. В результате в 1890-х годах он столкнулся с серьезными материальными трудностями. Это вынуждало Гринера искать новую для себя сферу деятельности. Кроме того, осознание собственных способностей и высокие амбиции требовали новых возможностей для их удовлетворения. Такие возможности открывались в связи с применявшейся республиканской администрацией практикой привлечения известных чернокожих общественных деятелей на дипломатическую службу. При жизни Гринера более 40 афроамериканцев находилось на дипломатической службе, в том числе занимая посты консулов и вице-консулов. Среди них были очень известные личности, например, Ф. Дуглас, Г. Гарнет и другие¹¹. Как правило, они представляли Соединенные Штаты в Либерии и Гаити, Гринер же стал первым чернокожим консулом в европейской стране, хотя и в ее азиатской части. Примечательно, что его назначение в Россию было в значительной степени случайным, первоначально ему был предложен пост консула в Бомбее, но в связи с эпидемией бубонной чумы в Индии вместо Бомбея он был назначен первым американским консулом во Владивостоке. Существенную роль в судьбе Гринера сыграл Букер Т. Вашингтон, с которым его связывали длительные дружеские отношения. Именно по его рекомендации президент У. Маккинли согласился назначить Гринера на консульскую должность¹². В итоге российское правительство не подтвердило его консульский статус, после чего он в декабре 1898 года прибыл во Владивосток в качестве торгового агента¹³. В одном из своих писем из Владивостока он с гордостью писал, что впервые поднял

американский флаг на сибирской земле 22 декабря 1898 года. В течение первого месяца он квартировал в русской семье, что помогло ему освоиться в незнакомой среде. Знание французского языка помогло Гринеру решать сложную проблему коммуникации, при этом в своих письмах из России он вставлял русские слова, транслитерируя их с помощью латиницы (*prasniks, magasins*)¹⁴, что свидетельствовало о его стремлении изучать русский язык с самого начала своего пребывания в России.

Это назначение вызвало различные оценки современников. Некоторые из них рассматривали его как своего рода сибирскую ссылку для 54-летнего Гринера¹⁵. Вместе с тем этот пост стал вершиной его политической карьеры и, видимо, максимально высокой и престижной должностью, на которую он мог рассчитывать. Более того, учитывая исторические события, происходившие на Дальнем Востоке, и значимость тихоокеанского направления во внешней политике США рубежа веков, роль официального представителя американского правительства во Владивостоке приобретала первостепенную важность. Испано-американская война, ознаменовавшая превращение США в великую державу, провозглашение доктрины «открытых дверей», обострение противоречий между державами на Дальнем Востоке, завершение Россией строительства Транссибирской магистрали и КВЖД, восстание ихэтуаней в Китае, ввод в Китай иностранных войск и Русско-японская война, важную роль в завершении которой сыграли Соединенные Штаты, – все эти события превратили Владивосток из далекой периферии в один из центров мировой

¹¹ *Seraile W.* The Brief Diplomatic Career of Henry Highland Garnet // *Phylon*. 1985. 1st Qtr. Vol. 46. № 1; *Blakely A.* Op. cit. P. 308.

¹² *Строус Дж.* Морган. М., 2002. С. 667.

¹³ *Mounter R.M.* Richard Theodore Greener and the African American Individual in a Black and White World // *At Freedom's Door*. University of South Carolina, 2000. P. 157.

¹⁴ Richard T. Greener to Isaiah Wears, Vladivostok, Russia, January 7, 1899 // Jacob C. White Collection, Box 115-3, Folder 167. Moorland-Spangarn Research Center, Howard University.

¹⁵ *Blakely A.* Op. cit. P. 309.

политики. В связи с этим обязанности Гринера выходили далеко за рамки функций торгового агента. Помимо защиты интересов американских граждан, он собирал информацию о российском обществе и направлял в Вашингтон отчеты о ситуации на Дальнем Востоке. Дополнительные обязанности на него были возложены во время восстания ихэтуаней, и в 1900 году он был награжден китайским правительством за оказание помощи жертвам войны. А в период Русско-японской войны он представлял во Владивостоке интересы японцев и британцев, после того как британский торговый агент покинул город.

Но Гринер не ограничился лишь исполнением своих официальных обязанностей. Он проявил огромный интерес к изучению российской социальной и культурной жизни, начал учить русский язык. Насколько он в этом преуспел, судить трудно, однако это свидетельствует о том, что и в новом качестве Гринер проявлял себя как интеллектуал, исследователь, человек, стремящийся достичь максимального результата. Языковая проблема была одной из наиболее серьезных трудностей в его работе, особенно в первое время, пока американский торговый агент не нашел себе переводчика. Гринер писал, что он не может получить информацию своевременно, письма доходят с большим опозданием, самые свежие американские газеты, доступные во Владивостоке, полуторамесячной давности и у него нет возможности читать ежедневную прессу, а «необходимость читать по-русски пугает»¹⁶. Мнение, высказанное рядом американских историков о том, что Гринер в итоге настолько свободно овладел русским языком, что даже перевел на английский язык стихотворение Пушкина «Мой портрет»¹⁷, вызывает серьез-

ные сомнения. В личных бумагах Гринера действительно обнаружена рукопись его перевода этого стихотворения¹⁸, но, как известно, оно было написано Пушкиным по-французски, соответственно, и перевод Гринер делал с французского оригинала. В связи с этим вопрос об уровне его знания русского языка остается открытым. Однако это не мешало ему готовить и направлять в Государственный департамент подробные отчеты, насыщенные разнообразной информацией о различных сторонах жизни российского общества.

Эти отчеты представляют собой по сути аналитические записки, основанные на богатом фактическом материале, публикациях в российских газетах, его личных впечатлениях. В отчетах Гринер рассматривал широкий круг вопросов, важнейшими из которых были проблемы развития различных отраслей промышленности Сибири, строительство Транссибирской железной дороги, сырьевые ресурсы региона, таможенные правила и т. д. Уделялось также внимание социальным проблемам, развитию системы образования, библиотекам и музеям¹⁹. Особый интерес Гринер проявлял к вопросам экономического развития России, его впечатляли темпы промышленного роста страны, масштаб строительства, в частности сооружение Транссибирской магистрали, растущая миграция населения в восточные районы. Он считал, что Сибирь представляла собой регион с огромным экономическим потенциалом и в связи с этим могла стать объектом экономической экспансии для американского бизнеса. В своих отчетах госдепартаменту он описывал Сибирь как новый фронт, где американский бизнес имел гигантские возможности для своей экономической деятельности. Исходя из этого,

¹⁶ Richard T. Greener to Isaiah Wears, Vladivostok, Russia, January 7, 1899 ...

¹⁷ *Saul N.E. Concord & Conflict. The United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence: University Press of Kansas, 1996. P. 435; *Mounter R.M.* Op. cit. P. 157.

¹⁸ Richard T. Greener, English translation of the poem “My Portrait” by A. Pushkin // Richard T. Greener Papers, Shomberg Center for Research in Black Culture.

¹⁹ US Department of Commerce and Labor. *Consular Reports. Commerce, Manufactures, etc.* Vol. 62. № 234. Washington, DC, Government Printing Office, 1900.

он выступал за экономическое сотрудничество между США и Россией на Дальнем Востоке. По его мнению, это обеспечило бы Соединенным Штатам конкурентное преимущество в борьбе с другими державами, имевшими экономические интересы в этом регионе. Одним из условий успеха в этой борьбе он полагал повышение статуса американского представительства на Дальнем Востоке, предлагая открыть генеральное консульство во Владивостоке. Наилучшей кандидатурой на пост генерального консула Гринер считал себя и даже обращался за поддержкой по этому вопросу с письмами к сенаторам Т. Платту и Г.К. Лоджу²⁰.

Гринер отмечал существенные отличия российского общества от американского, был очень критичен по поводу «еврейского вопроса» в России, особенно в связи с событиями 1903 года в Кишиневе. Естественным для него (как и для многих его современников) было сравнение положения российских евреев и черных американцев, при этом он приходил к выводу, что в России, в отличие от Америки, если еврей принимал православие и не выступал против правительства, он более не подвергался преследованиям²¹. В то же время Гринер не испытывал в России никаких неудобств из-за своей расовой принадлежности. Более того, он осознавал определенную парадоксальность ситуации – в деспотической России он чувствовал себя более комфортно, чем в демократической Америке. Прочитав о расовых конфликтах в южных штатах, он писал в письме из Владивостока: «... когда я пишу, сидя здесь в окружении двух больших флагов и одного маленького, развевающегося над моим кабинетом, я ощущаю всю аномальность нашего положения – я чиновник правительства, бессильного или равнодушного к проблеме моей

безопасности на родине. Здесь в моем распоряжении фактически все военные морские силы, необходимые для защиты меня или американских интересов. Дома, в сатрапии округа Колумбия (у Гринера: in the satrapy of D.C.), я могу быть безнаказанно убит за мои политические убеждения»²².

Проекты Гринера можно рассматривать в контексте дискуссий по проблемам американо-российских отношений, которые происходили в этот период в американской политической элите и прессе. Эти дискуссии сопровождались антироссийской пропагандистской кампанией, сокращением экономического сотрудничества и охлаждением политических отношений между двумя странами²³. В подобной ситуации предложения Гринера оказались несвоевременными и были проигнорированы Государственным департаментом. Более того, сама его фигура на столь значимом в новых условиях посту стала нежелательной. В результате он был отправлен в отставку, сопровождавшуюся скандальными обстоятельствами. Поводом к ней явились обвинения в недостойном поведении и небрежении обязанностями, которые были высказаны в отчете помощника госсекретаря Г. Пирса, составленном по итогам его инспекционной поездки. Эти обвинения не подкреплялись никакими доказательствами, Пирс не доехал до Владивостока и пользовался лишь слухами, ранее поведение Гринера и его отношение к служебным обязанностям не вызывало никаких нареканий. Более того, его деятельность неоднократно высоко оценивалась американской общественностью. Так, американский врач Н. Сени, совершавший путешествие по России и побывавший во Владивостоке, после встречи с американским торговым агентом писал: «Р.Т. Гринер делает все, что в его силах, дабы помочь

²⁰ Blakely A. Op. cit. P. 311–312.

²¹ Blakely A. The Negro in Imperial Russia: A Preliminary Sketch // The Journal of Negro History. 1976. October. Vol. 61. No. 4. P. 359.

²² Цит. по: Blakely A. Richard T. Greener and the “Talented Tenth” Dilemma... P. 317.

²³ Saul N. Op. cit. P. 470–472.

американским подданным, приезжающим сюда», «огромная удача, что наше государство представляет такой талантливый и верный Родине человек», «я очень ценю учтивость мистера Гринера: он всегда рад уделить внимание и быть полезным гражданам США»²⁴. Ряд американских газет положительно оценивали деятельность Гринера в качестве торгового агента. «Boston Globe» хвалила качество его отчетов о потенциале Сибири, посылаемых в Вашингтон. «Colored American» с гордостью писала в 1904 году, что американский агент во Владивостоке – афроамериканец и что Гринер, вероятно, может сыграть одну из ведущих ролей в Русско-японской войне, завоевав общественное признание²⁵. Тем не менее безо всякого служебного расследования Гринер был отозван из Владивостока, а его репутации был нанесен серьезный ущерб. Порочащая его информация достаточно быстро распространилась как в официальных кругах, так и среди его близких друзей. «Три недели назад в разговоре с президентом я узнал, что, скорее всего, Р.Т. Гринер будет отозван из Владивостока по причине своей некомпетентности, а также ряда других проблем», – писал в одном из своих писем Б.Т. Вашингтон²⁶. Обвинения могли основываться на непроверенных сведениях, подобных письму посольного Р.Т. Гринера, У. Реймана, генеральному консулу США Р.У. Хэлловею. В нем Рейман жалуется на тяжелые, «рабские» условия работы и задержку заработной платы за последний месяц, а также считает, что у его «работодателя умственное расстройство, что делает его неспособным долее представлять американское правительство»²⁷.

Странные обстоятельства его отставки дали основания для утверждения о том, что истинной ее причиной стала расовая принадлежность Гринера и изменение расовой политики Республиканской партии²⁸. Видимо, это обстоятельство сыграло свою роль, но в целом проблема носила более сложный и комплексный характер. Изменение роли США в мировой политике, превращение Дальнего Востока в одно из важнейших направлений внешней политики страны, изменение целей и методов проведения этой политики диктовали необходимость ротации дипломатических представителей Соединенных Штатов. В этих условиях Гринер более не устраивал Государственный департамент, тем более что его прежних покровителей там уже не было. Расовый фактор являлся дополнительным обстоятельством, возможно, определившим способ и форму его отстранения. Косвенным подтверждением негативного отношения чиновников госдепартамента лично к нему может служить тот факт, что его преемник Р. Грин получил статус консула, которого так добивался Гринер. Он же получил и заслуженную Гринером награду от японского правительства за представление интересов японских подданных в годы Русско-японской войны. Гринеру не помогло даже заступничество Г.К. Лоджа, обращавшегося по этому поводу к госсекретарю Э. Руту²⁹.

Как бы то ни было, Гринер никогда более не привлекался на государственную службу и не смог добиться оправдания или хотя бы серьезного разбирательства по своему делу. Пребывание Гринера во Владивостоке сыграло крайне противоречивую роль в его судьбе. Несомненно, оно стало наивысшим

²⁴ Senn N. Around the World via Siberia. Chicago, 1902. P. 171–172.

²⁵ Blakely A. Richard T. Greener and the “Talented Tenth” Dilemma... P. 312.

²⁶ From Washington B.T. to Williams S.L., Feb. 15, 1905 // The Booker T. Washington Papers. Vol. 8. 1904–1906. Urbana-Chicago-London, 1979. P. 193–194.

²⁷ From Raymon W. to Halloway W.R., May 2, 1899 // National Archives Microfilm Publications. Microcopy 81. Despatches from United States Consuls in St. Petersburg, 1803–1906. Washington, 1963. Roll 17 (Vol. 22).

²⁸ Mounter M.R. Op.cit. P. 159.

²⁹ Ibid.

моментом его карьеры, но вместе с тем в итоге была уничтожена его репутация, он потерял семью (жена развелась с ним, и больше Гринер не общался ни с ней, ни с детьми), утратил свое влияние в общественной жизни страны. Несмотря на то, что, находясь в России, он сохранял связь с родиной и друзьями, живо интересовался событиями, происходившими в США (о чем свидетельствует его переписка с Б.Т. Вашингтоном и другими корреспондентами), долгое отсутствие и изоляция от американской общественно-политической жизни не способствовали сохранению его имиджа как одного из лидеров в борьбе за равноправие афроамериканцев. Попытка с помощью Б.Т. Вашингтона вернуться к активной политической деятельности закончилась неудачей, разрывом с прежними друзьями и соратниками (включая Вашингтона) и изоляцией³⁰.

Таким образом, жизнь Гринера после возвращения из России стала историей поражений и разочарований. Он неоднократно пытался очистить свою репутацию от несправедливых обвинений, но не добился результата; он стремился вернуться на государственную службу, но не преуспел в этом; он хотел вновь играть значимую роль в общественном

движении, но новое поколение борцов уже имело своих лидеров. В результате остаток своей жизни он провел в Чикаго, продолжая писать и выступать с лекциями. При этом он неоднократно возвращался к своему российскому опыту, в том числе и продолжая критиковать отношение американского общества к афроамериканцам. В одном из своих писем он писал: «Я предпочел бы быть гражданином деспотической России, чем парией в столь ублюдочной республике»³¹. Разочарование в политике привело его к разрыву с Республиканской партией, которой он сохранял лояльность в течение многих лет. История жизни Гринера является ярким примером того, как блестящие таланты, одаренность, энергия и работоспособность оказались не в состоянии преодолеть расовые предрассудки и были не востребованы обществом в полной мере.

Тем не менее Ричард Теодор Гринер стал частью не только истории США и борьбы за расовое равноправие, но и истории американо-российских отношений. Эта часть его наследия незаслуженно забыта и достойна внимательного и подробного изучения как в Соединенных Штатах, так и в России.

³⁰ Harlan L.R. The Secret Life of Booker T. Washington // The Journal of Southern History. 1971. August. Vol. 37. No. 3. P. 408.

³¹ Blakely A. Richard T. Greener and the "Talented Tenth" Dilemma... P. 319.

*Елена Юрьевна Фомина,
журналист (Петрозаводск)*

Карельская лихорадка

Июнь 1931 года, раннее утро. От пристани Нью-Йорка в очередной рейс отправляется пароход шведской компании «Дроттнингхольм». Женщины плачут, мужчины грозят кулаком статуе Свободы: наконец они едут туда, где есть НАСТОЯЩАЯ свобода – в Советский Союз. Кто-то запекает «Интернационал»:

*Alas lyökää koko vanha maailma,
ja valta teidän silloin on!..*

За пять лет, с 1930 по 1935-й, шесть с половиной тысяч финских эмигрантов приехали из Канады и США в новую Россию. Ехали семьями, с детьми; продавали дома и автомобили, покупали на вырученные доллары столь необходимые молодой советской стране станки и инструменты. Впереди была еще одна новая жизнь.

Позже в исторической литературе этот исход назовут «карельской лихорадкой». Короткий, трагический и в современной России почти не известный эпизод карельской истории.

Покидая Warren, Ohio

«Мой отец, Юхо Аксель Алатало, родился в 1892 году в бедной крестьянской семье в финской Лапландии. Две зимы отец ходил в школу, и на этом учеба закончилась. Его школой стал весь белый свет...»¹.

Житель Петрозаводска **Павел (Паво) Иванович Алатало** начал писать воспоминания, когда ему было почти девяносто. Писал по-фински, на языке своего детства:

¹ *Алатало П.* История о жизни и любви. Неопубликованная рукопись (архив семьи Алатало).

«Мне приходится ворошить прошлое, и это не только нарушает душевный покой, но и приносит физические страдания – поднимается давление и щемит сердце...»

В Америку отец Павла Ивановича эмигрировал в 1916-м. Шла Первая мировая, по всей Финляндии набирали «пушечное мясо» для фронта. Юхо и его брат Эрки решили бежать в Швецию, а оттуда в Америку.

«Когда я перелистываю потрепанную, чудом сохранившуюся и много за 80 лет повидавшую, маленькую записную книжку отца, то из записей вырисовывается весьма романтичный молодой человек. В этой книжке он рассказывает о своих первых порах в Америке. Он объездил почти все восточные и центральные штаты (до самого Детройта), где-то работал по несколько дней, где-то несколько недель или месяцев...»

В одной из поездок Юхо встретил Теклу Софию, тоже финскую эмигрантку. В 1919 году они поженились. Через год в Уоррене, штат Огайо, на свет появился Пааво.

«Отец работал на стройках, а зимой нередко на валковой мельнице, в прокатном цехе. Работа была тяжелой, но, видимо, отца в ней привлекал заработок. Летом он менял работу, так как не выдерживал жары в цехе. Иногда он ездил работать в Кливленд, где жил в “холостяцком доме”, а на выходные приезжал домой в Уоррен, куда на машине нужно было ехать около 50 миль.

В начале 1920 года отец построил дом (насколько я помню, в нем был зал, две спальни, кухня, подвал, центральное отопление, водопровод, электричество). Когда мы уехали в СССР, дом остался на попечении нашего хорошего знакомого Джона Маркканена. После войны Маркканен продал его и на вырученные деньги отправлял нам посылки с одеждой (но это было уже после смерти Сталина).

Мама работала домработницей несколько дней в неделю (три бакса в день). Дома говорили только по-фински, так как родители не владели английс-

ким, если только в той степени, чтобы справляться с работой...

Мои родители участвовали в коммунистическом рабочем движении, активно ходили в рабочий клуб (haali). В Уоррен приезжали агитаторы, которые рассказывали, что в СССР строится государство рабочего класса, где нет угнетающей пролетариат буржуазии, где через несколько лет будет построено идеальное общество трудящихся. Я не могу обвинять ораторов и лекторов во лжи – они сами были ослеплены идеей...

Родители не пусkali меня даже в кино, так как в фильмах навязывали буржуазное мировоззрение. Идею атмосферу в нашей семье отображает следующий случай: среди мальчиков возник спор, есть ли Бог или нет. Я буркнул: “Бога нет. Ленин – Бог!”

В клубе агитировали специалистов, верных делу трудового народа, ехать в СССР. Переселенцы уезжали группами по несколько десятков семей. Собрались и мы. В нашей группе из Уоррена было три семьи, Киннунен, Ранта и мы. Было довольно много багажа: сундуки и большие коробки, широкие кровати и столовое золото, так как нужно было запастись всем на 3–5 лет вперед, пока экономическая ситуация в СССР не улучшится.

Багаж отправили поездом, а сами поехали в Нью-Йорк на своем “Форде”, который продали перед отплытием (за бесценно, насколько я помню, мы получили за него 25 долларов)...»

В поисках Эльдorado

Ирина Такала, заведующая кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского университета, занимается историей североамериканских финнов в Карелии уже двадцать лет:

– До 1990 года в Карелии про американских финнов ничего не знали. Откройте любую книгу по истории республики: такое ощущение, что в Карелии кроме Эдварда Гюллинга финнов вообще не было!

А в начале 90-х началась работа по реабилитации жертв политических репр-

рессий и массового террора – и в 91-м меня пустили в партархив (до этого, как беспартийную, не пускали). Обнаружилась там масса документов по американским финнам. Партархив чем был хорош? Госархив чистили, а ведомственный, тем более партийный, не трогали...

Тогда впервые журнал «Карелия» целый номер посвятил американским финнам. Я подготовила большую историческую статью (на основе архивных документов), называлась она «В поисках Эльдорадо». Сейчас – спустя двадцать лет – мы с коллегой Алексеем Голубевым написали книгу почти с таким же названием: «В поисках социалистического Эльдорадо»².

Первые финские иммигранты оказались в США и Канаде еще до 1900 года. Строители, шахтеры, лесорубы – настоящие пионеры в североамериканском понимании этого слова. Работали в опасных шахтах, на золотых приисках, рубили лес, мирились с изолированной жизнью в глуши, но все же могли заработать на жизнь своим трудом. О чем и писали на родину, звали в новый мир родственников и друзей. Рассказы о далекой стране, где есть много работы и нет войны, возымели действие – перед Первой мировой начался массовый исход финнов из Великого княжества Финляндского, жизнь в котором многим казалась беспросветной: безработица, бедность, политические волнения...³

Ирина Такала:

– С 1880 по 1910 год из Финляндии в Америку выехали около 280 тыс. чело-

век. К началу Первой мировой войны число эмигрантов уже достигает 302 тыс. В 1921 году Конгресс США принимает иммиграционный акт, который устанавливает квоту для эмигрантов из европейских стран. Для финнов квота снижена до 400 человек в год – поток перенаправляется в Канаду. Туда к 1930 году из Финляндии переехали 36 тыс. эмигрантов.

Америка, Канада – разницы для новоприбывших, в общем-то, не было. Жизнь на новой земле была тяжелой, но хотя бы понятной: работа, работа, семья – бывшие подданные Российской империи не первые и не последние, кому пришлось начинать все с нуля на американской земле. К изнурительному труду им было не привыкать.

Демократия, «американская мечта», капиталистические ценности... Все это рухнуло в 1929 году, когда мир накрыла Великая депрессия. Десятки тысяч финских эмигрантов к тому времени еще не успели твердо встать на ноги, их положение из уязвимого стало почти безнадежным. Они ведь даже язык толком выучить не успели – между финским и английским широкая лингвистическая пропасть...⁴

Путь за океан показался страшной ошибкой: до них дошли вести, что там, откуда они приехали, новые советские люди строят новый советский рай. Работать, кормить семью, ставить на ноги детей – все, о чем они мечтали, можно было получить в родной и близкой Карелии⁵.

² Интервью с Ириной Такала 11.03.2013 (архив автора). Упомянутая в интервью книга выйдет в 2014 году: Golubev A., Takala I. The Search for Socialist El Dorado: Finnish Immigration from the United States and Canada to Soviet Karelia in the 1930s. East Lansing, Mi.: MSU Press, 2014.

³ Наиболее фундаментальной работой по истории финской иммиграции в Северную Америку является финноязычное исследование Рейно Керо: Kero R. Suomen Länteen: siirtolaisuus Suomesta Yhdysvaltoihin ja Kanadaan. Turku: Siirtola isuusinstituutti, 1996. Из англоязычных исследований на эту же тему см.: Kostiainen A. The Forging of Finnish-American Communism 1917–1924: A Study in Ethnic Radicalism. Turku: University of Turku, 1978; Kivisto P. Immigrant Socialists in the United States: The Case of Finns and the Left. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson University Press, 1984.

⁴ Lindström V. The Finnish Canadian Communities during the Decade of Depression // Harpelle R., Lindström V., and Pogorelskin A. (eds.) Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Beaverton, Ontario: Aspasia Books, 2004. P. 15–27; Севандер М. Скитальцы. О судьбах американских финнов в России. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006.

⁵ О пропаганде переселения в Карелию в финской диаспоре в США и Канаде см.: Севандер М. Указ соч.; Lindström V. “Heaven or Hell on Earth?” Soviet Karelia’s Propaganda War of 1934–1935 in the Finnish Canadian Press // Solomeshch I., Takala I. (eds.) North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2008. P. 83–104.

Два рубля за доллар

В 1920 году «красный» финн Эдвард Гюллинг возглавил только что образованную Карельскую трудовую коммуну и начал собирать в республику финнов-эмигрантов. Претворялась в жизнь идея о создании национальной карело-финской автономии. Тогда же появились в республике и первые североамериканские финны. В 1922 году на севере Карелии, в Княжьей Губе, начала работать артель рыбаков из США, три года спустя на заболоченных землях Олонецкого района группа канадских рабочих и фермеров создала сельскохозяйственную коммуну «Säde» («Луч»).

Ирина Такала:

– Целенаправленная вербовка американских специалистов для работы в Карелии началась лишь после того, как добро дала Москва. 1930 год, индустриализация – а рабочих рук (и тем более современных инженерных мозгов) по всей стране не хватает. На очередном съезде партии принято решение разрешить эмиграцию специалистов и хорошо обученных трудовых кадров в Советский Союз для помощи в строительстве...

В мае 1931 года в Нью-Йорке начал работу Комитет технической помощи Советской Карелии. Его возглавил лидер американских финских коммунистов Матти Тенхунен. Главная задача Комитета – широкомасштабная вербовка финнов с целью переселения их в КАССР.

Ирина Такала:

– Финская диаспора в Америке в это время разобщена. Были «церковные» финны, которые полагали, что надо интегрироваться в новое общество, были те, кто хотел сохранить национальную идентичность. А были так называемые «клубные» финны: после работы собирались, организовывали самодеятельные театры, кружки, оркестры. Среди «клубных» финнов широко распространены леворадикальные идеи, в период

Великой депрессии вера в то, что существует справедливое, правильное общество, возрастает – как в период любого кризиса.

Кстати, в те годы большую часть американской коммунистической партии составляли именно финны. И руководство компартии США резко возражало против оттока их в Советскую Карелию – потому что теряла активные кадры.

Комитет технической помощи закупал для Карелии технику и оборудование. Во-первых, на добровольные взносы и пожертвования американских граждан, во-вторых, на отчисления пароходных компаний, перевозивших эмигрантов через океан (они платили Комитету комиссионные в размере 11 долл. 50 центов за взрослого и 5 долл. 75 центов за ребенка).

Главным же источником финансирования стал так называемый «машинный фонд». Сдавая валюту, эмигрант получал от руководителя Комитета квитанцию, по которой в СССР ему должны были компенсировать взнос в рублях (по золотому курсу – 2 руб. за 1 долл.).

Отделение Комитета технической помощи появилось и в Канаде, в Торонто. Им бессменно руководил Джон (Юсси) Латва.

На средства североамериканских финнов для Карелии в те годы было приобретено оборудования на сумму более чем 500 тыс. долл. США (1 млн руб. в золотой валюте). Закупленное оборудование (за свой счет) перевозили в республику сами переселенцы⁶.

За спичками

Из воспоминаний Пааво Алатало:

«Наш корабль “Трипсхолм” покинул берег Нью-Йорка 31 мая 1931 года. На нем мы пришли в Швецию, в Гётеборг, а оттуда продолжили путь на поезде в Стокгольм, а дальше отправились на небольшом корабле “Кастелхолм” в Ленинград.

⁶ Такала И. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и науч. ред. И. Такала, А. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 32–51.

...Встреча в Ленинграде была прокладной. Одинокий возчик хлестал свою клячу, чтобы поднять воз вверх по спуску к реке. Нас поселили в каком-то двухэтажном деревянном здании, которое было "гостиницей". Первое слово, которое я выучил по-русски, было "спички". У курильщика Кусты Ранта закончились спички, и мы отправились их покупать. С помощью языка жестов мы их добыли, а заодно выучили первое слово по-русски.

Из Ленинграда наш путь продолжился на поезде в Петрозаводск. Дело было в середине июня. Три наших семьи – Киннунен, Ранта и Алатало – разместили в одной довольно большой комнате в бараке на Голиковке. Обстановка была угнетающей: кругом кишмя кишели клопы и тараканы – тогда я впервые с ними познакомился. Мы соорудили несколько "перегородок", возможно, из одеял и простыней, чтобы у каждой семьи могло быть "собственное помещение".

Это была середина лета, стояли белые ночи. Мы жгли мой первый в жизни костер на Иванов день...»

Трудовое соглашение заключалось с переселенцами на два года, но вернулись в США немногие. Большинству было уже и некуда – перед отъездом они полностью распродали имущество, закрыли счета в банках. Летом 1932 года в Карелию переехал Калле Аронен, второй руководитель нью-йоркского Комитета технической помощи. Первый, Матти Тенхунен, отправился в Карелию еще раньше.

Ирина Такала:

– Коммунистов среди американских эмигрантов было немного, не больше 15%. Люди во второй раз пересекли полмира в поисках не идеи, но лучшей жизни. И документы, и интервью, которые мы успели записать, отражают настроения: да, жизнь в России тяжелая, но дети вырастут в справедливом обществе. Какое будущее ждет их в Америке после окончания школы? Работы нет, на

учебу денег нет – а в Советской Карелии все пути открыты!

Конечно, важным аргументом был финский язык. В Карелии все говорят по-фински, детей можно учить на родном языке. Политика Гюллинга: в национальных карельских районах вдоль пограничья к 1932 году почти все школы были переведены на финский язык. Работал финский педагогический техникум (готовил учительские кадры), в будущем университете предполагалось преподавание на финском.

Почему финский, а не карельский язык стал вторым в национальной республике? Решение было принято правительством Карелии после многочисленных дебатов в начале 20-х годов. С карельским языком сразу возникли проблемы: нет национальной интеллигенции, нет литературного языка. А есть несколько весьма разрозненных диалектов – в северной, беломорской Карелии говорят почти на финском языке, а в олонечкой Карелии (где живут ливвики и людики) их не понимают. Создать единый литературный язык тогда никому было не под силу, да и до сих пор не создали⁷.

Ирина Такала:

– И все-таки вопросы у меня остаются. Почему люди так решительно снялись с насиженного места, ничего не оставив за спиной? Ведь многие жили вполне достойно по американским меркам: дома, автомобили. И вербовщики не скрывали от них, с чем придется столкнуться на новом месте (этому есть документальные подтверждения). Почему, своими глазами увидев, что ждет их в Карелии, не уехали обратно? Вернулись лишь около полутора тысяч эмигрантов...

Интерпоселки

В официальной карельской прессе 30-х годов всех эмигрантов из-за океана называют «канадскими финнами» (хотя из Канады по статистике прибыли толь-

⁷ Подробнее см.: Anttikoski E. Neuvostoliiton kielipolitiikkaa: Karjalan kirjakielen suunnittelu 1930-luvulla. Licensiaatintutkimus, Joensuu yliopisto, 1998.

ко 40%). Такой рабоче-крестьянский подход: дескать, приехали из Канады лесорубы помочь молодой советской стране построить новую лесную промышленность. «Городские» финны из Америки выглядели иной кастой, о них лишний раз старались не упоминать.

Крупные американские колонии появились в Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах (в приграничье эмигрантам запрещает селиться ГПУ). В Матросах, Вилге, Интерпоселке, в Ухте и Тунгуде американские рабочие занимались уже привычным делом: валили лес, осушали болота. Строили свободную республику. Советскую⁸.

Ирина Такала:

– В 30-х годах американские и канадские финны фактически создают в Карелии лесную отрасль. В Северной Америке к этому времени существовали

апробированные технологии рубки и вывозки леса. У нас не было никаких – кроме топора.

Эмигранты привезли новые орудия труда: лучковую пилу, канадский топор с длинной ручкой – таким удобно работать. Инструментарий для заточки, слесарный, токарный – позже Онежский завод начнет такой инструмент выпускать. Но поначалу в Америке закупалось все вплоть до гвоздей – гвозди везли из Штатов тоннами...

В Карелии лес вывозили на санях, лошаадьми – американцы первыми начинают строить ледовые дороги. Привозят автомобили, привозят целые заводы в разобранном виде (кирпичный, к примеру). Начинают применять при вывозке леса подъемные механизмы и трактора.

Матросы (на две трети финский лесной поселок) становится образцово-показательным леспромхозом, базой для обучения не только карельских специалистов, но и вальщиков леса со всей страны. Бригада американцев ездит по лесным районам Советского Союза, внедряя новые технологии⁹.

Little America

В начале 1930-х в Петрозаводске приезжие финны построили Американский городок. Несколько домов, столовая, клуб. Тратили привезенные доллары в Инснабе, носили плащи и шляпы, стриглись на западный манер, готовили фасоль со свиной и пекли американские пироги.

Из воспоминаний Дагнэ Сало:

«Говорят они на языке, который называется *finglish*. Язык финский, конечно, но был этот финский – американский финский. Вы бы послушали американских финнов, как они говорят! “*Menette, karalla raidemme dauntaunille*”. Поняли, что значит? *Menpen* – пойдём, *kara* – это по-английски автомобиль, *raid* [то

⁸ Севандер М. Указ соч.; Севандер М. Они забрали у меня отца: американские финны в сталинской России. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2010.

⁹ Такала И. Указ. соч.

ride] – ехать. Downtown – в центр города...»¹⁰

Финский театр, газеты, симфонический оркестр Калле Раутио и джаз учившегося в Америке Леопольда Теплицкого. Русская, финская, карельская и английская речь звучали в провинциальном городе вперемешку на улицах и в ресторанах.

Ирина Такала:

– Вот цифры: первый симфонический оркестр в Петрозаводске – 15 человек, одиннадцать из них американские финны. Первая труппа Финского театра – практически вся американская. Ставят переводные советские пьесы, финскую крестьянскую классику.

Руководил театром Рагнар Нюстрём («красный» финн). Вместе с Калле Раутио они написали музыкальную пьесу «Мальбрук в поход собрался» – про поход финских белых отрядов в Олонец, с песнями и танцами. Такой мюзикл про Гражданскую войну – недолго, правда, в репертуаре продержался, сняли за идейную невыдержанность. Ничего не сохранилось, кроме афиши – ни текста, ни партитуры...

Городской оркестр играл джаз, в моде были танцы. Мой дед (из канадских финнов, после войны он работал художником Финского театра) и в старости помнил, как правильно чарльстон танцевать...

Среди «городских» американских рабочих было много строителей, автомехаников. Появились американские строительные кооперативы: квартиры планировались с ванными комнатами – хотя водопровода в Петрозаводске еще не было.

Водопровод в городе появился в 1932–1934 годах, тоже во многом благодаря американцам. Приехала целая

водолазная бригада со своим оборудованием, начали укладывать в Онежское озеро деревянную трубу – для водосбора. Спорили с советскими инженерами о технологиях, отказывались работать, понимая, что за халтурой последует авария.

Авария последовала. На американцев завели первое дело о саботаже, оно так и называлось: «Труба». В тот раз обошлось, в дело лично вмешался Эдвард Гюллинг...¹¹

Мой народ

В 1933 году все относительные привилегии вроде продуктовых норм для переселенцев были отменены. В полной мере ощутив окружающую реальность, американские финны начали протестовать. Некоторые, чувствуя себя дважды обманутыми, бросали все и, даже не получив расчет, уезжали в Финляндию или возвращались за океан – там их рассказы о нечеловеческих условиях жизни в СССР отрезвили тех, кто уже обзавелся советской визой.

Ирина Такала:

– Именно в 1934-м, когда вербовка уже сходила на нет, а вернувшиеся из Союза люди рассказывали ужасные вещи, с семьей, с тремя детьми в Петрозаводск приехал третий и последний глава нью-йоркского Комитета технической помощи Оскар Корган. Возможно, этот шаг был крайним аргументом Комитета в пользу переселенческой политики, стоявшей на грани краха...

И все же многие переселенцы остались в Карелии. Большинство – вынужденно: ни сил, ни средств на третий рывок в поисках лучшей (или просто нормальной) жизни уже не было. Остались, несмотря на откровенно враж-

¹⁰ Интервью с Дагнэ Сало // Устная история в Карелии: Сб. науч. ст. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и науч. ред. И. Такала, А. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 54.

¹¹ Юлен К. О строительстве первого водопровода в Петрозаводске // На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии. 1920–1940. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 52–55; Pogorelskin A. Pipeline Accident on Lake Onega: A Study of Ethnic Conflict in Soviet Karelia, 1934 // Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Beaverton, Ontario, Canada: Aspasia Books, 2004. P. 176–187.

дебное отношение местных¹². Некоторые смогли найти себя в новой жизни, обзавелись семьями, отправили детей учиться в советские школы и вузы...

В 1935 году поток переселенцев из Северной Америки окончательно иссяк. Близился 1937-й.

Ирина Такала:

– В 1937–1938 годах карельские американцы шли под расстрел с теми же формулировками, что и остальные, – контрреволюционная деятельность, антисоветская пропаганда, шпионаж, вредительство. Число жертв репрессий подсчитано: документальное подтверждение есть на 800 репрессированных, всего же их было больше тысячи. Три четверти арестованных расстреляны.

Удивительно то, что почти половина (44%) репрессированных американцев были реабилитированы только в 1989 году. Когда реабилитация стала массовой, не требующей личного заявления или обращения родственников.

За тридцать лет – никто не обращался. Кто-то, конечно, не выжил – но остальные были напуганы до такой степени, что никому про свое прошлое боль-

ше не рассказывали. Предпочли «забыть» родственников, не напоминать о себе...

Матти Тенхунен, Калле Аронен и Оскар Корган – три руководителя нью-йоркского Комитета технической помощи, в 1930-х переселившиеся в СССР, – расстреляны. Их память увековечена в Сандармохе, месте массовых расстрелов в Медвежьегорском районе Карелии. Там же покоятся останки 235 других финнов из США и Канады.

Мейми Оскаровна Севандер, дочь Оскара Коргана, стала легендой карельской педагогики. В начале 1970-х она создала факультет иностранных языков в пединституте Петрозаводска и возглавляла его 20 лет. Последние годы жизни жила в США, написала несколько книг о трагедии американских и канадских финнов. Называла их – *Mu Peuple*. Мой народ.

Автор благодарит кандидата исторических наук, заведующую кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского университета Ирину Такалу за предоставленные материалы и большую помощь в работе.

¹² О проблемах взаимовосприятия финнов-иммигрантов и местных жителей Карелии см.: *Takala I. Neuvosto-Karjalan asukkaiden näkemykset suomalaisista 1920–30-luvuilla // Monikasvoinen Suomi. Helsinki: Edita, 2009. S. 273–296.*

*Календарь событий осени – зимы
2012/2013 года*

Презентация книги

11 сентября, г. Москва
Международное общество «Мемориал»

Блэр Рубл «Вашингтонская U-стрит»

Организаторы – Московская школа политических исследований,
Международное общество «Мемориал», РОО «Кеннан»

---

13 сентября, г. Москва
РОО «Кеннан»

День открытых дверей РОО «Кеннан»

Семинар

19 октября, г. Киев
Институт социологии НАН Украины

Политическое влияние России в Украине (1991–2011)

Виктор Мироненко, руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН

Организаторы – киевский офис Института Кеннана, Институт социологии НАН Украины при участии РОО «Кеннан»

---

*Семинар «Трудный путь к нации: проблемы
и перспективы национально-гражданской
интеграции в России»*

22 октября, г. Москва
НИУ ВШЭ

Рунет как зеркало политических и национальных проблем России

Сергей Мохов, Егор Поляков, Сергей Простаков, студенты НИУ ВШЭ; *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ

Организаторы – Фонд «Либеральная миссия», РОО «Кеннан»

Семинар программы
«Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире»

1 ноября, г. Москва
Горбачев-Фонд

Вызовы политического разнообразия в постсоветском мире

«Постсоветские государства: тупики политико-экономического развития на фоне политико-экономического многообразия», *Андрей Рябов*, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», эксперт Горбачев-Фонда; «Территориально-политические конфликты в постсоветской России: виновато ли культурное разнообразие?», *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель РОО «Кеннан»

Организаторы – Горбачев-Фонд, РОО «Кеннан»

IX Старовойтовские чтения

22 ноября, г. Москва
НИУ ВШЭ

Гражданская консолидация в современной России: проблемы, потенциал и перспективы

Открытие – *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель РОО «Кеннан»; *Ольга Старовойтова*, президент Санкт-Петербургского общественного фонда «Музей Г.В. Старовойтовой»

Сессия 1. Гражданское участие в политической жизни. Модератор – *Владимир Кржевов*, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной философии философского факультета МГУ

«Власть как движущая сила гражданской консолидации в России», *Георгий Сатаров*, президент Фонда прикладных политических исследований ИНДЕМ; «Субъектность наблюдателей на выборах в России», *Юлия Скокова*, стажер-исследователь Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ; «Деволуция избирательной системы в России в 2000-е годы: что произошло и что делать?», *Виктор Шейнис*, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН; «Конституция как символ и инструмент гражданской консолидации: 20 лет перемен», *Андрей Медушевский*, профессор факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ; «Протестное движение в России в 2011–2012 годах», *Денис Волков*, научный сотрудник «Левада-центра»

Сессия 2. Гражданская основа единству страны: проблемы межкультурных отношений и интеграции мигрантов. Модератор – *Эмиль Паин*

«Культурное разнообразие и неоднозначная роль идентичности в интеграции населения», *Ольга Вендина*, ведущий научный сотрудник Института географии РАН; «Адаптация и интеграция мигрантов в контексте социальных solidarностей», *Владимир Мукомель*, заведующий сектором изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН; «Проблемы интеграционной политики в современной России на примере Санкт-Петербурга», *Марья Розанова*, председатель правления Санкт-Петербургской общественной организации «Центр гражданских инициатив СТРАТЕГИЯ»; «Проблема культурной интеграции современной России: религиозные общности вместо гражданской нации?», *Владимир Кржевов*

Круглый стол – обсуждение проекта Стратегии государственной национальной политики РФ. Модератор – *Эмиль Паин*

Вячеслав Михайлов, Леокадия Дробижева, Наиль Мухарямов, Энвер Кисриев, Светлана Ганнушкина, Владимир Стрелецкий, Светлана Пистрякова, Владимир Кржевов, Сергей Кучинский, Владимир Мукомель

Организаторы – РОО «Кеннан», Фонд «Либеральная миссия»

Презентация издания

30 ноября, г. Киев
Институт политических
и этнонациональных исследований
НАН Украины

Влияние на Крымский полуостров: взгляд из Брюсселя, Москвы и Анкары

Эмиль Паин, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель РОО Кеннан; *Сергей Простаков*, аспирант НИУ ВШЭ

Организатор – киевский офис Института Кеннана при участии РОО «Кеннан»

Семинар «Антропология современных
идеологических течений»

22 января, г. Москва
РОО «Кеннан»

Язык власти и власть языка: возвращение двоесмыслия

Борис Ланин, профессор, заведующий лабораторией литературы ИСМО РАО

Организаторы – РОО «Кеннан», Фонд «Либеральная миссия»

Возвращение забытого гения (о книге избранных работ Александра Евлахова)

В издательском доме «Парад» в серии «Новая библиотека русской классики» при поддержке фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» вышла книга избранных работ Александра Михайловича Евлахова (1880–1966) «Искусство лжет не притворяясь. Избранные литературные и научные труды». Ее редактор-составитель, автор предисловия и примечаний – доктор филологических наук, профессор Борис Ланин, литературовед и критик, автор многочисленных учебников по литературе для школы, участник программ Института Кеннана (Regional Scholar Exchange Program и Woodrow Wilson Center Fellowship).

В предисловии имя Евлахова деликатно названо «полузабытым». К сожалению, сегодня большинству исследователей это имя действительно почти незнакомо. А зря.

Ученые такого масштаба, как Александр Евлахов, рождаются раз в несколько десятилетий. Объемы созданного им в самых различных отраслях гуманитарной науки составили бы честь целым научно-исследовательским институтам. Обратимся к биографии этого выдающегося деятеля культуры. Его семья имела кавказское происхождение. Среди предков – армяне, грузины, русские и азербайджанцы. Дед – Иван Евлахишвили – известен как переводчик и писатель, служивший чиновником по особым поручениям при Тифлисском губернаторе. Отец был учителем математики.

Александр Евлахов родился в Одессе в семье, высоко ценившей отечественную и мировую культуру. Еще обучаясь в классической гимназии, он обнаружил удивительные способности к иностранным языкам. В 1902 году Алек-

Александр Евлахов. Искусство лжет не притворяясь. Избранные литературные и научные труды.

Издательский дом «Парад», 2011. 536 с.

сандр окончил Санкт-Петербургский археологический институт и продолжил образование там же в университете (где, кстати, учился вместе с А.Ф. Керенским). Евлахов принимал активное участие в борьбе с самодержавием. За участие в организации студенческих выступлений и демонстраций несколько месяцев провел в тюрьме. Царский суд приговорил Евлахова к высылке в Западную Сибирь. Однако выдающиеся способности осужденного были приняты во внимание, и он был помилован.

Евлахов еще в те годы знал публикации Владимира Ульянова-Ленина, которого называл малообразованным и малокультурным выскочкой, а пропагандируемый им большевизм считал безграмотной и исторически бесперспективной теорией. Будучи студентом, Евлахов написал и опубликовал ряд работ о русской литературе, в том числе статью «Тургенев – поэт мировой скорби» («Русское богатство», 1904, № 6), привлекающую внимание литературоведов.

После окончания Санкт-Петербургского университета и получения магистерского диплома «в уважение к его блестящим способностям» Евлахов был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию и принят на работу в качестве приват-доцента. В 1907–1909 годах был штатным приват-доцентом Киевского университета, где выпустил книгу «Пушкин как эстетик» (1909); с 1909 по 1918 год служил доцентом, а затем экстраординарным профессором Варшавского университета. В эти же годы Евлахов совершил путешествия в Испанию, Италию, Англию, Францию, Германию, Австро-Венгрию, Бельгию и Голландию, где изучал живопись, литературу и искусство. С 1907 по 1913 год он жил в основном в Италии. В 1909 году, отмечая его глубочайшие знания, Евлахова избрали членом Института Леонардо да Винчи в Милане.

Евлахов действительно был человеком Возрождения, точнее сказать, Серебряного века. Достаточно вспомнить, что среди русских поэтов-символистов только Блок и Андрей Белый знали по три языка, а остальные – по пять и более. Евлахов знал семь языков. Путешествия способствовали его интересу к классикам западноевропейской литературы и ее новейшим течениям. Евлахов пишет ряд статей о Данте, Петрарке, Золя, Мопассане, Ницше, Шопенгауэре, Уайльде, Шницлере. Творчество русских писателей – Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Леонида Андреева (с которым он дружил), Белинского (к которому он посвятил отдельную книгу

– «Принципы эстетики Белинского») также оставалось в сфере его интересов. Этот период был вершиной гуманитарного творчества Евлахова. Он выпускает фундаментальные труды «Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии» (т. I, Варшава, 1910; т. II, Варшава, 1912; т. III, Ростовна-Дону, 1917) и «Реализм или ирреализм? Очерки по теории художественного творчества» (т. I и II, Варшава, 1914), где демонстрирует фантастическую эрудицию и невероятный охват исследуемого материала. Поражает объем этих сочинений, в сумме составивший более 2500 страниц.

Как писал известный историк литературы профессор Н.К. Пиксанов, «...трудно и в западноевропейской научной литературе подыскать аналогию такой работе, в русском же литературоведении – это случай беспримерный». Однако при этом Пиксанов упрекал Евлахова в том, что он «затопил свое изложение бесконечными пересказами и цитатами – из поэтов, литературоведов, психологов, философов, публицистов и т. д., на греческом, латинском и всех главных европейских языках», а его работа «представляет не только исследование, но вместе с тем и собрание материалов – собрание беспорядочное, хаотичное».

Следует помнить, что Евлахов всегда предпочитал обращение к оригиналам и первоисточникам любым пересказам или изложениям мыслей авторов, считая, что подобный путь неизбежно привносит в исследование тенденциозность и концептуальную заданность. К тому же Евлахов и Пиксанов принадлежали к диаметрально противоположным литературоведческим школам и традициям. Приверженец историко-культурного метода, тяготевший к классовой бинарной оппозиции марксизма, Пиксанов не мог по достоинству оценить труд ученого, для которого форма произведения была главенствующей: «История литературы, история поэзии – история форм». Евлахов впервые

ставит неожиданные вопросы и формулирует необычные подходы к литературной методологии, впоследствии ставшие основой новых направлений и методов исследования литературы. В центре его эстетики – положения о том, что «пора оставить все эти сказки об отражении действительности в искусстве и поэзии»; «“натурализм” так же далек от природы и от действительной жизни, как и “идеализм”»; «субъективная цель художественного творчества не вне его, но в нем самом»; «стихотворная форма есть законный вид искусства, имеющий свою особенную область. Вне этой формы предметы поэзии делаются неузнаваемыми... с разрушением формы все исчезает»; «умение говорить намеками – вот искусство художника»; «форма, которая перестала сознаваться, есть уже не форма, но содержание, не образ, но предмет»; «сознавать образ как форму – значит расширять его, делать более емким, т. е. более художественным; напротив, перестать сознавать образ как форму – значит суживать его, делать более конкретным, более предметным, т. е. менее художественным или совсем нехудожественным».

Труды Евлахова во многом предвосхищали направление, в котором впоследствии работали такие выдающиеся ученые, как, с одной стороны, В. Шкловский, Ю. Тынянов, Р. Якобсон, а с другой – крупнейший литературовед-психоаналитик И. Ермаков. Но это все будет позже, а в начале 1910-х годов с Евлаховым и его трудами произошло нечто подобное тому, что случилось в 30-х годах со знаменитым писателем Джеймсом Джойсом. Гениальный ирландец, знавший невероятное количество языков, начал мыслить и писать на своей собственной их смеси и создал свой удивительный памятник литературы «Поминки по Финнегану» (*Finnegans Wake*), для адекватного понимания которого читателю надлежит знать и понимать его лингвистическую вселенную в том же объеме, как ее знал автор текста. Таких читателей во всей тогдашней Европе было немного. В России даже до

революции их было и того меньше. Выдающийся труд Евлахова остался преждевременным и недооцененным, тем более что последующие исторические события в России поставили на первый план пресловутый классовый подход, вульгарный социологизм и «правдивое, исторически конкретное отражение действительности в ее революционном развитии», многократно приуменьшив ценность интуиции, обширных знаний, умения критично сравнивать тексты и научно-художественной эрудиции.

В 1914 году из-за приближения немецких войск Варшавский университет, где служил Евлахов, был эвакуирован в Ростов-на-Дону и впоследствии переименован в Донской университет. Здесь Евлахов был ординарным профессором. После октябрьского переворота некоторое время работал деканом исторического факультета и даже был избран ректором университета, но пробыл на этой должности всего около полугода. Одним из событий, потрясших его на Донской земле, был случай с его коллегой-профессором. Чекист, которому приглянулась комфортабельная профессорская квартира, подбросил ему во время обыска офицерские погоны. Профессор был арестован и немедленно расстрелян, а в его квартиру радостно вселился изобретательный в провокациях чекист. Евлахов предпочел уехать из Ростова. После года работы профессором Белорусского университета он был приглашен знатоком античности, поэтом-символистом Вячеславом Ивановым в Азербайджанский университет в Баку. Здесь он написал интереснейшие работы об Эрнсте Ренане, Артуре Шницлере. Евлахова давно интересовали природа и характер связей между психикой человека и творческими способностями. Его доклад на съезде психоневрологов «Психология творчества как биологическая проблема» был опубликован и вызвал большой резонанс. Научная карьера профессора Евлахова складывалась в Баку более чем успешно: вплоть до 1930 года он заведовал сразу двумя кафедрами – западной

литературы и истории искусства. Однако Александр Михайлович решил, что ему нужно сменить профессию. Чтобы лучше понять физиологию и законы функционирования человеческого мозга, Евлахов заканчивает медицинский факультет Бакинского университета и с 1928 года параллельно работает в качестве профессора психиатрии и главврача 1-й психиатрической больницы.

Вся его дальнейшая судьба связана с психиатрией. Его волнуют проблемы аутизма, которым он посвящает работу «Об аутизме в любви», не потерявшую своей ценности и поныне. В 1930 году Евлахов публикует чрезвычайно любопытную книгу «Конституциональные особенности психики Льва Толстого», предисловие к которой написал Луначарский. Обе эти работы вошли в рецензируемую книгу, как и предисловие Луначарского. Новая профессия и научные интересы забрасывают Евлахова в Ташкент, где он три года был профессором и директором кафедры психиатрии Среднеазиатского медицинского института, одновременно работая главврачом. В 1934 году Евлахова приглашают в Ленинград, где он сначала преподает итальянский язык в консерватории, обучая певцов говорить и петь по-итальянски, потом работает профессором-консультантом по психиатрии, директором социально-психиатрической клиники. Его должности и места работы неоднократно меняются вплоть до выхода на пенсию, куда он ушел будучи профессором судебной психиатрии.

С середины 30-х годов он почти полностью отошел от общественной жизни, сосредоточившись исключительно на профессиональных вопросах. Евлахов стал закрытым и немногословным человеком, круг его общения предельно сократился до немногих коллег по

профессии. Это, видимо, и позволило ему уцелеть в годы сталинского террора. В те времена чекисты (в отличие от 70-х годов) еще не проявляли интереса к психиатрии и ее методам. Тем не менее внутренняя, скрытая от посторонних глаз жизнь профессора Евлахова была интенсивной и плодотворной. Почти все, что было написано им в эти годы, до сих пор остается неопубликованным. Это учебник итальянского языка, представляющие немалый интерес «Записки психиатра» и обширные дневники. В его литературном наследии остались глубокие лирические стихи и многочисленные, отмеченные явным литературным талантом, рассказы. Некоторые из них составитель включил в данный сборник, основой которого стали научные труды Евлахова. Среди них фрагменты из следующих работ: «Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии», «Реализм или ирреализм», «Артур Шницлер», «Конституциональные особенности психики Л.Н. Толстого», «Об аутизме в любви».

Остается только поблагодарить профессора Б.А. Ланина за его немалый подвижнический труд по возвращению в научный обиход несправедливо забытого имени Александра Михайловича Евлахова, выдающегося ученого, оставившего очень заметный след как в философии и методологии изучения литературы, так и в отечественной психиатрии.

Приятно, что это возвращение свершилось благодаря выпускнику Института Кеннана.

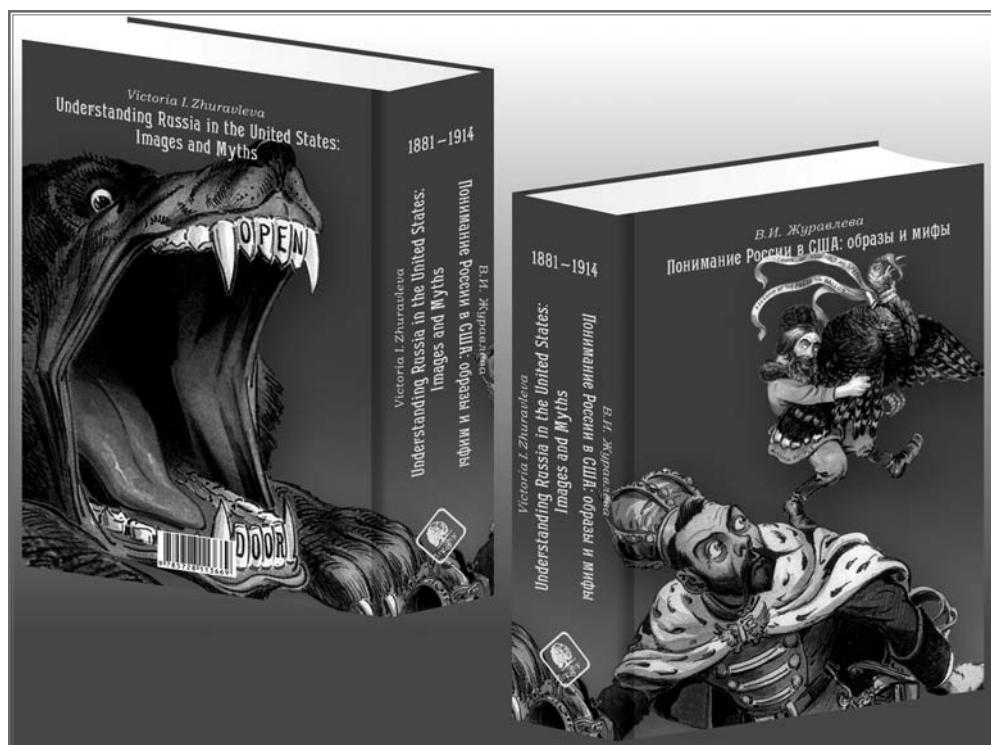
*Евгений Цымбал,
кинорежиссер, историк,
former Kennan Institute
Galina Starovoitova Fellow*

Россия как объект социального воображения и мифотворчества американцев

28 марта 2013 года в Российском государственном гуманитарном университете прошла презентация книги В.И. Журавлевой «Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914» (М.: РГГУ, 2013), организованная при поддержке РОО «Кеннан» и Программы Фулбрайта в России. В презентации приняли участие историки, филологи, политологи, культурологи из университетских и академических центров России. Вела презентацию доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литературы РГГУ И.В. Морозова. Ниже публикуется сокращенный вариант стенограммы презентации.

Морозова И.В.: В том, что филолог представляет эту историческую работу

аудитории, где преобладают историки, есть определенный смысл, поскольку перед нами образец по-настоящему междисциплинарного труда. И это проявляется во всем: в названии, отборе и структурировании материала, в методологии. Междисциплинарность находит отражение и в многообразии историй, предложенных вниманию читателей: коллективных и персональных, вписанных в контекст российско-американских отношений и в контекст развития двух стран, в историю политики и дипломатии, журналистики и публицистики, литературы и педагогики. Наконец, даже принцип построения иллюстративного ряда в этой книге отражает ее междисциплинарный характер. Ведь те многочисленные карикатуры, которые

интегрированы автором в текст, являются его органичной частью, становятся столь же пристальным объектом анализа, как и вербальные источники, и используются для реконструкции образов русского «Другого» в американских репрезентациях. Я хочу нас всех поздравить с тем, что в России наконец появилась фундаментальная историческая работа по имагологии российско-американских отношений, и предоставить слово ее автору, кандидату исторических наук, доценту, руководителю Научно-образовательной программы по американистике РГГУ, заместителю руководителя Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения ИАИ РГГУ Виктории Ивановне Журавлевой.

Журавлева В.И.: Эта книга рождалась небыстро. И чем больше я вчитывалась в источники и размышляла над историей российско-американских отношений, тем больше задавалась вопросами о том, почему в восприятии американцев доминировали определенные образы России, когда и при каких условиях они становились частью внешней политики США, действительно ли расширение информации о России и русских в американском обществе автоматически приводило к формированию более корректных представлений, или очередное «открытие» России превращалось в ее очередное «сокрытие», какова причина живучести американских мифов о России и стереотипов ее восприятия.

Традиционный нарративный анализ не позволял мне найти удовлетворительные ответы на поставленные вопросы. Поскольку он был нацелен на выявление расхождений между образом и реальностью, а не на выяснение того, почему реальность воображалась так, а не иначе, он ориентировал на изучение контекста русского, а не американского. В то время как именно последний в его социокультурном и политическом измерениях приближал меня к пониманию России в США. Социокультурный контекст помогал обозначить доминировав-

шие маркеры идентичности американского общества в длительном временном диапазоне, политический, связанный с определенной конфигурацией актуальных для данного этапа его развития внутри- и внешнеполитических проблем, – объяснить механизмы использования русского «Другого» для формирования «Я»-концепции американцев. В свою очередь, изучение контекста российско-американских отношений позволяло обратить внимание на взаимозависимость между их «повесткой дня», с одной стороны, и восприятием России – с другой, на взаимосвязь «внутреннего» по своей природе процесса формирования идентичности в США и «внешнего» – выстраивания российского вектора внешней политики, на выработку в американском обществе механизмов давления на принятие внешнеполитических решений, оказывавших непосредственное влияние на двусторонние отношения в целом, на превращение идеологического фактора в их постоянно действующую негативную составляющую, при том что он (если под идеологией понимать совокупность идей, ценностей и мифов, определяющих мировосприятие) существовал с момента установления межгосударственных контактов. В итоге имагологический анализ, междисциплинарный по своей сути, стал тем инструментом, использование которого открывало заманчивые перспективы постижения того, как русский «Другой» конструировался и переопределялся в американском дискурсе идентичности в качестве значимого (конституирующего), а «демонизация» и «романтизация» образа России становилась механизмом оживления американского национализма.

Обозначенный период оказался крайне интересным для исследования, поскольку за это время впервые в истории российско-американских отношений произошла их видимая эволюция от дружественного статус-кво к первому кризису, а затем через сосуществование двух одинаково значимых тенденций, ориентированных как на сотрудничество, так и на конфликт, – к реальному

сближению, начавшемуся во второй половине 1914 года. В конце третьей части повествование выводит читателя в период Первой мировой войны, когда на фоне взаимовыгодного торгово-экономического, военного, гуманитарного сотрудничества двух стран проблема взаимного познания и изучения была впервые поставлена в «повестку дня» двусторонних отношений. В то же время эпилог переносит нас в начало XXI века, что позволяет рассмотреть образы, мифы и стереотипы восприятия в исторической перспективе, подчеркнуть их устойчивость и обратив внимание на то, как вчерашние метафоры становятся частью современного общественно-политического дискурса.

Для решения поставленных задач мне пришлось обратиться к изучению не только традиционных для исторического исследования источников, но и путеводителей, учебников, литературных текстов. Наконец, окунуться в чарующий мир американской карикатуристики. Собственно, визуальный ряд в книге выстраивается за счет карикатур, за исключением двух картин И.К. Айвазовского – «Корабль помощи» и «Задача продовольствия», написанных им в 1892 году во время визита в США, где развернулось филантропическое движение в пользу голодающих русских крестьян. Айвазовский подарил картины Soconan Gallery. В президентство Дж.Ф. Кеннеди они выставлялись в Белом доме с целью продемонстрировать, что американцы всегда оказывали поддержку народу, а не правительству России, и в 2008 году были проданы в частную коллекцию. Благодаря их теперешнему владельцу я получила возможность включить в свою книгу качественные иллюстрации этих малоизвестных картин Айвазовского, которые прекрасно вписываются в тот сложный комплекс чувств любви-ненависти, определявший в прошлом и продолжающий определять в настоящем видение России в США.

Безбородов А.Б. (д.и.н., профессор, проректор по учебной работе РГГУ):

У этой книги будет завидная историографическая и педагогическая судьба. Историографическая – поскольку текст изобилует наблюдениями, которые может взять на вооружение любой специалист, занимающийся историей XX века, интересующийся историческими и историографическими мифами периода «холодной войны», педагогическая – в силу того, что работа Викторией Ивановны, безусловно, интегрируется в учебный процесс не только в качестве серьезного монографического исследования, но и как своеобразный учебник по определенному периоду истории российско-американских отношений, истории США и России, наконец, по методологии изучения взаимовосприятия.

Заботкина В.И. (д. филолог. н., профессор, проректор по международным инновационным проектам РГГУ): В настоящее время мы наблюдаем переход от традиционной, монодисциплинарной модели порождения и передачи знания к междисциплинарной. И автору удалось продемонстрировать, что такое междисциплинарность в лучшем смысле этого слова. За этим текстом стоит диалог. И тот самый бахтинский диалог «Я» – «Другой», и диалог автора с источниками и эпохой. Когда читаешь эту книгу, чувствуешь интонации и эмоции Викторией Ивановны, которые концептуально сливаются с интонацией американского восприятия. И это удивительное интеллектуальное совпадение дорогого стоит. Будучи лингвистом, я прежде всего впечатлена умелым оперированием терминами прагмалингвистики в приложении к конкретному историческому материалу, смелостью историка, готового вторгаться в иные дисциплинарные поля в поисках механизмов исследования того, что американцы и русские думали о себе, окружающем их мире и своем месте в нем.

Зверева Г.И. (д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и теории культуры РГГУ): Мое высказывание строится вокруг трех слов – масштаб, результат, ценность. Говоря о масштабе, я имею

виду не объем, не количество страниц и иллюстраций (хотя само по себе все это, безусловно, впечатляет), а три уровня научного исторического исследования, тщательно прописанные и удивительным образом переплетающиеся в этом тексте. В нем обсуждается взаимосвязь того, как производится политическое, и как это политическое сопрягается с производством мифического. В то же время исключительно интересно то, каким образом в исследовании Виктории Ивановны выглядит «публичная сфера» – открытая, подвижная, многосоставная коммуникативная среда и, одновременно, сложное медийное пространство, в котором нет, как выясняется, никакой иерархии, когда идет речь о производстве образов, мифов, стереотипов. Говоря о совокупном результате этой работы, хочу подчеркнуть умение автора органично использовать современные познавательные подходы, техники и процедуры анализа вербальных и визуальных текстов, то есть умение переводить довольно сложный массив современного теоретического знания в конкретное научное исследование. Это, действительно, очень мощный результат для российской исторической науки. Наконец, о ценности. Она прежде всего в том, что книга могла бы стать подлинным руководством для научной работы молодых исследователей. Перед нами очень чистая, тщательно выверенная и отлично представленная научная позиция, которой трудно следовать, невозможно подражать, но есть чему учиться. И второе, пусть это и из разряда утопического, но мне бы очень хотелось, чтобы эта книга стала руководством для российских и американских политиков.

Мальков В.Л. (д.и.н., профессор, главный научный сотрудник-консультант ИВИ РАН): Книга Виктории Ивановны – произведение не только талантливое и новаторское, но и очень правдивое. Талантливое потому, что талантлив автор как историк и писатель. Новаторское, поскольку книга очень многогранна, многоаспектна и нахо-

дится на стыке истории, политологии, культурологии и психологии, поскольку в ней используется массив нетрадиционных для исторического исследования источников, поскольку автор умело оперирует понятиями, не всегда привычными для уха историков. Правдивое, по причине того, что Виктория Ивановна честна как исследователь, она стремится восстановить весь спектр мнений, и, вчитываясь в этот потрясающий воображение, многослойный, изобилующий мыслями и высказываниями американцев о России текст, вы вдруг осознаете, что ее история накануне 1914 года не была столь «розовой», как у нас сейчас стало модно говорить и писать. Вот почему эта замечательная книга будет полезна не только американцам, но и специалистам по русской истории. Если кто-то постарается прочитать ее внимательно и вдумчиво, будь то преподаватель, представитель интеллигенции, политик или журналист, он найдет в этом тексте чрезвычайно много того, что выходит за период 1881–1914 годов и даже 1917 года, что выводит нас из вчера в сегодня, в сегодняшнюю Америку и сегодняшнюю Россию, в их отношении к себе и между собой, что помогает нам понять природу сложных, циклически развивающихся межгосударственных взаимодействий и колебаний в настроениях американцев – от обожания России до ее ненависти. И последнее. Эта книга стала результатом подлинного международного сотрудничества автора, и прежде всего с известным американским исследователем Дэвидом Фоглесонгом. В этом смысле перед нами наглядный пример того, сколь плодотворным и взаимно обогащающим может быть обмен идеями между историками России и Соединенных Штатов.

Венедиктова Т.Д. (д. филолог. н., профессор, зав. кафедрой теории дискурса и коммуникации МГУ): Научную книгу нельзя назвать состоявшейся, если в ней нет современной, внятной, последовательно проведенной теоретической посылки, тщательно отобранного мате-

риала, поставленного и потом развернутого в тексте проблемного вопроса. Все это как раз присутствует в книге Виктории Ивановны. Есть теоретическая посылка, в частности та, что коллективная идентичность – это продукт действий, осуществляемых при помощи слов, циркулирующих в публичном пространстве, что процесс построения образа «Себя» необходимо взаимосвязан с построением образа «Другого». Собран огромный массив мнений, суждений, рассказов, изображений России и русских в Соединенных Штатах за треть столетия. Причем любопытно, что речь идет о времени в смысле событийности как бы невыразительном, когда одна война, Гражданская, для Соединенных Штатов закончилась, другая война, Первая мировая, для России еще не началась, и то и другое сообщество, и та и другая культура в это время как бы вынашивают свое будущее. То есть Соединенные Штаты еще не знают, что впереди американский век, и только издали примериваются к этой роли, Россия не знает, что впереди радикальный прыжок в неизвестное будущее, и только предчувствует его.

Перед нами история того, как американцы выбирают Россию и используют Россию в качестве опоры для работы социального воображения или социального мифотворчества. И далее весь этот материал со всей тщательностью, на какую способен, пожалуй, только высокопрофессиональный историк, описан, классифицирован и, самое интересное, оценен в его функциональности, то есть взаимосвязанности. В фокусе внимания автора последовательно находится тройная взаимообусловленность: внешней политики с общественным мнением, общественного мнения с медийным, в данном случае печатным, дискурсом, и медийного дискурса с социальным и культурным воображением. Автор ставит закономерный проблемный вопрос: во-первых, что мешало трезвой оценке американцами нашей страны, и, во-вторых, как же выйти к желаемому более адекватному модусу представлений о

России как о «Другом». И это уже не собственно историческая проблема. В эпилоге звучит призыв выстраивать отношения не с воображаемой Россией, а с реальной. Но относительно чего может осуществляться эта поправка на реальность, можно ли вообще выйти за пределы воображаемого и хотя бы релятивизировать власть идеологического мифа? Собственно, данный проблемный вопрос проходит через всю эту тысячу с лишним страниц подводным течением. Обсуждается при этом несколько решений.

Первое, я бы назвала его предписательным, это установка на, как выражается Виктория Ивановна, позитивизацию представления о «Другом», я бы даже сказала, несколько утрируя, род самоцензуры (скажем, американским путешественникам рекомендовалось не критиковать власти России и помнить о недостатках в «собственном доме»). Отсюда следует второе решение, которое я бы назвала риторическим. Оно предполагает умелое балансирование противоположными перспективами, что в совокупности должно дать эффект объективности. Третье решение можно определить как эпистемологическое. Это ставка на, по возможности, более широкое распространение академических знаний о России, знаний трезвых, корректных, научных, свободных от культурно-идеологических установок. Конечно, большой вопрос, насколько научное знание от этих самых установок освободиться вообще способно. Книга интересна как раз тем, что она очень тонко указывает на этот и целый ряд иных «ловушек» восприятия. Ну, в частности, представление об Америке и о России как о политических субъектах, связанных взаимодополняемостью, как о странах-сестрах (выражение Н.В. Чайковского). Это и заманчивое видение, и очень опасное, поскольку с фигурой более нейтральной была бы, наверное, и более свободная связь. Любопытно, что в начале XXI века ровно это и происходит. Как справедливо пишет Виктория Ивановна, снижается роль русского

«Другого» в формировании американской идентичности. А вот печалиться по этому поводу или радоваться – вопрос очень интересный. Может быть, если американская широкая публика вообще забудет о нашем существовании, а внимание к нам в США будут проявлять профессиональные историки, литературоведы и искусствоведы, качество россиеведения от этого только выиграет. То есть, как справедливо замечает автор, мы тогда обречем шанс не быть конституирующим «Другим» для американцев, в чем нам долгое время было отказано. Такое решение мне представляется четвертым. Именно ему я более всего сочувствую, и, полагаю, Виктория Ивановна тоже. Оно, конечно, труднодостижимо, поскольку к объективности построения образа «Другого» мы тяготеем не только в ситуациях, когда этот самый «Другой» далек и безразличен, но также и в тех ситуациях, когда мы находимся с ним в плотном, равноуровневом и при этом практическом взаимодействии.

В этой связи я бы хотела сказать о проблеме учебников, которыми так интересно, активно и давно занимается Виктория Ивановна. Не секрет, что школьный учебник по истории и академическая дисциплина с тем же названием друг к другу имеют, в общем, косвенное отношение. Задача объективного представления наличного уровня знаний для учебника, скорее, вторична (об этом как раз говорится на странице 1027 книги), а первична задача социализации молодежи, американской или российской, как лояльных граждан национального сообщества. Однако вопрос состоит в том, с чем сообщество больше связывает перспективы собственного развития – с самоутверждением или с эффективной кооперацией внутри глобального ансамбля, воспитывает ли оно просто патриотов или патриотов, способных одновременно быть гражданами мира. Так вот, пока мы не научимся с этим парадоксом работать, никаких особых

оснований смотреть в будущее с оптимизмом у нас не будет.

Сергеев Е.Ю. (д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра «XX век» ИВИ РАН): Хочу обратить внимание на три момента. Во-первых, в этой книге мастерски использована американская политическая карикатуристка (и это можно назвать know-how работы). Во-вторых, применение междисциплинарных методов имагологического исследования, помогающих историку проанализировать сложную динамику формирования образно-представленческих структур, дает нам возможность приблизиться к пониманию не только России в США, но и Соединенных Штатов в России, т. е. мы оказываемся в пространстве взаимовосприятия, пусть и через «двойную рефлексию», как это любит называть Виктория Ивановна. В-третьих, работа интересна не только для американистов, русистов и специалистов по российско-американским отношениям, но и для тех, кто, как я, занимается изучением англо-русских отношений. Ведь не секрет, что взаимосвязь Великобритании и США никогда не прерывалась.

Журавлева В.И.: В заключение я бы хотела выразить благодарность моим рецензентам И.И. Курилле, В.Л. Малькову и Д. Фоглесонгу, оказавшим своими советами бесценную помощь при написании книги, моим учителям Н.Н. Болховитинову, Н.И. Басовской и Г.И. Зверевой, которые дали мне путевку в научную жизнь, моим родным и друзьям, свято верившим в то, что эта книга увидит свет. Я очень признательна издательству РГГУ за тот колоссальный труд, который был проделан при подготовке рукописи к печати. И наконец, слова моей искренней благодарности в адрес Института Кеннана и Программы Фулбрайта в России, поскольку без предоставленных ими грантов я не смогла бы собрать тот вербальный и визуальный материал, который сделал возможным появление этой книги и наш с вами сегодняшний разговор о ней.

Вышли из печати

В сборнике публикуются материалы семинара, проведенного 26 апреля 2012 года Волгоградским государственным университетом совместно с Институтом Кеннана при поддержке Фонда Ф. Эберта. В статьях ученых, учителей и методистов в области преподавания истории из Волгограда, Москвы, Ярославля и Волжского рассмотрены острые вопросы создания и использования школьного учебника истории. Предназначен для ученых-историков, учителей, авторов учебников истории, а также политиков, определяющих подходы к школьному историческому образованию.

Как отмечает в послесловии к изданию его редактор, руководитель Волгоградского исторического семинара, профессор Иван Куриллы, «учебник завтрашнего дня вполне может стать интегратором разных взглядов на историю». «...мы уже живем в обществе, разные группы которого придерживаются различных ценностных систем, и вряд ли в обозримом будущем это разнообразие будет уменьшаться. А значит, история, рассказанная и увиденная «глазами» приверженцев этих разных систем, станет важнейшей частью воспитания умения вести диалог, слышать оппонента, то есть умения жить в этом сложном современном мире».

Кто боится учебника истории? Материалы семинара.

Под ред. И.И. Куриллы. Волгоградский исторический семинар. Вып. 4.

Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 106 с.

Summaries

Andrei Ryabov

Post-Soviet States: Development Deficit against a Backdrop of Political and Economic Diversity

The aim of the article is to analyze the nature of social systems in post-Soviet states and evaluate the potential for social changes occurring within them. What must be done to help these countries emerge from their present stagnation? According to the author the central problem is how to get effective players involved in the development process. At present the people that control resources and participate in various shadow and informal activities have no interest in change of any kind, whereas those that might realistically be interested in systemic transformations lack access to power and resources.

Another problem relates to the search for political practices adequate to the task of creating new internal mechanisms of development. The future of post-Soviet states depends to a large extent on the way in which these problems are solved.

Aleksei Alexeev

The Russian Real Sector: Spring-Board for an Innovation Economy?

Does the level of development of Russia's technological system correspond to ideas about the position Russia aspires to occupy in the contemporary world? To answer this question the author compares the manufacturing sectors in the Russian Federation and the United States.

The author reveals several fundamental problems in the Russian manufacturing sector. According to Alexeev, in order to break free of degradation tendencies in the national economy Russia must change not only its economic policy, but also the principles on which that policy is based. Instead of protecting and preserving the remaining elements of the existing economic system, the new economic policy should develop and create from scratch new elements capable of meeting the challenges of the global economy. For this purpose it is necessary to create an investment climate that is competitive by world standards, as well as an efficient state.

Andrei Medushevsky

Modernization of the Constitutional System: Is a Review of the Fundamental Law of Russia Needed?

The debates about strategies for modernizing Russia's political structure have served to make constitutional reform a central focus of the political agenda. To what extent does the working Constitution meet the demands of the current stage of social development? Are its principles and norms still valid? And what should be the scale, main focus and implementation technologies of constitutional changes? The search for answers has divided Russia's social and intellectual elite and underlined the need for serious discussion. This article presents several of the author's conclusions.

Victor Sheinis*Devolution of the Electoral System in Russia*

The author considers the various stages of transformation of the Russian electoral system from the late 1980s up to the present day. The changes that occurred in the 2000s are defined as *devolution*. One meaning of this term is the transfer of functions or authority from one actor to another. The forming of state authorities and local governments has gradually shifted from the electorate to the government itself. The second meaning of “devolution” is degradation, decline. The electoral system has been deprived of a core principle, i.e., political competition.

The author cites as positive developments both ongoing expert legislative work (proposal of a concrete plan for political reforms and electoral legislation), and direct participation in election campaigns (sending observers to provide public-financed monitoring of elections).

Aleksei Barabashev, Aleksandr Obolonsky*Cleaning out the Augean Stables of Our Bureaucracy: Two Points of View*

The state system that has evolved in Russia is extremely archaic and ineffective and, worse still, morally corrupts people both within and outside state organizations. The article focuses on one particular aspect of the long-overdue changes – the problem of personnel in the machinery of State. In the first part of the article the authors introduce an ideology that defines the principal vector of feasible changes: elaboration of mechanisms enabling civil society to participate in the recruitment and evaluation of government personnel, and of new types of management technology or know-how. The second part is devoted to an analysis of the technological details of the public-state contract for recruiting civil service personnel for the state. The authors regard the delegation of civil service recruitment functions to independent professional agencies as the most logical and promising of options.

Sergei Fedyunin*The World after Multiculturalism: Scientific Breakthroughs and Political Deadlock*

Structural changes that have occurred over the past few decades in connection with the modernizing of society and globalization have brought about inevitable demographic transformations and encouraged a reorganization of the global ethno-cultural environment, especially in the countries of the global North. In recent years these countries have become an arena for academic debates that have persuaded the academic community to reassess its understanding of cultural diversity and social integration. However, the solutions to the impasse that have been proposed by the scientific community have often remained unheard or been misinterpreted by politicians and public administration.

Academic arguments sometimes filter through into political debates, of course, but they are forced to fit into the very different context of ideological confrontations. This hampers attempts to reinterpret attitudes towards cultural diversity and prevents the creation of a new symbolic policy as well as social integration and immigration projects. The article is devoted to a confrontation that has been building up for some time between scientific innovations and political reaction to them. Even contemporary Europe, regarded as an outpost of human rights and democracy in the modern world, is a hostage to this confrontation.

Vladimir Krzhevov

Prospects for Cultural Integration in Russia: Religious Communities Instead of a Civil Nation?

In present-day Russia one can identify two distinct variants of the cultural integration of society. Either the clergy will attempt to consolidate it on a religious basis, as required by the radical wing of the Russian Orthodox Church and representatives of other “traditional” confessions, or social consolidation will be achieved on the basis of the principles and values of civil society listed in the Preamble of the working Constitution.

The author comes to the logical conclusion that the first variant is fraught with social explosions and an intensification of disintegration processes. It may be that cultural consolidation in Russia will prove possible only if the country agrees to recognize and adopt principles of the primacy of human rights and unlimited freedom of conscience. Implementation of this program would by no means lead to a loss of cultural identity, limitation of the rights of believers, or constraint of civil activity on the part of religious entities.

Olga Vendina

Two Moscovs: Muscovites’ World-Outlook and the Differentiation of Urban Space

The author invites readers to view the city not as some kind of external force (a concept that might fit the formula: “huge city and small person”), but rather as a living environment, created and changed by its citizens. What does the city give back to us in exchange for our world-outlook and behavior? How do people’s value systems and priorities influence the organization of the urban space?

Taking into account that citizens can differ greatly from one another and prefer to “reorganize” the city in accordance with their own individual perceptions, the author examines the processes that dominate in different areas of Moscow and evaluates the level of fragmentation of the urban environment and urban community.

Marya Rozanova

Integration Policy in a Modern Megalopolis (St. Petersburg)

The article contains an analysis of integration policy in St. Petersburg. The author is particularly interested in revealing the strengths and weaknesses of city programs designed to develop tolerance (2006–2010, and 2011–2015). Due to the need to take into account the religious factor in shaping St. Petersburg’s supra-ethnic identity, the author emphasizes the importance of global experience, especially in regard to confrontations between migrants representing various Muslim communities and citizens of Western host countries. She concludes that harmony in inter-cultural relations may be achieved if migrants agree to broaden their rather narrow repertoire of ethnic and religious identity, demonstrate loyalty to formal institutions of political governance, and maintain a high level of tolerance for the many norms that are incompatible with their traditional way of life. At the same time the host society should demonstrate a higher degree of openness and tolerance. This model can work only if there is close cooperation between federal and local authorities and all directives relating to integration policy are implemented consistently.

Aleksandr Okun

“I would rather be a citizen of despotic Russia...” Richard Greener – the First US Consul in Vladivostok

The article is dedicated to Richard Theodore Greener (1844–1922), one of the most remarkable figures in US public life during the second half of the 19th century. His name is practically unknown in Russia and not well known in modern America, although Greener was regarded as one of the most gifted African-American intellectuals of his generation. His diplomatic service in Russia was the peak of his political and public activity but at the same time it had contradictory consequences for his life in the future.

Elena Fomina

Karelian Fever

The author describes a short and tragic episode in Karelian history barely known in contemporary Russia. During the five-year period from 1930 to 1935, six and a half thousand Finnish immigrants arrived in Russia from Canada and the United States. They came as families, with their children; they sold their houses and cars and used the money to purchase the machinery and tools that were so essential to the young Soviet state. They anticipated another new life. Later, historians would name this exodus the “Karelian Fever”.

Приглашаем авторов к сотрудничеству

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 24, осень 2013) до 1 сентября 2013 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. Шахов М.О. Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. Hamilton G.H. The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; Brumfield W.C. Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. Найман А. Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 23 / 2013

Сдано в набор 26.04.2013 Подписано в печать 29.04.2013 Формат 70x108/16

Объем 9 п.л. Тираж 750 экз. Печать офсетная. Заказ № 4397

Отпечатано в типографии: ООО «ТДДС-СТОЛИЦА-8»

Тел.: 8 (495) 363-48-84,

<http://www.capitalpress.ru>